

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И МЕТОДИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ВАВИЛОН»

**ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ,
ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Сборник научных трудов по филологии № 8

15 ФЕВРАЛЯ 2013 г.

г. Астрахань – 2013

УДК 80
ББК 81.00
О766

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

Рецензенты: Е.В. Алымова канд. фил. наук, доцент ЮРГИ,
О.А. Зобнина канд. фил. наук, доцент ВАГС

Редакционная коллегия:

Г.В. Рябичкина (гл. редактор), Н.И. Кривых (зам. гл. редактора),
Л.И. Балашова, Л.Д. Кривых, О.Б. Багринцева

О 766 Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации [Текст]: сборник научных трудов по филологии № 8. 15 февраля 2013г., г. Астрахань /сост. Р.Р. Бикешева, О.В. Чувашова – Астрахань: Издательский дом: «Астраханский университет», 2013. – 126 с.

ISSN 2075-1699

В сборник вошли материалы межвузовских трудов по филологии «Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации», посвященных изучению наиболее актуальных и значимых проблем лингвистической науки: лингвистики текста и речевого дискурса, лингвистики в начале XXI века, как одного из перспективных направлений, обучения иностранным языкам и др.

Может быть полезен лингвистам, педагогам, студентам и аспирантам.

© Р.Р. Бикешева, О.В. Чувашова, составление, 2013
© Издательский дом: «Астраханский университет», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Абашов Ю.М.	5
Проблемы перевода немецкого молодёжного сленга на русский язык	
Ахметсагирова Л.И.	9
Символическая парадигматическая характеристика лемм в русско-немецких словарях XIX века	
Балашова Л.И.	14
Глагол “to be” в языке алгебры	
Битокова С.Х.	16
Цвет в призме обыденного и научного познания	
Бокатина Ю. И.	19
О формировании функциональной грамотности учащихся в процессе обучения русскому языку	
Гетегежева Ф.В.	21
Функциональные особенности иноязычных вкрапление в английском романе (на примере кабардино-черкесских понятий системы воспитания)	
Гетегежева Ф.В.	31
Иноязычные вкрапления в английском историческом романе как трансляторы этнокультурной информации	
Голайденко Л.Н.	37
Повтор слов со значением представления и его функции в художественной прозе (на примере существительных и прилагательных)	
Горбунова Е.Ф.	44
Сравнительный анализ концепций формирования «Я» писателя в трудах Ю.М. Лотмана и С.Гринблатта	
Горошко О.Н., Малышкина Е.В.	47
Особенности функций повторов в поэтической речи	
Григорук С.И.	52
Использование приема эквиваленции при воспроизведении речи персонажей новелл В.Стефаника «Камінний хрест» и «Кленові листки» в переводах на русский язык в Россельса	
Жургова А.З.	54
Особенности реализация гетеростереотипов о России и русских и об американцах и Америке по материалам опросов общественных организаций и международных проектов	
Жургова А.З.	60
Структурно-функциональная парадигма этнических стереотипов в аспекте лингвокультурологии	
Заец В.Г.	69
Использование межпредметного дидактического материала в 8-9 классах с углубленным изучением украинского языка	
Зайчикова Н.М.	73
Когнитивные особенности научно-технического перевода	
Зубкова Н.Ю.	76
Актуализированные метафорические образы пространственных фразеологизмов с семантикой «близко» в современной французской лингвокультуре	
Исянгулова Г.А.	79
Междометия, заимствованные из других языков, в современном башкирском языке	
Кукуева Г.В.	82
Подчинение в механизме межтекстовой деривации (на материале современных рассказов-анекдотов)	

Мартынова Н.А.	85
К учету специфики юридической терминологической лексики при переводе	
Новикова Е.Б.	88
Словообразовательные особенности прилагательных - неологизмов в современном украинском языке	
Преображенская В.В., Зеремская Ю.А.	91
Особенности перевода научно-технических текстов	
Прокофьева И.О.	94
Взгляд на настоящее через призму вечного в повести С. Чураевой «Последний Апостол (Повесть о необычайных приключениях святого Павла)»	
Сафронова Н.А.	99
К вопросу о временном значении деепричастий	
Стул Т.Г.	103
Обучение языку профессиональной коммуникации в сфере медицины	
Ступницкая Н.Н.	105
От косности «правильного» мировоззрения к рефлексирующему сознанию (по роману А.И. Солженицына «в круге первом»)	
Тайдонова С.С.	109
Фразеологизмы, включающие в свой состав антропонимы-имена, которые означают абстрактные неодушевленные понятия	
Терентьева С. В.	111
Особенности языковых курсов как формы дополнительного образования взрослых	
Червякова Л.Д.	114
Некоторые вопросы теории и практики использования элементов лингвистического анализа в процессе обучения переводу	

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКОГО МОЛОДЁЖНОГО СЛЕНГА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ю.М. Абашов

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
г. Калининград

В последнее время молодёжная культура оказывает большое влияние на стиль художественной немецкой литературы. Молодёжная культура — это свой, ни на что не похожий мир. Он отличается от взрослого своей экспрессивной, порой даже резкой и грубой манерой выражать мысли, чувства, неким сложным абсурдом, который могут употреблять только молодые люди, смелые и решительные, настроенные против всего мира. Как следствие этого — возникновение молодёжного сленга. Молодёжный сленг представляет собой интереснейший лингвистический феномен. Он бытует не только в среде городской учащейся, но и в молодёжных более или менее замкнутых референтных группах [Береговская 1996:3].

Сленг (от англ. *slang*) — терминологическое поле, набор слов или новых значений уже существующих слов, употребляемых в различных человеческих объединениях: профессиональных социальных, возрастных групп [www.wikipedia.zhargon.ru]. В 70-80 гг. атмосфера общественной жизни породила неформальные молодёжные движения и «хиппующие» молодые люди создали свой «системный» сленг как языковой жест противостояния официальной идеологии государства. Все эти социально-политические условия оказали влияние на формирование молодёжи [Береговская 1996:4].

Молодёжный сленг — социальный диалект людей в возрасте 13-25 лет, возникший из противопоставления себя не столько старшему поколению, сколько официальной системе. По мнению Г. Эманна, одной из важнейших причин использования молодёжного сленга является «аспект протеста» (*der Protestaspekt*) [Ehemann 2001:10]. Переводчик часто сталкивается с ситуацией, когда лексические единицы исходного языка, использованные для обозначения социокультурных реалий, не имеют соответствий в дискурсе языка перевода. В этом случае мы можем говорить о безэквивалентности лексических единиц при переводе, которые мы находим в молодёжном сленге. В связи с этим мы проанализировали перевод молодёжного сленга на русский язык в произведениях современных немецких писателей: в романе Т. Бруссига «На коротком конце Солнечной аллеи» («*Am kürzeren Ende der Sonnenallee*»); в сборнике рассказов В. Каминера «Русская дискотека» («*Russendisko*»); в романе Ю. Це «Орёл и ангел» («*Adler und Engel*»). При исследовании лексики современной немецкой литературы, по-нашему мнению, появление молодёжного сленга можно разделить на два этапа.

Первый этап (1960—1990 гг.) — период разделения Германии на два государства — ГДР и ФРГ. Эти годы описаны Т. Бруссигом в романе «На коротком конце Солнечной аллеи». Здесь автор рассказал о немецкой молодёжи 60—70 гг. XX века. Герои романа — четверо непутёвых друзей в возрасте 16 - 19 лет и обворожительная девушка, в которую влюблены юноши = томятся за Берлинской стеной, изредка заглядывая за неё, в сверкающий за ней «свободный мир Запада». Они тайком слушают запретные песни таких западных кумиров, как Rolling Stones, мечтают о настоящих джинсах и осваивают постепенно основы модной философии экзистенциализма. Молодёжный сленг, который был характерен для этого времени, резко отличался от разговорной лексики западной немецкой молодёжи. В основном это были заимствованные из русского и английского языков «модные» словечки с разговорной и грубо-фамильярной окраской, для перевода которых переводчик находит соответствующие эквиваленты русскому языку: «Ohne Eile richtet sie sich auf. Oh, *Scheisse*, sage ich. Komm rein. Wie geht 's. Gut, sagt sie» [Brussig 2001:135]. — «*He спеша, она выпрямилась. Вот чёрт,* — сказал я. —

Проходи. Как дела? — Нормально, — ответила она [www.kulturolog.narod.ru/rusmat.htm].

В приведённом примере лексема *Scheisse* имеет фамильярную окраску. Налицо фривольность выражения, когда главный герой пытается избавиться от неловкой ситуации, возникшей при свидании с девушкой, которую он заставил ждать. Часто лексема *Scheisse* в молодёжном сленге может приобретать очень грубую окраску: «Jetzt lohnt sich, mit dem Tagebuch anzufangen, weil ich ein ganz wichtiges Wort schreiben kann, das ich bis jetzt immer nur denken konnte: *Scheiße!*» [Brussig 2001:14]. — «*Сейчас это стоит того, чтобы начать с дневника, так как сейчас наконец-то я могу написать одно очень важное слово, о котором до сих пор, я мог лишь только подумать: дерьмо!*» [www.kulturolog.narod.ru/rusmat.htm]. Эта лексема передана переводчиком как «*дерьмо*», хотя возможен и другой перевод: «*чёртовщина*», «*идиотизм*», «*проклятье*», «*блин*».

Лексика, используемая молодым человеком в романе Г. Бруссига, имеет ярко выраженную вульгарную окраску, пренебрежительный оттенок повествования. Эта лексема выступает здесь как средство сатиры, авторской насмешки и презрения.

Возникновение новых слов в молодёжном сленге наблюдается на втором этапе (после 1990 года, то есть после объединения ГДР и ФРГ). Этот период характерен переселением этнических немцев из постсоветских республик. К этому периоду относится сборник рассказов советского эмигранта Владимира Каминера, пишущего на немецком языке. Молодёжный сленг В. Каминер использует для характеристики своих героев: «Wir sollten uns kennenlernen, bi- schen *beschnuppern*, möglist bald...» - [Kaminer 2005:21]. «*Мы должны познакомиться, немного присмотреться друг к другу, как можно быстрее...*» Лексема из молодёжного сленга «*beschnuppern*» переведена как «*присмотреться*», хотя в словаре дан её перевод как «*обнюхивать*», «*принюхиваться*». Переводчик не применяет при переводе молодёжный сленг, используя в этом случае нейтральную лексическую единицу «*присмотреться*» [www.screen.ru/Smirnov].

Ярким примером может служить в употреблении молодёжного сленга произведение молодой немецкой писательницы Ю. Це «Ангел и орёл» (*Zeh, Juli „Adler und Engel“*). Герои Ю. Це говорят не на литературном, а на языке, в котором преобладают жаргонизмы и табуированная лексика. Этот язык, свойственен возрастной группе 17—18 лет. Использование в романе большого количества слов из молодёжного сленга и сниженной лексики ни в коей мере не умаляет художественного достоинства данного романа. Оно, на наш взгляд, эстетически и коммуникативно мотивировано, поскольку лексика и фразеологические выражения из молодёжного сленга используется иногда немецкими журналистами и даже некоторыми людьми разного социального статуса, возраста и культурного уровня. Наиболее частой причиной употребления молодёжного сленга является *прагматический аспект*: нужно сказать быстро, точно передать информацию, расходуя минимум слов и времени, при этом быть понятым сразу, отсюда стремление к сокращениям, акронимии, территориальным дублетам, перешедшим из идиолекта в общеупотребительную сферу: *der Prof*, вместо *der Professor* (профессор); *Koks* вместо *Kokain* (кокаин) [Zeh 2003: 110].

Не в последнюю очередь с речевым прагматизмом связано употребление сниженных лексических единиц в *когерентной функции*, то есть в функции междометных слов и слов — заполнителей речевых пауз, «связки» речи в единое предложение. Заполнить возникшую паузу удобнее всего сниженной лексикой, так как она всегда имеется в словарном языке молодых эмигрантов, владеющих немецким языком на бытовом уровне, а иногда даже и подростками, даже для которых немецкий язык является родным: „Meine Liebe, — sage ich, — was ich so endlich gefährlich macht für dich, ist die Tatsache, dass ich auf mein Leben *scheiße* und du nicht auf deins. Also gib *verdammt* noch mal acht, was du sagst [Zeh 2003: 100]. — «*Моя дорогая, сказал я, — что делает меня бесконечно опасным для тебя, так это тот факт, что мне на мою жизнь начхать, а тебе на твою — нет. Поэтому следи-ка, чёрт возьми, за тем, что говоришь*».

Переводчик мог бы перевести глагол *scheißen* на русский язык в соответствии со словарным значением «испражняться». В данном случае он находит разговорное слово «начхать». К сожалению, это слово нередко употребляется в художественных фильмах, которые показывают как в Германии, так и в России. В тесной связи с когерентной функцией находится дейктическая функция сниженной лексики молодёжного сленга. Функция междометных ситуативных обозначений предмета разговора (при этом такие слова почти всегда имеют аморфную семантику, обусловленную ситуацией общения):

«Also wer, — fragt Clara. Schau, **Zeiserl**, sagt er, mal den Jams Bond „Goldfinger“ gesehen?» [Zeh 2003: 32]. — «Кто?» — спросила Клара. «Слышь, **дурочка**, — сказал он. — Хоть раз видела «Золотой пальчик» Джеймса Бонда?»

Употребление подобного обращения с учётом ситуации может иметь инвективный (оскорбительный) эффект, который в научной литературе рассматривается как литературно-художественный текст со сниженной (иногда с обцененной лексикой). Особый интерес здесь, бесспорно, представляет для переводчика перевод лексики номинативной функции, которая в молодёжном сленге часто неотделима от инвективной (оскорбительной) функции. Ответить агрессией на агрессию, оскорблением на оскорбление ценится в подростковой среде выше всего, а также и умение дать молодому человеку обидное и меткое прозвище [www.grammar.ru].

В настоящее время в молодёжной среде находит своё отражение в использовании номинативных лексем. Здесь сниженная лексика выступает как средство разрядки психологического напряжения индивида, которую иногда невозможно перевести на русский язык: «Du hast den Schlüssel stecken lassen, flüsterte Shershah, du verdammter **Schwanzlutscher!**» [Zeh 2003:148]. — «Ты оставил ключ в замке зажигания, — прошептал Шерша, — проклятая **нустышка!**» Лексему *Schwanzlutscher* на русский язык в данном случае перевести можно только описательно как «**нустышка**», «**соска**».

Особую сложность для выполнения качественных переводов представляют тексты, в которых используются заимствования из английского языка (*Denglish*), и словаря языка Kanakisch (канаки). Слово Kanake полинезийского происхождения и означает «человек», но в Германии оно стало ругательством в адрес проживающих в ФРГ иностранцев, особенно турецких эмигрантов. Kanakisch — это слова из турецкого, немецкого и русского языков. Он превратился в разговорный язык турецких и российских переселенцев. Так, например, нередко родители в немецкой семье слышат от своего любимого ребёнка такую фразу: «Was **guckst** — **Bin isch Kino, oder was**«. — Чего уставился? — Я тебе что кино или как?!» Словарь языка канаки состоит более чем из 300 слов. Треть слов относится к выражениям, связанных с естественными потребностями человека и сексуальной сферой. Вторая треть связана с автомобилями, а остальная треть связана с бытовой техникой. На языке Kanakisch (канаки) говорят молодые турки и дети российских немцев, для которых это ещё один способ выразить свой протест миру взрослых ввиду негативного отношения к ним как эмигрантам [Constantin 1986: 90—92].

Источником пополнения состава молодёжного сленга является также заимствованная лексика из английского языка (*Denglish*), являющаяся в исходном языке нейтральной и перешедшая в немецкий язык без переосмысления с расширением или сужением понятия, приобретает разговорную окраску ввиду звукового онемечивания или фонологической германизации, которую литературный немецкий язык старается избегать [Гекало 2003:18-23]. Перевод такого лексического материала создаёт для переводчиков большие трудности, например: **Monnis** < money - деньги; **Workmän** < workman - рабочий; **konnäkten** < to connect - соединиться [Hoberg 2000:85]. Наряду с онемечиванием переводчик должен обращать внимание на обратный процесс, связанный с таким средством словообразования, как **словоискажение** или **лексическая мутация**: **laschi** - ленивый, скучный < lasch - вялый; **Randalo** - скандалист < randalieren - скандальничать; **dikalo** - радикальный < radikal - радикальный. Следует отметить, что в

молодёжном сленге распространена неологизация, которая позволяет говорящему выделиться, показать свою оригинальность. Ряд неологизмов в современном молодёжном сленге довольно широк [Ehemann 2001:11]: *Halbbomber*- полоумный; *fluffig* – приятно мягкий, воздушный; *Heizkeks* заводила на вечеринке; *Toffel* - дурак; *alken* – напиться; *Alki* – алкаш; *Proggi* – программа; *Poli* - полиция. Если рассматривать лексему *alken* (напиться) <*Alki* (алкаш), то она иллюстрирует нередкий для молодёжного словообразования приём вербализации имён существительных: *festen* – праздновать < *Fest* - праздник; *müllen* – болтать чепуху; *Müll*- мусор; *zoffen* - спорить < *Zoff* - спор. В случаях с существительными *Proggi* – программа и *Pol* - полиция речь идёт о неологизмах, образованных путём экономизации – сокращением нейтральных лексем «программа» и «полиция». Суффикс *-i* В.Д. Девкин относит к аффиксам, которые служат в образовании неологизмов молодёжного сленга [Девкин 1994:16]. Г.Эманн замечает, что негативная коннотация четко прослеживается только лишь в контексте [Ehemann 2001:11].

„Lass mal dein *Proggi* reparieren, ja! Heute fährst du echt' n *astreines Proggi!* „Смени пластинку! Сегодня ты несёшь полную чушь!» Здесь Интернет-жаргонизм *Proggi* – прога переосмыслен и получает значение «образ, мысль поведения». Нередко переосмыслению в молодёжном сленге подвергаются слова, пришедшие из Интернета: *Massage* –сообщение, *Looser* - неудачник, *Hacker* - хакер, *Two - Spot* – двоеточие Исходя из анализа переводов произведений немецких писателей, переводчику необходимо учитывать в молодёжном сленге изменение изначального значения слова в тех случаях, когда происходит *а) полное изменение значения (семантическая вариация): Melone* - - башка, *Tomate* - голова; *fundamental/fundi* - клёво, класс, прикольно; *Massage* - драка, удар; *б) расширение значения (семантическая эддиция): fett* - жирный; супер, очень хороший; *cool* - спокойно, расслабленно, очень хорошо; *schoppen* - делать покупки, употреблять алкоголь; *в) сужение значения: Looser* ненадёжный человек; *Mega-Deal* – большая, хорошая вещь; *г) возвращение начального значения (семантический парадокс): Massage* - сообщение; *ätzend* - едкий; вялая шутка, скучное общение.

Предметом нашего исследования явился перевод лексических единиц молодёжного сленга немецкого языка и их русские эквиваленты. У переводчиков часто возникает проблема эквивалентности перевода особенно ненормативной молодёжной лексики. Исходя из анализа переводов текстов, содержащих молодёжный сленг и зачастую его ненормативную и бранную лексику, нами сделан вывод о необходимости достижения коммуникативной интенции для обеспечения эквивалентности перевода. При анализе перевода сленга мы пришли к выводу, что действительно непереводаемыми являются лишь те отдельные элементы языка подлинника, слова социальных и криминальных жаргонов, которые имеют ярко выраженную местную окраску. Переводчику приходится прибегать к опущениям, заменам и структурным преобразованиям для более полной передачи значения исходной лексической единицы на язык перевода, избегая при этом использования русской ненормативной лексики в переводе немецкого молодёжного сленга.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Береговская Э.М. Молодёжный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. М.: 1996. № 3.- С. 32—41.
2. Бруссиг Т. На коротком конце солнечной аллеи.
2. Режим доступа: www.kulturolog.narod.ru/rusmat.htm.
3. Галлино Т.Д. Мат из любви к искусству. Режим доступа: www.gramma.ru
4. Гекало С.А. Denglish или Germeng? // Сопоставительная лингвофольклористика: сб. науч. ст. Вып. 2.- Славянск-на-Кубани, 2003.- С.18—32.
5. Девкин В.Д. Специфика словаря разговорной лексики. М., 1994.
6. Интернет-ресурс: www.wikipedia.zhargon.ru
7. Каминер В. Русская дискотека. Режим доступа: www.screen.ru/Smirnov

8. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. М., 1999.
9. Brussig T. Am kürzeren Ende der Sonnenallee. München, 2001.
10. Constantin T. Das neue Schimpfwörterbuch. Berlin: 1986.
11. Ehemann H. Ein paar Fakts voraus. München, 2001.
12. Hoberg R. Sprechen wir bald alle Denglish oder Germeng. Sprachkultur oder Sprachverfall. Mannheim-Ltipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag, 2000.
13. Kaminer W. Russendisko. Göttingen, 2005.
14. Zeh J. Adler und Engel. - Frankfurt am Mein, 2003.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕММ В РУССКО-НЕМЕЦКИХ СЛОВАРЯХ XIX ВЕКА

Л.И. Ахметсагирова

Казанский федеральный университет

г. Казань

Данная статья посвящена изучению русско-немецких словарей XIX века, авторами-составителями которых являлись лексикографы, жившие и творившие в Германии. Подобные исследования ценны, как в теоретическом, так и в практическом плане. Входя в круг работ, посвященных истории становления лексикографии как научного направления, они позволяют, например, проследить эволюцию взглядов лексикографов прошлого на функции, выполняемые словарем. Чем является словарь: лишь пособием, предоставляющим пользователю полноценный и точный перевод? Или же это справочник, в котором изучающий язык должен также получить по возможности полную информацию об описываемом языке (о его единицах), необходимую ему для пассивного восприятия или активного использования данного языка? Результаты исследования, отражающие «опробанный» на многих поколениях опыт лексикографической практики, могут представлять интерес при составлении одно- и многоязычных словарей, рассчитанных на публику, изучающую русский язык как иностранный.

В настоящей статье нас интересует разработанность в русско-немецких словарях XIX века символической (по терминологии В.П.Беркова) парадигматической характеристики лемм. Символическая характеристика (далее СХ) сообщает информацию о слове с помощью условных знаков (помет, обычно букв) [ср. Берков 2004:102] и призвана служить повышению информативного потенциала словарей. В центре нашего внимания будут находиться следующие вопросы: какие части речи выделялись и наделялись СХ в словарях, фиксировались ли дальнейшие подклассы. Указанные словари будут одновременно выступать также и как источники отражения грамматических представлений того времени.

Материалом, на основе которого будет проводиться анализ, послужат 12 изданий русско-немецких словарей, хронологически охватывающих все XIX столетие. При этом в ряде случаев для анализа используются два издания одного и того же словаря – первое и последнее переработанное. Подобное решение обусловлено стремлением проследить за возможными изменениями в объеме и способах подачи характеристик, в том числе в рамках различных изданий того или иного словаря.

Как показывает анализ словарей, лексикографы широко используют символическую парадигматическую характеристику лемм. Практически во всех исследованных изданиях все лексические единицы русского языка снабжаются пометами, указывающими на их часть речи и соответствующие подклассы. Лишь в ШКС2, ШПС1 и

МКС отсутствует указание на род существительных, «поскольку род существительных можно установить по общим правилам» [Шмидт 1880: Предисловие].

В таблицах, приведенных ниже, будет показано, в какой форме фиксировалась в словарях СХ. Поскольку некоторые пометы не используются в современных словарях и нынешнему пользователю незнакомы, наша задача будет состоять в том, чтобы разъяснить их.

Таблица № 1. Символическая характеристика существительных

СХ	Значение СХ	Пример	Словари, содержащие СХ
(s). f., m., n.	(substantivum) femininum, maskulinum, neutrum	Августъ , <i>a, m.</i> der August, der Aerndtemonat (ШРС1)	Все словари, кроме ШКС2, МКС
(s). c., com., komm.	(substantivum) commune	Обжора , <i>ры, с.</i> ein Fresser, eine Fresserin (ШРС2)	ШКС1, ШРС1, ШРС2, ШПС1, ШПС2, СКС, МКС
coll., koll.	collectivum	Бра́тія , <i>f. collect.</i> Brüderschaft, <i>f.</i> (ПКС)	ПКС, ШПС2, ККС, МКС
dim./aug.	diminutivum/ augmentativum	Арбу́з , <i>-а, m. Ng.</i> [...]; Арбу́зецъ , <i>-зца, m, dim.</i> [...]; Арбу́зище , <i>-а, n. aug.</i> [...] (БРС2)	Все словари, кроме СКС
indecl.	indeclinable	Бюро́ <i>indecl.</i> Büró (–ро́) <i>n.</i> ; (контóрка) Schreibpult <i>n.</i> ; [...] (ККС)	БРС1, БРС2, ККС, МКС, ПКС, ШРС2, ШПС1, ШПС2
npr.	nomen proprium	Ада́мъ , <i>a, m. npr.</i> Adam; *Erdenmensch; *Sünder <i>m.</i> (БРС1)	БРС1, БРС2, ШПС2
pl.	pluralis	Ма́сленки , <i>нокъ, f. pl.</i> Oliven <i>f. pl.</i> (ШПС2)	Все словари
S.	substantivum verbale	Перебѣ́-ливать , <i>- лѣть, v.a.</i> [...]; S. –вание (ПКС)	ПКС, ШКС2

Как видно из (Таб. №1), кодируя имена существительные, авторы употребляют различные пометы, большинство из которых понятны современному пользователю. Разъяснений требуют *c./com./ komm.* и *pl.* С помощью первых маркировались Commune – существительные, которые обозначают одновременно как лицо женского пола, так и мужского (ср. пример). С помощью *pl.* – существительные, употребляемые только в форме мн. ч. – Pluralia tantum. Примечательно, что при них в словарях фиксировался грамматический род. К. Бёлер отмечает, что в соотношении соответствующего Pluralia tantum с одним из родов решающим моментом были морфологические категории, поскольку категория рода указывает на ту или иную парадигму склонения. Это значит, что авторы указывали у них не род в его традиционном понимании, а морфологический род, как позднее обозначил эту категорию А.А.Зализняк (1967) [Böhler 2003: 93].

Очень дифференцированно представлена СХ у глаголов, сравните:

Таблица № 2. Символическая характеристика глаголов

СХ	Значение СХ	Пример	Словари, содержащие СХ
v.a. - v.n. trans.-intr.	verbum activum – verbum neutrum / «transitiv – intransitiv» (МКС)	Адресова́ть , <i>v.a.</i> adressiren; Бре́сть , бресту́, (бреду́), <i>v.n.</i> sehr langsam gehen, umherschleichen (ШПС1)	Все словари

СХ	Значение СХ	Пример	Словари, содержащие СХ
v.c.	verbum commune	Маюсь , <i>v.c.</i> schmachten, schwach und kraftlos seyn (ШРС2)	ККС, ШКС1, ШРС1, ШРС2, ШПС1
v.r., v. refl.	verbum reflexivum (и / или reciprocum)	Брагаюсь , <i>eshься, таться, побра-</i> , <i>v.rfl.</i> Brüderschaft machen (ШРС1)	Все словари
v.p.	verbum passivum	МЪ-рить , -рять, <i>v.a.</i> messen; -ся, <i>v.r.</i> sich mit einem messen; <i>v.p.</i> gemessen werden (ПКС)	ККС, ПКС, СКС, ШРС2, ШКС2, ШПС1, ШПС2
v. i. v. impers.	verbum impersonale	Брѣзжиться , (<i>impers.</i>) dämmern, tagen (МКС)	Все словари
v.fr. v.freq.	verbum frequentativum	Метаю , <i>eshь, тать, fr.</i> Мечу, <i>мечешь, метнуть, v.a.</i> werfen, schießen, schleudern; Junge werfen	ККС, ПКС, ШКС2, ШРС1, ШРС2, ШПС1, ШПС2
ab. / k. / voll.	abstraktes oder unbestimmtes / konkretes / vollendetes Zeitwort	свѣт=ѹть I.2. [с] <i>k.</i> (<i>ab.</i> –свѣщá- ть) <i>vn.</i> schéinen; léuchten; свѣр=ть II (<i>voll.</i>) –вѣрjá=ть II. <i>ab. va</i> А съ I. vergléichen, verifizíeren (вэр-)	ККС

Фиксируемая с помощью указанных помет категоризация глаголов представляет для нас сегодня определенную сложность, поскольку в данной форме в современных словарях больше не принята. Попробуем разъяснить СХ, более неупотребляемые. С помощью *v.a.* (*verba activa*) в анализируемых словарях обозначались переходные глаголы, а пометой *v.n.* (*verba neutra*) – непереходные; исключением является МКС, в котором автор для обозначения соответствующих подклассов уже вводит известные современному пользователю пометы *trans.* (*transitiv*) – *intr.* (*intransitiv*). Не употребляется сегодня *v.c.* (*verba communia*), которая использовалась для обозначения так называемых «общих глаголов» – небольшой группы, которая употребляется только в форме на –ся. С помощью *v.fr./ v.freq.* маркировались глаголы, обозначающие повторяющиеся действия. Особая субклассификация предпринимается в ККС. Несложно определить, что обозначают пометы *ab.* и *voll.* Они маркируют видовую характеристику глагола: *ab.* (*abstraktes oder unbestimmtes Zeitwort*, „глагол вида неокончательного“) – несовершенный вид; *voll.* (*vollendetes Zeitwort*, „глагол вида совершенного“) – совершенный. Чему служила *k.*, труднее установить, поскольку данная помета, как показал анализ, могла употребляться как при глаголах совершенного, так и несовершенного вида (напр., **образо+вать** II [**b**] *k. va.* (дать видъ, образъ) bilden; gestalten; <...> **образовыва-ть** II *ab.* zu образовáть) (ср. пример в таб. №2). К сожалению, предпринятая автором категоризация не объясняется в предисловии словаря, поэтому данный вопрос должен пока остаться открытым.

Система помет, используемая в словарях для категоризации причастий, прилагательных и наречий также довольно полно разработана, она прозрачна и не представляет особых трудностей. Сравните:

Таблица № 3. Символическая характеристика причастий

СХ	Значение СХ	Пример	Словари, содержащие СХ
part.	participium	алчу , <i>чешь, fut.</i> взалчу, <i>part.</i> <i>алчуций</i> [...] (ШРС2)	ПКС, ШКС1, ШКС2, ШРС1, ШРС2, ШПС1, ШПС2

СХ	Значение СХ	Пример	Словари, содержащие СХ
part. a./ a.Pp./ ppr.	participum activum, aktives Particip des Präsens, participus presentis	парящий , <i>part.a.</i> in der Luft schwebend (ШПС2)	ШПС2, ККС, БРС1, БРС2
a.Ppt./ pp.	aktives Particip des Präteritums; participus perfecti	бывший , <i>pp. u. a.</i> gewesen, ehemalig (БРС1, БРС2)	ККС, БРС1, БРС2
part. p./ p.Ppt.	participum passivum, Passives Particip des Präteritums	оваленный , <i>part.p.</i> eingewalkt, hineingewalkt (ШПС2)	ШПС2, ККС

Таблица № 3. Символическая характеристика прилагательных и наречий

СХ	Значение СХ	Пример	Словари, содержащие СХ
comp., komp.	comparativus	мѣнѣ weniger (<i>komp. v.</i> мало) (МКС)	Все словари, кроме СКС, ШКС1, ШРС1
dim.	diminutivum	бѣдненькій , <i>ая, ое, adj. dim.</i> [ziemlich] arm (ШРС2)	ШРС1, ШРС2
superl.	superlativus	мѣлостивѣйшій , <i>ая, ое, adj.</i> <i>superl.</i> gnädigster, <i>e, es</i> (ШПС2)	Все словари, кроме СКС, ШКС1, ШРС1
pd./ pcd.	prädicative Form des Adjectivs – prädicative Form des Comparativs	свѣжій , <i>-жая, -жее (pd.</i> свѣжъ, <i>-жа, -жо, -жи; pcd.</i> свѣжѣ) frisch	ККС
ad., adv.	adverbium	Обаче , <i>adv. (sl.)</i> doch, jedoch Самовольно , <i>adv.</i> freiwilliger Weise (ШРС2)	Все словари

Описание местоимений и числительных во всех изученных словарях непритязательно; их семантико-функциональной классификации авторы не предпринимают, поэтому в словарях используются лишь следующие СХ:

Таблица № 4. Символическая характеристика числительных, местоимений

СХ	Значение СХ	Пример	Словари, содержащие СХ
nu, num.	numerale	тридцать , тридцать , <i>и, num.</i> dreißig (ШРС2)	Все словари
pron.	pronomen	Самъ , <i>мá, мó, pr.</i> selbst, sélber (ККС)	Все словари

Служебные части речи также наделены в словарях СХ. Отдельно следует обратить внимание на ситуацию с частицами. Как показал анализ, среди лексикографов еще нет единой точки зрения на сущность данного класса, отсутствует и соответствующая помета. Однако в словарях уже прослеживаются попытки определиться с их статусом и возможностями их дефиниции, сравните:

Таблица № 5. Символическая характеристика служебных частей речи

СХ	Значение СХ	Пример	Словари, содержащие СХ
c., conj.	conjunctio	А, с. und; aber; auch. <i>а если, буде, wenn aber</i> (ШРС2)	Все словари
i., interj.	interjectio	О! i. o! ach! (ШРС2)	Все словари
prp., praep	praepositio	Между, Межь, prp. <i>zwischen, unter</i> (ШРС2)	Все словари
–	(частица)	Бы, бь, ein Wörtchen, um etwas Bedingtes auszudrücken [...] (ШРС2) Бы, бь, eine Partikel, um etwas Bedingtes auszudrücken [...] (ШРС2) Бы (by), Sylbe, die den Conjunctiv bildet (СКС)	БРС1, БРС2, ККС, МКС, СКС

Подведем итоги. Анализ словарей показал, что лексикографы при категоризации частей речи подходили систематично. Большинство из них опиралось на традиционную классификацию, которая использовалась в грамматиках того времени. Авторы стремились повысить информативный потенциал своих словарей, о чем свидетельствует довольно детально разработанная символическая парадигматическая характеристика лемм.

ЛИТЕРАТУРА:

1. **Берков В.П.** Двухязычная лексикография: учебник / В.П.Берков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 236 с.
2. **Böhler Cl.** Das Russisch-Deutsche Wörterbuch von Iwan Pawlowsky. Eine metalexikographische Analyse / Cl. Böhler. – München, 2003. – 208 S.
3. **БРС1 – Боох-Аркосси, Ф.В., Фрей А.Л., Мессер Ф.** Ручной словарь русско-немецкий и немецко-русский. – Ч. 2: Русско-немецкий словарь. – Лейпциг: Г.Гессель, [1875]. – VIII, 1148 с.
4. **БРС2** – То же. – 2-е, исп. изд. – Лейпциг: Г.Гессель, [1878]. – 1148 с.
5. **ККС – Койранский З.** Новый немецко-русский и русско-немецкий карманный словарь. – Ч. 2. Русско-немецкая. – Лейпциг: Б.Таухниц, 1888. – XV, 439 с.
6. **МКС – Манделькерн С.** Шмидт. Русско-немецкий и немецко-русский карманный словарь. – Ч. 1: Русско-немецкая. – Лейпциг: Приемники О.Гольце, 1896. – XII, 416 с.
7. **ПКС – Потоцки Фр. А.** Краткий словарь русского и немецкого языка по карманному словарю И.А.Э. Шмидта. – Ч. 1. Русско-немецкий словарь. – Лейпциг: Гольце, 1876. – 460 с.
8. **СКС – Соловейчик И.** Новейший карманный словарь русского и немецкого языков с русским произношением. – Русско-немецкая часть. – Берлин, Штейниц, [1888-1890]. – 435 с.
9. **ШКС1 – Шмидт И.А.Э.** Новый карманной словарь российско-немецкий и немецко-русский. – Ч. 1: Российско-немецкая. – Лейпциг: Клейн, 1815. – [8], 1348 стб.
10. **ШКС2** – То же. – Стер. изд. – Лейпциг: Таухниц, 1842. – 439 с.
11. **ШПС1 – Шмидт И.А.Е.** Полный русско-немецкий и немецко-русский словарь в пользу обоих народов сочинением И.А.Е. Шмида. – Ч. 1. Русско-немецкая. – Изд. 2-е стер., сов. перед. – Лейпциг: Таухниц, [1844]. – 522.

12. ШПС2 – То же. – [для употребления обоих народов]. – 3-е стер., сов. перед. изд. – Лейпциг: Гольце, 1880. – 559 с.
13. ШРС1 – Шмидт И.А.Э. Ручный словарь российско-немецкий и немецко-русский. – Ч. 1. Российско-немецкая. – Стер. изд. – Лейпциг: Таухниц, [1823–1831]. – 454 с.
14. ШРС2 – То же. – пересм., исп. и доп. изд. – М.: Семена, 1839. – 1048 с.

ГЛАГОЛ “ТО ВЕ” В ЯЗЫКЕ АЛГЕБРЫ

Л.И.Балашова

Астраханский Государственный университет

Ведущим направлением в преподавании иностранного языка в вузе в настоящее время является изучение языка специальности студента. Следовательно, нужен тщательный отбор и анализ конкретного лингвистического материала для дальнейшей корректной методической организации его подачи в учебных пособиях. Научный и научно-технический стиль английского языка достаточно хорошо изучен, существует много учебников по различным профилям и специальностям.¹ Но меняющаяся социальная обстановка диктует необходимость гибкого подхода и мобильности в разработке планов и программ таких учебных дисциплин как, например, «Иностранный язык профессионально ориентированный» или «Иностранный язык профессиональный, специальный».

Предлагаемая статья посвящена анализу языка одного из разделов математики – алгебры. Особенности данного предмета неоднократно отмечались исследователями, но актуальность его описания пока не снята.

Нами предпринята попытка изучить язык учебных пособий по алгебре с точки зрения частотности и специфики функционирования грамматических форм, структур, правил их организации, семантики некоторых английских единиц и их эквивалентности в русском. Объем одной статьи не позволяет рассмотреть все вопросы, и в данной работе мы остановимся только на некоторых аспектах. Материалом для исследования послужил учебник американских авторов Raimond A. Barnet (Merritt College), Thomas J. Kearns (Northern Kentucky University). INTERMEDIATE ALGEBRA. Structure and Use.²

Даже учитывая индивидуальность в манере изложения, можно гипотетически предположить, что отмеченные лингвистические закономерности в основном свойственны всему объёму данного раздела науки, так как его содержание достаточно обозримо и универсально.

Обратимся к функционированию глагола ‘to be’ в обозначенном нами языковом пространстве. Проанализирован 3031 случай его употребления.

Обращает на себя внимание отсутствие формы 1 лица “am”, используется только 3-е лицо единственного и множественного числа, причём в функции связки из 629 употреблений встречаем 516 раз форму ‘is’ и только 113 – форму ‘are’, т.е. налицо явное преобладание формы единственного числа.

Неравномерная частотность прослеживается и при рассмотрении других грамматических форм глагола ‘to be’ в составе предложений.

В функции основного глагола-сказуемого глагол ‘to be’ в составе анализируемого материала используется в 65 случаях. Примеры:

One-fifth of the length of the pole **is** in the sand, 4 meters **is** in water, and two-thirds of the length **is** in the air. (с. 171)

Note also that if A **is** at the origin *O* ... (с. 185)

This discussion leads to the general result which **is** behind the sign-analysis method of solving quadratic inequalities ... (с. 276)

Radical equations involving two radicals are usually easiest to solve if radicals **are** on opposite sides of the equation. (с. 272)

В модальном значении глагол 'to be' встретился 29 раз. Примеры:

... multiplications and divisions **are** to be done before additions and subtractions unless grouping symbols indicate otherwise. (с. 67)

In a chemistry experiment a solution of hydrochloric acid **is** to be kept between 30^0 and 35^0 Celsius... (с. 179)

... until you know what **is** to be found... (с. 150)

В функции связки у глагола 'to be' показатели следующие: в форме Present Simple – 1130 употреблений, в форме Past Simple - 4, в форме Future Simple - 17, в форме Present/Past Perfect - 0. Примеры:

Give an example of a rational number that **is** not an integer. (с. 7)

All repeating decimals **are** rational numbers ... (с. 9)

These **were** the only exponents needed to deal with polynomials. (с. 193)

The solutions **will often be** combinations of intervals on the number line ... (с. 275).

В функции вспомогательного глагола:

для образования формы Present Continuous - 20 употреблений. Пример: Be sure you clearly understand what you **are letting** x represent. (с. 150);

для образования формы Past Continuous - 1 употребление:

... you have usually also been told what type of problem you **were dealing** with... (с. 164);

для образования формы Perfect Continuous - 1 употребление:

... you **have been using** many of these properties in arithmetic for a long time. (с. 20);

для образования формы Passive Voice - 779 употреблений. Примеры:

The system that we have just defined **is called** a Cartesian coordinate system... (с. 287);

All the names on the right describe the same thing and **are used** interchangeable (с. 27);

The other properties **will be discussed** as needed (с. 24)

The word 'function' appears to **have been** first **used** by Leibniz in 1694 ... (с. 410);

... each pair of real numbers **can be associated** with a unique point in the plane. (с. 287)

... what number **must be added**...? (с. 253);

How **should** an expression such as $5^{2/3}$ **be defined**?

Отмечено 17 случаев употребления глагола 'to be' в составе Subjunctive Mood и 21 – для образования повелительного наклонения. Примеры:

If you **were asked** to evaluate $-ab$ for $a = -3$ and $b = +2$, how **would** you **proceed**?

Be careful with the sign here (с. 70)

Let R be the set of real numbers ... (с. 19)

В форме инфинитива глагол появляется после модальных глаголов (51 уп.), в составе Complex Subject (11 уп.) и в составе Complex Object - 1 раз. Примеры:

2 **cannot be** a solution to the original equation ... (с. 142)

... the set **are said** to be equal. (с. 4)

... we know **the answer to be** -4 (с. 39)

Оборот 'there is/are' - используется 44 раза. Оборот 'that is' отмечен 120 раз, в рамках усиительной «рамочной» конструкции глагол 'to be' встречается дважды. Примеры:

There are no such numbers... (с. 4)

... add $(-3/2)^2$, **that is** $2/4$ (с. 253)

... **it was** until the last century **that** they were placed on a firm mathematical basis (с. 236)

Проведённое наблюдение позволяет сделать некоторые предварительные выводы:

1. С точки зрения образования форм лица и числа глагола 'to be' в языке алгебры преобладает форма 3-его лица единственного числа.
2. Из видовременных форм глагола лидируют глаголы в форме Present Simple.
3. В составе предложения глагол 'to be' чаще всего выступает в роли глагола-связки.
4. В качестве вспомогательного глагол 'to be' наиболее активен в образовании формы Passive Voice.
5. Из устойчивых словосочетаний наиболее употребительно выражение 'that is'.

Подобные исследования, на наш взгляд, целесообразны, так как позволяют преподавателям правильно ориентироваться в отборе учебных материалов и точно определять систему тренировочных заданий и комплекс требований при проведении учебных занятий и подготовке методических пособий.

¹ См., например, Л.Д.Кривых, Г.В.Рябичкина, О.Б.Смирнова-Багринцева. Технический перевод. – Астрахань, 2007, 201 с., Л.И.Балашова. Learn Maths in English. Изучайте математику на английском языке. – Астрахань, 2009, 55 с.

² Raimond A. Barnet (Merritt College), Thomas J. Kearns (Northern Kentucky University). INTERMEDIATE ALGEBRA. Structure and Use.- McGRAW-HILL PUBLISHING COMPANY, New York...London...Toronto, 512 с.

ЦВЕТ В ПРИЗМЕ ОБЫДЕННОГО И НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

С.Х. Битокова

Кабардино-Балкарский государственный университет
г. Нальчик

Картина мира, отраженная национальным обыденным сознанием, запечатлевается его носителями в некотором целостном, относительно устойчивом во времени состоянии, на деле являющемся «продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта» [Караулов 1987: 42]. Обыденное познание определяется нуждами и потребностями человека и «является *ценностно-ориентированным* прагматическим познанием (философия прагматики), а научное познание – *истинностно* ориентированным познанием (философия науки)» [Лазарев 1999: 26]. Обыденное познание всегда ориентируется на человека как на систему отсчета в познании, как на мотив и цель познания.

Несоответствие обыденного и научного познания ярко проявляется на примере системы цветообозначений. Известно, что любой видимый глазом цвет может быть охарактеризован относительно таких физических параметров, как коэффициент отражения, длина световой волны и «чистота» [Шемякин 1967: 47]. Но наши глаза являются, прежде всего, светоразличающими органами, а затем уже цветоразличающими. Единство и различие этих функций предопределяет восприятие цвета и в названиях цвета. Ахроматические цвета – *белый, серый и черный* – в системе обыденного сознания не поддаются определению. Для их выражения человек прибегает к эталонным сравнениям, отражающим стереотипы данного языкового коллектива. В силу одинаковых климатических условий эталоном белизны в русском, кабардинском и английском языках выступает снег: русск. *белый как снег*, каб. – *уэсым хуэдэу хужь*; англ. *as white as snow*. Но в тех широтах, где снега не бывает, для выполнения эталонной функции белизны привлекаются другие объекты, например, в одном из африканских племен это *цапля*: *white as the feather of a heron*.

В научной трактовке *белыми* называются поверхности, равномерно рассеивающие 75 % и выше всего падающего на них цветового потока, *черными* – рассеивающие 5 % и ниже, а *серыми* все остальные [Шемякин 1967: 48]. Они – суть интенсивности и светлоты, но не качества. В обыденном сознании, фактически, мы называем *белой* любую поверхность, если она является самой светлой из находящихся в нашем поле зрения. С другой стороны, *черный* цвет является для нашего глаза самым темным. При низком уровне освещения все цвета исчезают, сливаясь с мраком.

Языковая объективация цвета происходит с опорой на качества цвета, а не на физические свойства, согласно которым мы должны были бы различать только *три цвета*. Чувственное восприятие цвета, обеспеченного цветоразличительной функцией глаз, обуславливает богатую систему цветообозначений в языках, особенно в имеющих богатые литературные традиции, например, в русском, английском и подобных им.

Существенные расхождения обыденной и научной картины цветообозначения обусловлены тем, что в основе обыденного понимания *цвета* лежит информация, поступающая к человеку на чувственном уровне познания, т.е. наш «опыт глаз». А они (глаза), как было сказано выше, реализуя цветоразличительную функцию, способны дифференцировать большой диапазон цветовых оттенков. Чувственная очевидность восприятия цветового спектра обуславливает бессознательную уверенность индивида в правильности и объективности собственного восприятия. Несоответствие обыденного и научного понимания цвета объясняется чувственной неочевидностью таких «цветовых» понятий, как тон, яркость, насыщенность. Как отмечает Р.М. Фрумкина, понятие цвета в обыденном представлении ближе всего к понятию тона в цветоведении, но совпадение отмечается далеко не всегда. «Если же сказать, что ‘*желтый* малой яркости – это *бурый*, а *оранжевый* малой яркости – это *коричневый*’, то такое утверждение будет звучать парадоксально для любого носителя русского языка» [Фрумкина 1984: 23]. Насыщенность цвета в обыденном сознании отождествляется с яркостью, в то время как в научной теории цветоведения насыщенность – это особым образом измеряемая степень отличия цвета от белого, «чистого цвета» [там же: 24]. Следовательно, научное понимание насыщенности максимально противоречит чувственной очевидности. Как представляется, отождествление *насыщенности* и *яркости* в обыденном сознании обусловлено ассоциативным характером человеческого мышления, его аналоговостью. В наивном понимании *насыщенный* и *яркий* имеют общую точку пересечения, связанную с интенсивным проявлением признака. Итак, человек упорядочивает действительность согласно внутренним закономерностям чувственного познания, которые не соответствуют логике понятий научного познания мира.

Стихийно сформированная, многоплановая, нередко противоречивая картина обыденного сознания может быть связана и объяснена его особым интерпретирующим характером, специфическим способом восприятия объективной действительности. Речь идет о собственно человеческом предметном восприятии и предметном отражении объективной действительности, закрепленном в первую очередь с помощью языковых эталонов. Язык предметного пространства расширяет сферу значений и становится пригодным для представления непредметных, неявных сущностей. В свое время В. Гумбольдт обратил внимание на «предметность» человеческого языка, отмечая, что «язык выражает свои мысли и чувства как предметы» [Гумбольдт 1985: 378]. Так, *неудачная попытка* опредмечивается через ряд наглядных ситуаций: *сесть в лужу; попасть впросак; опростоволоситься; шито белыми нитками* и т.д., а успешная – как *быть на коне; оказаться на высоте; взять быка за рога* и т.п.

Обыденное сознание стремится к установлению «истины» через поиск эталона. Эталонность, ориентация субъекта на определенные образцы, стереотипы – это то объединяющее начало, тот общий структурный принцип, который связывает воедино процессы восприятия, познания, и языковую картину мира [Лакофф 1981: 368]. Поиск истины в научном познании – это сложный путь установления сущностных свойств

объекта с опорой на дискурсивно-логические механизмы отображения действительности, хотя процедуры научного открытия, осуществляющиеся в «черном ящике» сознания, протекают по неизвестным еще в полной мере закономерностям обыденного познания.

Известно, что цвет – один из наиболее эталонных модусов, так как без обращения к образцам его трудно определить. Существуют два способа толкования «имен цвета»: указание типичного объекта, имеющего данный цвет, и толкование одних имен цвета через другие [Фрумкина 1984: 17]. Тем не менее, можно предположить, что все цвета имеют прототипические эталоны. Кабардинский язык – не исключение. Из богатого многообразия объектов, обладающих искомыми цветовыми признаками, носители языка неосознанно вычленили те, которые более частотны и значимы в их каждодневной практике. Особая роль таких культур, как *перец*, *чабрец*, *тыква* подтверждается их выбором носителями языка в качестве эталонов цвета. Например, *джэдгыныфэ* (цвета чабреца – растение, из высушенных листьев которого готовят очень популярную приправу к мясным и овощным блюдам в кабардинской кухне) – близок к темному хаки; *къэбыфэ* (цвета тыквы) – желто-красный, оранжевый; *къэбжылафэ* (цвет семян тыквы) – бледно-желтый; *шыбжыйифэ* (цвета перца) – ярко-красный.

Если в объективной действительности референт встречается в нескольких разновидностях, то сознание в первую очередь фиксирует наиболее распространенную, как это наблюдается в случае с последним примером. Из практики нам известно, что *перец* бывает не только *красного* цвета, да и оттенки красного перца достаточно разнообразны. По зооморфной лексике, используемой в системе цветообозначения в кабардинском языке, можно судить о месте, занимаемом этими референтами в жизни кабардинского народа: *къазшырыфэ* (цвет гусенка) – светло-желтый; *бжэндэхъуджадыклафэ* (цвет скворцового яйца) – светло-голубой; *тхъэмбылыфэ* (цвета легкого) – розовый. Вот примеры, иллюстрирующие важные составляющие кабардинской кухни – *хъэкъуртыфэ* (хъэкъурт – мука из жареной кукурузы) – светло-коричневый; *цэжытсыфэ* – (цвет сыворотки – жидкий отстой свернувшегося молока) – салатный, бледно-зеленый; а также элементы их повседневной жизни: *сабафэ* (цвет пыли) – серый; *яжъафэ* (цвет золы) – серый, пепельный; *къамылыфэ* (цвет камыша) – темный, смуглый; *кхъуэщыныфэ* (кхъуэщын – горшок, кувшин, черепица) – коричневый; *данагъуэ* – (*данэ* – шелк) – золотистый; *дыцэфэ* – (цвет золота) – золотистый. *Дыжъын* (серебро) в кабардинском языке не используется в качестве эталона цвета (ср. *серебристый*, *silvery*). Признак *кхъуэщыныфэ* (коричневый) интересен тем, что в качестве эталона цвета используется предмет, изготовленный из глины – *ятлагъуэ* (горшок, может быть, кувшин), а не имя *ятлагъуэ*. По всей вероятности, причина этого заключается в том, что имя *глина* – *ятлагъуэ* (букв. светло-желтая земля) уже содержит название цвета – *гъуэ* (светло-желтый, рыжий). Использование имени, уже содержащего цветоозначающий компонент, вряд ли способствовало бы прозрачному и понятному наименованию цвета.

Совокупность представлений о предметах, с которыми человек встречается чаще, чем с другими (ср.: пыль, зола, кувшин и др.), фиксируются в его сознании в наиболее распространенной своей разновидности и формируют некоторую стабильную картину отражения объективной действительности.

Итак, «безликие» физические параметры цвета – факты научного знания – становятся наглядными в призме эталонов обыденного познания, в основе которого лежит чувственное восприятие «живой» картины мира. Восприятие, отмеченное этнокультурной спецификой, предопределяет палитру цвета в каждой лингвокультуре.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 262 с.

3. Лазарев В.В. К теории обыденного/когнитивного познания (от Коперника к Птолемею) // Вестник Пятигорского государственного университета. – Пятигорск, 1999. – № 2. – С. 25-34.
4. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая семантика. – Вып. X. – М.: Прогресс, 1981. – С. 350-368.
5. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
6. Шемякин Ф.М. Язык и чувственное познание // Язык и мышление. – М.: Наука, 1967. – С. 38-55.

О ФОРМИРОВАНИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Ю. И. Бокатина

Филиал Самарского государственного университета путей сообщения
(Республика Мордовия)

Введение в образовательный процесс государственных образовательных стандартов второго поколения, разработанных с учётом современных требований к школе со стороны семьи, общества и государства, направлено на изменение системы образования и является основой обеспечения личностного и профессионального развития обучающихся, соответствия их характеристик специфике инновационной экономики. В современном мире важными становятся уже не сами знания, а практика их применения. Реализация требований государственного стандарта ориентирована на свободное владение школьником русским языком в разных сферах и ситуациях общения. При этом очень важным становится развитие у учащихся умения решать жизненные проблемы на основе полученных знаний, умений, навыков.

Формирование функциональной грамотности учащихся в процессе обучения русскому языку в настоящее время приобретает особую актуальность, так как усиливается направленность дисциплины на метапредметные результаты обучения. Под функциональной грамотностью понимается «способность человека максимально быстро адаптироваться ко внешней среде и активно в ней функционировать» [Примерные программы по учебным предметам 2011: 5]. Её формирование в процессе обучения русскому языку предполагает целенаправленное развитие речемыслительных способностей учащихся, направленное на осознанное владение школьниками языком, сознательное использование языковых и речевых умений и навыков. Оно осуществляется на основе «знаний об устройстве русского языка и об особенностях его употребления в разных условиях общения» [Примерные программы по учебным предметам 2011: 6]. При этом знания и умения учащихся не должны быть абстрактными, а должны помогать им при решении конкретных жизненных задач, быть востребованными современной действительностью.

Как эффективно формировать функциональную грамотность учащихся в процессе обучения русскому языку? Часто школьники просто механически заучивают правила, не видя логики в происхождении лингвистических явлений, и оказываются бессильными при объяснении тех или иных вариантов языковых норм, различных случаев исключений из правил, не могут применить знания на практике.

Рассмотрим возможные способы формирования функциональной грамотности учащихся на примере обращения к истории языка в процессе обучения школьников русскому языку.

При формировании функциональной грамотности школьников в учебном процессе особое значение приобретает историко-лингвистическое комментирование с практической направленностью. При помощи этого приёма обучения учитель может работать над развитием орфоэпических умений учащихся, обогащением их словарного запаса, формированием умения грамотно определять значение слова, совершенствованием грамматического строя речи школьников, их орфографической и пунктуационной зоркости.

Например, в процессе речевого общения подросток может задуматься над тем, какое слово – *невежа* или *невежда* – нужно употребить при обозначении малообразованного человека. Владение сведениями из истории русского языка помогло бы школьнику быстро решить эту задачу:

«Раньше слова *невежа* и *невежда* означали одно и то же. Слово *невежа* было образовано с помощью приставки *не-* от слова *вежа* со значением «знаток», которое, в свою очередь, было производным от глагола *ведать* «знать».

В древнерусском языке человека, который ничего не знает, называли невежей, а в старославянском языке – невеждой. То есть слово *невежда* является старославянским вариантом русского слова *невежа*. Обратите внимание на то, что звуку [ж] в русском слове соответствует звуковое сочетание [жд] в старославянском слове [Этимологический словарь для школьников 2003: 279].

В современном русском языке значения этих слов разошлись. Невежа – это грубый, невоспитанный человек. Невежда – малообразованный человек, тот, кто мало знает и не хочет знать больше».

Обращение к истории языка имеет большое значение при формировании орфографической грамотности учащихся. Многие часто сталкивались с такой ситуацией, что не знали, как правильно написать слова *расчѐт* и *рассчитать*. Эти слова нередко встречаются в официальных бумагах, в текстах курсовых и дипломных работ. Написание одной буквы *с* в существительном *расчѐт* и двух букв *с* в глаголе *рассчитать* можно усвоить уже с подросткового возраста при помощи историко-лингвистического комментирования.

Например, на уроке работы над ошибками учитель-словесник может создать следующую проблемную ситуацию:

«В словосочетании *расчѐт стоимости авиабилета* в слове *расчѐт* мы пишем одну букву *с*. Однако в словосочетании *рассчитать стоимость авиабилета* в глаголе *рассчитать* пишется две буквы *с*. Почему?».

В ходе работы над решением проблемы будет уместным, если в качестве источника для получения необходимых сведений педагог укажет книгу Н. М. Шанского «В мире слов». На этапе обобщения информации школьники приходят к следующему выводу:

«В слове *расчѐт* мы наблюдаем традиционное написание, которое пришло к нам из далёкой древности. В этом слове звук *с* на конце приставки *рас-* столкнулся со звуком *с* в начале корня *-счѐт-*. Произошло их наложение друг на друга. В древнерусском языке такое наложение очень часто отображалось орфографически. Так, вместо *рассказать* писалось *расказати*, вместо *расслабить* – *раслабити*, а вместо *расстояние* – *растояние*. Такое написание и сейчас наблюдается в слове *расчѐт*.

Однако в написании слова *рассчитать* традиции не сохранились. Поэтому мы пишем его с двумя согласными *с*: *рассчитать*» [Шанский 1978: 22].

Очень важно в практике речевого общения соблюдать грамматические нормы современного русского языка, например, правильно употреблять имена существительные в соответствии с их родовой принадлежностью. На уроках повторения изученного по теме «Имя существительное» или на уроках работы над ошибками учащихся педагог может создать проблемную ситуацию, связанную с определением рода существительного *лебедь*.

На этапе проверки гипотез и обобщения знаний учитель может сообщить подросткам следующую информацию:

«Слово *лебедь* очень древнее по своему происхождению. Первоначально оно означало «белая (птица)» [Этимологический словарь для школьников 2003: 252]. Раньше это слово относилось к женскому роду. Так, в «Сказке о царе Салтане...» А. С. Пушкина находим следующие примеры:

Глядь – поверх текучих вод
Лебедь белая плывёт.

Или:

Лебедь нас к тебе послала
И наказом наказала...

Однако в ходе истории языка род некоторых имён существительных изменился. Существительное *лебедь* перешло из женского рода в мужской, а существительные *печать*, *степень*, *гортань*, наоборот, перешли из существительных мужского рода в женский род [Иванов, 1983: 258]. Сейчас употребление слова *лебедь* как существительного женского рода возможно только в народной поэтической речи. Запомним, что, согласно нормам современного русского языка, *лебедь* – существительное мужского рода».

После выполнения такой работы ученик запомнит родовую принадлежность этого существительного и будет правильно употреблять его при создании устных и письменных высказываний.

Таким образом, в настоящее время усиливается направленность дисциплины «Русский (родной) язык» на достижение метапредметных результатов обучения, на формирование функциональной грамотности учащихся. Знания о происхождении современных лингвистических фактов, понятий и закономерностей и умения ими пользоваться помогают школьникам при решении проблем практического характера, развивают интеллектуальные и творческие способности подростка, мотивируют учеников к самостоятельному поиску новых знаний и самосовершенствованию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Иванов, В. В. Историческая грамматика русского языка / В. В. Иванов. – М. : Просвещение, 1983. – 399 с.
2. Примерные программы по учебным предметам. Русский язык. 5 – 9 классы: проект. – М. : Просвещение, 2011. – 112 с.
3. Шанский, Н. М. В мире слов / Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 1978. – 319 с.
4. Этимологический словарь русского языка для школьников / сост. М. Э. Рут. – Екатеринбург : У – Фактория, 2003. – 432 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ РОМАНЕ (НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИХ ПОНЯТИЙ СИСТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ)

Ф.В.Гетегежева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова
г. Нальчик

Одним из основополагающих понятий, отражающих систему воспитания у адыгов, является аталычество.

Как указывает З.Х. Канаметов [Канаметов: 113-117], первое упоминание об обычае аталычества среди адыгов принадлежит итальянскому путешественнику XV в. Дж. Интериано, который писал: «Лишь только сыну знатного исполнится два или три года, его отдают на попечение одного из слуг, и тот ежедневно возит его с собой на коне с маленьким луком в руках и ... учит его стрелять» [Интериано 1974: 48].

Другой исследователь истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX веков А.С. Марзей обращает внимание на то, что термин «**аталык**» и «**кан**», означающие «*воспитатель*» и «*воспитанник*», тюркского происхождения [Марзей 2004: 297]. Ими пользовались в основном кабардинцы, в то время как у других черкесов бытовали свои, адыгского происхождения, термины. По мнению Адиль-Гирея, одной из причин существования аталычества было то, что «воинственные черкесы боятся избаловать своих детей, воспитывая их у себя, а потому охотно отдают их на воспитание в чужие семейства» [Адиль-Гирей 1980:57].

Современные исследователи ценностных ориентиров в российском социальном пространстве А.К. Тхакушинов и К.И. Ашмахов, анализируя институт аталычества, отмечают, что «социальный институт аталычества – гениальное изобретение предшествующих поколений народов Северного Кавказа. Ему нет аналогов по эффективности действия и результативности в формировании личностных и социально значимых качеств молодежи» [Тхакушинов, Ашмахов 2007:27].

М. Кандур, понимая, что понятие **аталычество** является характерной особенностью культуры сосуществования народов Северного Кавказа и одним из основополагающих институтов адыгского народа, уделяет значительное внимание раскрытию этого понятия в художественном пространстве своего романа. В его трилогии термин «**Atalik**» написан с большой буквы, что свидетельствует о значимости этого понятия для данного художественного контекста, он определяется как *the fostering of young son* (воспитатель для молодого сына) : *The custom of the Atalik or the fostering of young son, was as old as the Adigha themselves. The purpose was twofold. It created bonds of kinship between different branches of the tribe». Amongst people who warred constantly and ritualistically, this was a useful diplomatic practice* [Quandour 1994: 77].

Автор описывает древнюю традицию адыгов подбирать аталика – воспитателя для мальчика. В широком художественном контексте мы узнаем также, что аталычеством пользовались «*многие князья и уорки*». Традиционным или желанным географическим ареалом для прохождения аталычества для кабардинцев была «*Little Kabarda*», т.к. только здесь можно научиться “*khabza*” and ancient folklore , the lore and customs of the people, correct Adigha behavior: ‘If you wish to learn of our “khabza” and ancient folklore,’ Kabardans would say, ‘then go to Little Kabarda’. So it was that many **princes** and **warks** sent their sons for the **Atalik** training in this region. Sons learnt the arts of warfare and horsemanship; daughters the feminine skills of embroidery, weaving, house-keeping. But all learnt the lore and customs of the people, correct Adigha behaviour [Quandour 1994: 286].

Как видно из предыдущего контекста, посланный в аталычество молодой адыг, должен был приобщиться к искусству владения саблей и езды верхом (*the arts of warfare and horsemanship*), а также с младенчества впитывать обычаи, традиции, манеры настоящих адыгов (*learnt the lore and customs of the people, correct Adigha behaviour*). Так, шаг за шагом раскрывается англоязычному читателю семантический объем этноспецифического понятия «аталык».

В тексте трилогии мы находим на примере описания жизни Ахмета информацию о некоторых особенности подбора аталыка-воспитателя, о возможном возрасте самого воспитанника, о качествах аталыка-воспитателя, о тех секретах, которым он обучал своего воспитанника, что дает возможность расширения представления англоязычного читателя о семантике слова «аталык» и связанных с ним лексем: «There had been no tenderness in

Ahmet's life for a very long time. As a child of five, he had been dispatched far away from home, to be raised by his *Atalik*. The selection of such an important man, a trainer, a teacher and a mentor was left to his uncle, the Prince. This man, his *Atalik*, aged 70, still rose before dawn, bathed in an ice-cold mountain stream and broke in horses like a man in his prime. From him, Ahmet learned the arts of war and all there was to know about horsemanship. He also learned discipline and self-control [Quandour 1994: 76-77].

Три главных качества, на которое направлено деятельность аталыка в процессе воспитания молодого адыга, презентированы как «bravery, eloquence and hospitality» - смелость, красноречие, гостеприимство.

М. Кандур подробно описывает институт аталычества на примере младшего сына одного из Крымских ханов, которого прислали в Малую Кабарду осваивать военное искусство, верховую езду, и вообще, готовиться к взрослой жизни. Вопрос о назначении аталыка решается на заседании межлиса, и аталиком избирается старый, умудрённый жизненным опытом Темироко, один из самых уважаемых воинов Малой Кабарды. Всё, чему учит своих учеников Темироко, направлено на самопознание. Даже самые активные подвижные занятия по искусству боя были подчинены стремлению дать им навыки самоанализа. Все это сопровождается подробным комментарием, разъясняющим суть явления «*atalik*» - аталычество.

Раскрывая семантическое наполнение понятия «аталык» и его воспитанника, Кандур постепенно вводит следующее понятие, также тесно связанное с аталычеством. Это понятие «*zeykua*». «*Zeykua*» в адыгском языке означает военный поход с целью захвата добычи и приобретения славы за пределами своей малой родины», - пишет А.С. Марзей, который посвятил анализу этого явления целую монографию [Марзей 2004:297].

Но, как отмечает А.С. Марзей, «*zekluz*» не только военный поход, но ещё и путешествие, т.е. это процесс во времени и пространстве. Он даёт пояснение, что слово «*zekluz*», означающее поход, происходит от кабардинского слова «*zekluzen*» - «ходить». Отсюда, делает вывод А.С. Марзей, термин этот появился у черкесов в глубокой древности, ещё до того, как они стали известными всему миру «конниками» и свои походы совершали пешком или морем [Марзей 2004:297].

М. Кандур также понимает значимость института «*zeykua*» для адыгов и пишет, что «*Going to 'war' among the Adigha was almost sport, certainly a way of life. They called it zeykua which meant a 'ride' but the ride was always for a warring or raiding purpose* [Quandour 1994: 77].

В русской версии романа при переводе данного отрывка предложение *They called it zeykua which meant a 'ride' but the ride was always for a warring or raiding purpose* полностью опускается, тем самым термин «*zeykua*» в русской версии никак не актуализируется, хотя в русском языке существует термин «наездничество» как наиболее подходящий для отражения сути данного явления как искусства конной езды. Видимо, для переводчика этот термин оказался чрезмерно экзотическим, затрудняющим повествование, и переводчик решил опустить предложение с данным понятием, считая, что оно не столь важно для всего повествования. Однако следует ещё раз сослаться на А.С. Марзея, который нашёл абсолютно современный термин «зекомания», который наиболее полно передаёт значение одной из древнейших адыгских традиций: *Любовь к наездничеству настолько определяет их образ жизни, что можно, если такое выражение уместно, говорить о «зекомании» - о таком состоянии, потребности героев, когда они без путешествий и военных походов испытывают морально-психологический, душевный дискомфорт. В песне о нарте Бадыноко говорится: «И зеклуэн кыщохъэ...* [Кандур 1994: 33].

Подводя некоторый итог семантике этноспецифической лексемы «аталык» и связанного с ним воспитанника в рамках трилогии Кандура, можно сказать, что семантическое поле приведенных выше понятий включает такие лексемы, как *the fostering* (воспитатель), *khabza and ancient folklore* (хабза и старинные предания), *the lore*

and customs of the people, correct Adigha behavior (обычаи, традиции, манеры настоящих адыгов), *princes and warks* (как социальная прослойка), *the arts of warfare and horsemanship* (искусство владения саблей и езда верхом), *zeykua* (военный поход, наездничество), *discipline* (стойкость и выдержка), *self-control* (умению владеть собой). Все эти слова позволяют англоязычному читателю наиболее полно представить семантический объем этноспецифического термина «аталык» и связанного с ним воспитанника в адыгской культуре воспитания подрастающего поколения в определенной социальной прослойке общества.

Основополагающими терминами, выражающими внутреннее состояние души адыгов, которые передаётся из поколения в поколение, являются, несомненно, такие слова, как **Adigha'gha**, **Khabza**, **Nemis**, которые занимают значительное место в повествовании М. Кандура. На протяжении всей трилогии эти три понятия становятся ключевыми, они представляют собой особое мерило, по которому герои романа оценивают свои поступки и деяния. Данные вербализованные понятия передают наиболее важные категории адыгского этикета. Они содержат в себе громадный духовный потенциал как этноспецифические и культурные координаты поведения. **Адыгагъэ** - сложный концепт, выступающий как один из основополагающих в культуре адыгов. По мнению отечественного исследователя Б.Х. Бгажнокова, **адыгагъэ** - высшая ценность для основной массы населения, идеал, в направлении которого следует совершенствовать себя. Эта категория, продолжает исследователь, имеет много общего с японским «гири», которое построено не на абстрактных понятиях добра и зла, а на строго предписанном регламенте человеческих взаимоотношений, требующем подобающих поступков в конкретных жизненных ситуациях и обстоятельствах [Бгажноков 1978:62]. Короче говоря, заключает Б.Х. Бгажноков, **адыгагъэ** – **адыгство**, можно понимать как указание на гостеприимство, уважение к старшему, к женщине, готовность помочь страждущему, на мужество, стойкость, человечность, терпимость, верность своему слову. Далее автор указывает, что во всех этических системах выкристаллизовываются ведущие моральные принципы, подчиняющие себе многообразие частных принципов и норм. В системе адыгской этики, обращает внимание Б.Х. Бгажноков, пять таких постоянств: *цыхугъэ* – человечность, *нэмыс* – почитательность, *акъыл* – разум, *лыгъэ* – мужество, *напэ* – честь.

Не случайно, наверное, что самым первым экзотическим иноязычным вкраплением на первой же странице Кавказской трилогии М. Кандура для англоязычного читателя является слово **the Adigha**. Производным словом от него становится **Adigha'gha**, которое в контексте повествования пишется с большой буквы, однако, ни в оригинале, написанном на английском языке, ни в переводе на русский язык нет объяснения тому, что означает это слово, как его следует понимать. Единственной подсказкой, намекающей на положительную коннотацию данного термина, является контекст: *May he live in good health and carry his tribes honour and his Adigha'gha wherever he travels* [Quandour 1994: 50].

В английском контексте, выражением, которое создаёт некоторый фон для понимания данного термина, является выражение **to carry honour**, который переводится на русский язык как **нести честь**, способствующее созданию положительного окружения для лексемы **Adigha'gha**. В трилогии встречается и иное написание данного понятия, значение которое также не объясняется: *Let's toast our young brother, - to his health and his "adiagha"* [Quandour 1994: 596].

Естественно, только фоновые знания могут помочь как англоязычному, так и русскому читателю декодировать семантику что термина **adiagha** – **адиага**. Для читателя со знанием кабардинского языка данный термин является естественным и канва повествования и понимания не прерывается, т.к. любой кабардинец понимает, что **адыгагъэ**, буквально адыгство, означает долг рыцарской чести, основанный на принципах адыгского этикета, содержащий в себе громадный духовный потенциал, определяющий

координаты благопристойного поведения, доброжелательности, чуткого отношения друг к другу.

Далее в отрывке, который представляет собой *digression* (отступление), где автор обращает внимание на то, что настоящий адыг всегда должен сдерживать свои чувства и эмоции, используется следующий термин, который служит для обозначения одной из пяти заповедей адыгства – **nemis**, т.е. почтительность, которая выражается в вежливости, деликатности, скромности, послушании, честности, уважении к старшим, к женщине, к гостям. **Намыс**- это своего рода моральная цензура поведения, охватывающая такие ценности как «стыд», «совесть», «честь», стало быть, нарушать этикет стыдно [Бгажноков 1978:62].

В трилогии М. Кандура мы читаем: *An adigha should always be in control of his emotions. Displays of feeling betrayed lack of culture, of nemis or breeding* [Quandour 1994: 51].

Интересно, что при переводе на русский язык слово **nemis** (намыс), как и слово **culture** (культура), опускаются, но добавляется слово **образование**. Однако вряд ли можно свести значение слова **nemis** только к образованию или воспитанию. Слово **намыс** используют для обозначения адыгской этики и морали в целом, отсюда и сложное терминологическое образование **адыгэ намыс**, под которым понимают, с одной стороны, адыгский этикет, с другой – этноспецифические и культурнообусловленные стратегии и тактики воспитания и воспитанности [Бгажноков 1978:43]. В другом месте в русском варианте **намыс** пишется с большой буквы, однако, пояснений к данному термину нет ни в английском, ни в русском вариантах. Только подтекст помогает определить, что данное понятие представляет собой этическую категорию и связано с воспитанием: *It is our nemis that a man should master his emotions* [Quandour 1994: 313] (*Наи Намис требует, чтобы мужчина умел управлять своими чувствами* [Кандур 1994: 373]).

Автор пытается объяснить, что такое **nemis**, как глубоко это понятие воспринимается каждым адыгом, что становится сущностью человеческой природы и национального внутреннего склада: *True nemis comes from an inner strength, a purity of spirit that can only be obtained by a series of demanding tests of character* [Quandour 1994: 303].

Три последующих слова **Atalik, nemis, khabza** входят в одно концептуальное поле, дополняя друг друга: *The custom in Kabarda, as on the Kouban, was for boys of nobility to be sent to an Atalik, a preceptor or mentor, who would teach them everything necessary of khabza and nemis* [Quandour 1994: 296].

Как считает М. Кандур, **Khabza** – это **the binding code of Adigha chivalry**, т.е. неписанные законы рыцарства у адыгских народов стоят выше религиозных постулатов, адыги должны неукоснительно выполнять эти законы: *Our Khabza is more important than a strict adherence to Islam* [Quandour 1994: 606].

Приведенный пример показывает степень важности для адыга законов Хабза. Однако опять мы сталкиваемся с такой реалией, которую трудно понять как англоязычному, так и русскому читателю без дополнительного комментария. Причём автор прямо указывает даже на ту местность, где Хабза соблюдается более строго и последовательно: *Everyone acknowledged that in Little Kabarda the people held on to the traditional ways more passionately than anywhere else; that their warth and hospitality was justifiably famous. 'If you wish to learn of our 'khabza' and ancient folklore, Kabardans would say, 'then go to Little Kabarda.' So it was that many princes and warks sent their sons for the Atalik training in this region. Sons learnt the arts of warfare and horsemanship; daughters the feminine skills of embroidery, weaving, house-keeping. But all learnt the lore and customs of the people, correct Adigha behaviour* [Quandour 1994: 286].

Таким образом, как пишет М. Кандур, Малая Кабарда была и традиционно остаётся местом формирования строгих правил адыгэ хабзэ, где они соблюдались и соблюдаются неукоснительно.

Согласно Бгажнокову Б.Х. [Бгажноков 1999:24], **хабза** представляет универсальный способ или механизм производства и воспроизводства общественных связей и отношений. Институт «адыгэ хабзэ», указывает он, охватывает по крайней мере три различных типа социальных норм, т.е. три типа хабзэ: 1) коммуникативно-бытовые (этикетные); 2) обрядово-церемониальные; 3) обычно-правовые (юридические). М. Кандур, описывая события 150-летней давности, в рамках художественного дискурса при помощи очень точных вкраплений и тонких наблюдений презентует разные типы хабзэ. Используя представленную выше классификацию Бгажнокова Б.Х., попробуем в следующем разделе описать те типы хабзэ, которыми руководствуются герои трилогии М. Кандура «Кавказ».

В коммуникативно- бытовом, или этикетном типе **хабзэ** можно выделить определенный набор составляющих, иерархических взаимодействующих, которые естественным образом прослеживаются в описаниях конкретных ситуаций в трилогии М. Кандура. Самый важный вывод, который изначально делается Кагдуром, гласит: каждый поступок любого адыга соизмеряется законами **Хабзэ**.

Устами одного из действующих лиц, Кандур далее говорит: “*We are guided by our Khabza*”, - *Naho murmured* [Quandour 1994: 726].

Одним из важных составляющих **хабзэ** является проявление уважения к старшим. Именно почтительность по отношению к старшим представляет собой одно из неукоснительных правил адыгов, что находит свое выражение в трилогии в ситуации с Ахметом: *Courtesy forbade Ahmet to ask question of any man his senior. He looked at the food with relish, waiting for Ghazi to begin* [Quandour 1994: 27].

В этом кратком отрыве, состоящем всего из двух предложений, М. Кандур смог представить два важных правила, релевантных и обязательных для поведения младшего члена социума: 1) нельзя спрашивать старшего по возрасту человека; 2) нельзя раньше старших приступить к еде.

В следующем примере Кандур, описывая заседание совета старейшин, показывает регламентированные хабзэ иерархические отношения в адыгском социуме, где содержательной доминантой является подчеркнутое уважительное отношение младших членов социума по отношению к старшим: *The Imam and the elders were made comfortable by their retainers, on cushions set in a semi-circle in front of the Imam's tent house. As was customary, no other younger Bzadough and no women were present at the interview, so that the elders could discuss matters freely and make their decisions in a calm atmosphere* [Quandour 1994: 46].

Интересно обратиться к данному отрывку в русской версии трилогии. Здесь переводчик допускает две серьезные неточности: во-первых, «молодой бжседуг» заменяется «молодым мужчиной», что существенно искажает ситуацию, т.к. речь идет о бжседугах, представителях одного из могущественных адыгских племен; во-вторых, умалчивается и тот факт, что на совете не могли принимать участие не только молодые бжседуги, но и представители женской половины общины («по women»). Если первую неточность можно как-то оправдать, т.к. переводчик, видимо, руководствовался мыслью о том, что слово «бжседуг» не будет понятным для многих читателей, то вторая неточность, то есть опущение того факта, что женщины тоже не могли присутствовать на совете старейшин, создает ущербную картину о составе совета старейшин, так как по законам **Хабза** женщины действительно не могли присутствовать при обсуждении важных событий.

Как известно, в Адыга Хабзэ уделяется большое внимание местоположению как инструменту статусной стратификации члена общины. Б.Х. Бгажноков подробно анализирует степень релевантности и важности для адыгов оппозиции «ипцэ - ицхъэрэ», оппозиции «центр-периферия», «лево-право», «впереди-позади», «первый-последний», концепции почётного места [Бгажноков 1983:228]. Середина и правая сторона издавна считались и считаются самым почётным местом и у других народов

Северного Кавказа, в частности, у осетин, балкарцев и чеченцев. Обращает на это внимание и М. Кандур, описывая, как встречают Ахмета, почётного гостя, чеченцы: The Imam indicated that he should sit at his right as the guest in their midst; Ghazi stood behind the elders to wait on all the company, as was his duty being a younger son of the household. Two other youngsters stood by him for the same purpose [Quandour 1994: 49].

Как видим, гость занимает почётное место в середине; молодые люди в присутствии старших стоят, отдавая дань уважения им.

В ситуации, когда Ахмет возвращается в своё родное село *Hapsa*, Кандур продолжает детальное описание сбора семьи: There stood Murad behind his father's place, as appropriate for a young Kabardan nobleman. His brother Omar stood beside him and only the elders of the village were seated. As the **hasha**, the honoured guest, Ahmet was given pride of place on the right. side of the prince [Quandour 1994: 291](Мурад стоял позади отца, как и положено молодому кабардинцу из знатного рода. Рядом стоял его брат Омар, и лишь почётные старцы сидели. В качестве **хаче**, почётного гостя, Ахмета усадили справа от князя [Кандур 1994: 344]). Необходимо отметить, что в английском оригинале текста адекватно передано фонетическое звучание кабардинской лексемы, тогда как в русской версии трилогии переводчик существенно исказил фонетический облик кабардинского «хъэццIэ».

Как видно из приведенного выше отрывка, при встрече членов большой семьи они занимают место по установленным Адыга Хабзэ правилам. Имеется определенная строгая система координат как ориентир и статусный индикатор участников в конкретной ситуации общения. М. Кандур особо подчеркивает, что Ахмету как **hasha**, **the honoured guest** (почетный гость) предоставляется почётное правое место от старшего. Иноязычное вкрапление **hasha** в англоязычном повествовании объясняется, посредством словосочетания **the honoured guest** (почетный гость).

В повествовании далее описывается процедура женитьбы в аспекте соблюдения правил старшинства: Kazbek was well beyond marriageable age, and as was the custom neither of Ahmet's younger sons could marry until Kazbek was settled [Quandour 1994: 346].

Понятие старшинства носит иерархический характер, т.е. и среди младших членов общины имеется иерархия старший-младший. Так, например, младшие молодые люди также прекращают громко разговаривать при приближении старших: Kuer interrupted: "Quiet now. The elders are coming" [Quandour 1994: 111].

Раскрывая и расширяя содержание концепта Хабзэ, М.Кандур показывает англоязычному читателю, что по правилам Хабзэ при встрече младшие члены адыгского социума не могли задавать вопросы старшим: Courtesy forbade Ahmet to ask questions of any man his senior [Quandour 1994: 27].

Следующим важным составляющим Адыгэ Хабзэ является проявление уважения к гостям. Гостеприимство, проявление деликатности и почтительного отношения к тому, кто пришёл к тебе в дом – важный сегмент адыгского этикета. Даже в опасной ситуации защитить гостя – это долг каждого хозяина. Кандур по данному поводу, расширяя семантические составляющие адыгского этикета, пишет: It's not our custom to expose the lives of our guests to danger in fighting our battles for us. Indeed, we ourselves are duty – bound to defend our guests. That is our **khabza** [Quandour 1994: 640] (Не в наших обычаях подвергать опасности жизнь гостей, позволяя им участвовать в сражениях. Мы сами обязаны защищать своих гостей. Таковы наши Хабза [Кандур 1994: 766]).

Очень интересно и довольно подробно описывает М. Кандур, с каким сочувствием и сопереживанием горцы относятся к больному гостю, какое внимание они ему уделяют и как они его обхаживают: Several women, young and old to judge from the voices, were gathered round his friend's bed. They were chattering, clapping hands and singing: Ahmet didn't recognize the songs, but he was familiar with the custom. As with his own people, an invalid was never left alone to get low [Quandour 1994: 52].

Обращает внимание М. Кандур и на то, что гость за столом представляет собой некий ориентир, по которому соизмеряют присутствующие свои действия. Так, например, в присутствии гостя, никто добровольно не может покинуть стол, опередив тем самым уважаемого человека: He also knew that as the guest, as long as he was seated, none of the hosts would voluntarily depart the party [Quandour 1994: 52].

Уместно в данном случае вспомнить свод правил адыгского гостеприимства, о которых пишет Бгажноков Б.Х. [Бгажноков 1978:47], где он упоминает, что «21. За столом хозяева следят, чтобы гость съел как можно больше и насытился; 22. Считается бестактным съесть свою порцию раньше гостя, так как в этом случае гость вынужден будет тоже оторваться от пищи». Отсюда замечание Т. Де Мариньи: «для черкеса постыдно есть быстрее иностранца».

Одним из неукоснительных правил жителей Кавказа является гостеприимство, что выражено у Кандура в следующем предложении: Hospitality is part of the Circassian code of honour [Quandour 1994: 668].

Известно, что гостеприимство выражается не только в накрытии стола для гостя. Неотъемлемым атрибутом гостеприимства у народов Северного Кавказа является одаривание гостей подарками, но и гость сам традиционно не приходит с пустыми руками. Эту тонкость взаимоотношения гость – хозяин дома М. Кандур мастерски воплощает в сложном синтаксическом образовании: If Ghazi was embarrassed at this generosity – for as he had suspected the dagger was a Toledo blade of great antiquity - this was nothing to Ahmet's discomfiture when he woke the following morning and found the Imam and his household already making preparations for his departure. His horse had been harnessed ready and the women were loading his saddlebags with salt, dried fruits and ample supplies of maize corn [Quandour 1994: 57].

М.Кандур, отмечая, что адыгский этикет предусматривает особое привилегированное отношение к гостю, показывает место алкоголя в ритуале гостеприимства, попутно подчеркивая приоритет национального над религиозным: The Shapsough Talustan looked on amused at the European ritual; none of the mountaineers touched alcohol, not so much out of religious observance, as from their much older Khabza ideals of self-restraint [Quandour 1994: 629].

Таким образом, гостеприимство занимало и занимает важное место в быту адыгов, так как оно способствовало интенсификации общения внутри этноса, а также способствовало трансляции и освоению культурных ценностей других народов.

Особое место в адыгском этикете занимает сдержанность. Сдержанность в проявлении чувств к своим детям, жене, даже к физическим страданиям была основой жизни адыгской феодальной знати. «Сдержанность во всём, что не было связано с необходимостью защитить свою честь, честь сеньора, почтенного старца или женщины (и тем самым проявить благородство, мужество, силу, ловкость), была одной из главных заповедей урков. Отсюда спокойствие и невозмутимость даже в экстремальных ситуациях, стойкое перенесение уроков судьбы, а также и физических страданий, что более всего удивляло европейцев», – пишет Бгажноков Б.Х [Бгажноков 1983:228]. На протяжении всей истории М. Кандур обращает внимание на проявление данной черты характера у адыгов: No Adigha gives verbal expression to his deep emotions [Quandour 1994: 57].

Практически эти два утверждения становятся руководством в поведении, когда необходимо проявлять эмоции. Нередко Кандур наделяет действующие лица трилогии данными качествами. Так, например, когда Ахмет, отец главного героя второй книги «Казбек из Кабарды», отправляет своего сына в длительное путешествие к своему Аталуку, он весьма сдержанно обращается к своему сыну: 'Bring honour to our household Kazbek.' was all he said. He wanted to hold him and love him as he used to when they were living in Chechenia, but he couldn't display such affection in public. Kazbek seemed to

understand. He nodded back solemnly to his father as a gesture of farewell [Quandour 1994: 301].

М. Кандур обращает внимание на различные проявления сдержанности у народов Кавказа. Например, указывает он, чеченцы были гораздо менее привержены условностям обычаев: One thing impressed Ahmet mightily. The Chechenians were far less formal than his own kind. His father would no more have held him in a public place, than surrendered on a battlefield. His mother hardly ever kept company with his father, as was the custom, except on formal occasions, though deep love bound them together even in death [Quandour 1994: 97]. Нарушение этикетного требования, расписанного в адыгэ хабзэ, сравнивает автор весьма категорично и эмоционально со сдачей врагу на поле брани (than surrendered on a battlefield), т.е. определяет как высшей степени позорное явление.

Не мог открыто проявлять истинный рыцарь чувство любви даже по отношению к своему внуку: He too could hardly believe his eyes when his grandfather embraced Kazbek. In all his years of tutelage Ahmet had never demonstrated his physical affection for his grandson; just for a second, Imam was jealous [Quandour 1994: 505](Он тоже едва верил своим глазам, видя, как дед обнимает отца. Ни разу за все годы учёбы Ахмет не проявлял так явно любовь к внуку. На мгновение радость охватила Имама [Кандур 1994: 604]).

В связи с русским переводом приведенного выше отрывка необходимо отметить, что последнее предложение отрывка «just for a second, Imam was **jealous**» следует перевести как «На мгновение **ревность** охватила Имама», а не **радость**; допущенная неточность при переводе искажает авторскую мысль, где автор был нацелен на передачу внутренних чувств, буруемых ребёнком».

Продолжая глубже раскрывать семантику кабардинского концепта «намыс», Кандур вводит сдержанность, терпение (даже к физической боли) как семантические составляющие кода чести: Everyone could tell that he was injured, but as a point of honour Ghazi wanted to complete his mission before having seen to his wound [Quandour 1994: 44].

Сдержанность, по мнению Б.Х. Бгажнокова, является одним из составляющих толерантности. «В случае с толерантностью правильно говорить о терпимости, сдержанности, снисходительности. Это, несколько иная форма самоконтроля и самоорганизации личности» [Бгажноков 1999:66]. Все приведённые примеры из трилогии М. Кандура свидетельствуют о глубоком знании им национальных традиций и обычаев, адыгских основ поведения в обществе. В его трилогии на фоне этноспецифических вкраплений сдержанность презентуется как форма самоконтроля и самоорганизации. Приведенные примеры свидетельствуют о самоконтроле и самоорганизации при выражении не только отрицательных, негативных, бурных реакций на возмущающие, раздражающие действия и поступки других людей, но и на сдерживание положительных эмоций, что требовалось по своду законов Адыгэ Хабзэ.

В рамках адыгской культуры уважение к женщине представляет собой существенный сегмент кодекса чести. «К числу форм рыцарского обхождения с женщиной»,- пишет Б.Х. Бгажноков, «можно отнести обычаи вставать при её появлении (правило, которое не делало исключения даже для дряхлых стариков), уступать ей правую почётную сторону, спешиваться с коня при встрече с ней в пути, а в случае надобности – провожать до пункта назначения, оставив все свои, пусть даже срочные дела. Верхом неприличия считалось говорить с женщиной сидя на коне, не спешившись, не обратившись к ней так, как этого требовал этикет» [Бгажноков 1983:109].

М. Кандур обращает внимание на методы воспитания молодых девушек, на их взаимоотношения со свекровью, свёкром, где он также обнаруживает глубокие знания бытовой культуры адыгов и других народов Северного Кавказа. Полнота описания достигается тонким взаимодействием этноспецифических иноязычных вкраплений, получивших в предыдущих контекстах свое объяснение: Nursan wasn't jealous; as nissa she had a proper respect for her mother-in-law and besides, Tsema was a strong-minded woman who had many, many qualities that Nursan admired. In fact, she was surprised, as the daughter

of a Kabardan *wark* of the first degree, to discover that this worthy Chechenian woman excelled in many of the skills Nursan had been taught in her years with an *Atalik's* family. Kabardan girls naturally did not study the techniques of warfare or the manly details of *khabza*, but they were schooled in imbroidery, weaving, basket making, cookery, and the legends and customs that it would be their duty to pass on in their homes to the next generation [Quandour 1994: 400].

Кандур тонко подмечает абсолютную зависимость жены от мужа, высокую степень послушание со стороны жены: *She was obedient, after a fashion* [Quandour 1994: 404].

Здесь мы также обнаруживаем досадную неточность в переводе. Представленный перевод на русский язык «Она **подчинилась** ему» подчёркивает завершённость и однократность действия, тогда как «*She was obedient*» делает особый акцент на том, что действие носит абсолютный и продолженный характер, что она всегда была услужлива и **подчинялась** мужу.

Особое внимание М. Кандур уделяет описанию красоты черкесских девушек, что преподносится англоязычному читателю в канве вкрапленных этноспецифических реалий: *Nursan was the most beautiful woman he had ever seen. He well knew why Nursan's father was so vigilant and fierce. Cherkess women were famed for their beauty as far a field as Constantinople, Jerusalem or St. Petersburg. Tchegem women were perhaps the pride of Kabarda, and Nursan the most highly-esteemed beauty of all the maidens in the valley* [Quandour 1994: 361].

При всем кажущемся единообразии культур и этикетных правил у народов Северного Кавказа существуют существенные различия не только внутри этнических регионов, но и между этносов, тесно соседствующими друг с другом. Так, М. Кандур отмечает разницу в воспитании кабардинских и чеченских девушек: *Chechen girls have more freedom* [Quandour 1994: 107]. *An Adigha maiden wouldn't have dared look him so straight in the eye* [Quandour 1994: 75].

Вслед за различиями Кандур обобщенно отмечает и общности в культурах народов Северного Кавказа. Так, например, женщинам не подобало сидеть за одним столом с мужчинами: *Both men had never sat to a meal with a woman in their lives* [Quandour 1994: 704] (*Горцы никогда в жизни не ели за одним столом с женщиной* [Кандур 1994: 844]).

При переводе используется сужение лексического значения слова **men**, т.к. переводчик посчитал возможным заменить *men* – мужчины на горцы, что в какой-то мере способствовало приданию местного колорита.

Обобщая изложенное, необходимо отметить, что кабардино-черкесские вкрапления в английской версии трилогии М. Кандура «Кавказ», отражающие этнокультурную составляющую системы воспитания, введены в канву трилогии различными способами. Основными из них являются дефиниция инокультурного понятия или же его описание в широком контексте. Все проанализированные этноспецифические вкрапления представляют собой некую лексическую микросистему, которая дает адекватное представление англоязычному читателю о столь экзотической для них кабардино-черкесской этнической культуре, а вместе с ней и частично о северо-кавказском культурном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адыль-Гирей. Черкесы. Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980. С. 49-66.
2. Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978.
3. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.
4. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 96 с.

5. Интериано Дж. Быт страны зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование. //Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX в.в. Под ред. В.К. Гарданова, Нальчик: Эльбрус, 1974. –С.43-51.
6. Кандур М.И. Кавказ. Историческая трилогия: в 3 т. / Перевод В.А. Чернышевского. – М.: Кандиналь, 1994. – 979 с.
7. Канаметов З.Х. Институт аталычества в системе воспитания княжеско-дворянской молодёжи феодальной Черкессии. // Сборник материалов VII научно-практической конференции. – Краснодар: 2007 – с.113-117.
8. Марзей А.С. Черкесское наездничество «зеклуэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 2004 – 297 с.
9. Тхакушинов А.К., Ашмахов К.И. Аталычество и проблемы управления в современном Российском обществе // Культурная жизнь Юга России, №2 (21). 2007-с.27-29.
10. Quandour M.J. Kavkaz. Lada Publishing, 1994-814 с.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ КАК ТРАНСЛЯТОРЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Ф.В.Гетегежева

Кабардино-Балкарский государственный университет им.Х.М.Бербекова
г. Нальчик

В настоящей статье на материале кабардино-черкесских топонимических и антропонимических номинаций предпринимается попытка показа их места в содержательной структуре художественного текста в качестве лексических.

Как известно, художественный текст как законченное речевое произведение и единица коммуникации несёт определённую информацию, в которой могут в большей или меньшей степени отражаться факты и особенности данной национальной культуры (истории, политического и социального строя, материального производства, искусства и т.п.) Географические названия, сохранившиеся веками и характеризующиеся особой устойчивостью, представляют большой интерес для лингвистического анализа, отмечает Дж.Н.Коков, так как эти названия, появившись в определённый исторический период, а иногда вследствие конкретного исторического события, порой приподнимают завесу истории и делают ее осязаемой [Коков 2000:6].

Информация, заложенная в географических названиях и собственных именах, сама по себе имеет важное значение, так как по ней можно судить об исторических событиях, имевших место в далеком прошлом, о трагических судьбах целых народов и племен, о взаимоотношении и взаимовлиянии дружественных, а временами враждебных, народов, о культурных связях этнических единств.

Особыми информационными гранями раскрываются данные лексические единицы, когда попадают в канву художественного произведения. Топонимы, антропонимы, этнонимы, а также ойконимы, выраженные апеллятивной лексикой и обозначающие особенности природно-географической среды описываемых мест, занимают особое место в процессе создания значительного национально-культурного компонента в английской версии трилогии М.Кандура «Кавказ» [Quandour 1994].

К первой группе лексических единиц, отображающих этноспецифические особенности исследуемой трилогии М.Кандура, относятся следующие названия: The Caucasus, Kavkas, great Kavkaz, The great Elbrouze, Oush-ha Makwa, Elbrouze, Little Kabarda, greater Kabarda, Kabarday, The Glakhstney, Nalchik, Kandouray, Hatoushoukay,

Anzouray, Napsay, Lausa Psina, Psijh, The Chegem, Malka, Chereck, Terek, Khakhalki, Chechenia, Asatin country.

К апеллятивной лексике, обозначающей особенности географической среды, относятся такие слова, как **aul** и **stanitza**, которые довольно часто употребляются на страницах всех трёх книг анализируемой трилогии. Если первое слово является общекавказской административной единицей, то вторая лексема номинирует в данном контексте зарождающиеся русскоязычные села в северокавказском регионе описываемого периода.

Остановимся более подробно на анализе названия трилогии М. Кандура «Kavkas». Как известно, в современном английском языке существующая норма для обозначения кавказских гор – «The Caucasus» или «Caucasus mountains». Естественно, М. Кандур знает о существовании таких наименований (такие имена часто употребляются и в самом произведении), однако, для названия своего произведения М. Кандур выбирает топоним «**Kavkas**», который заставляет думать о прошлом и приближает нас, потомков, живущих в XXI веке, к событиям полуторавековой давности. Топоним «Кавказ» соотносится не только с кавказскими горами, но выражает в целом определенную территорию, где проживают несколько этносов, объединенных набором одинаковых или достаточно похожих обычаев и нравов, а также общей историей. В понимание содержания слова «Кавказ» М. Кандуром закреплено бытовое его значение, функционирующее во всех этносах и языках данного региона, о чем и свидетельствует количественная представленность данного лексического вкрапления в трилогии. Количественные подсчёты, произведенные в процессе исследования, свидетельствуют о том, что это самое частотное слово во всей трилогии. Более 100 раз обращается автор к этому живому памятнику истории, который величественно хранит память о миллионах невинно погибших во время бессмысленных кровопролитных войн. М. Кандур использует красочные эпитеты, восхваляя его достоинства. Автор достаточно точно представляет себе читателя, на которого ориентировано данное произведение. Речь, конечно же, в первую очередь идет о выходцах из Кавказа, которые волею судеб проживают в различных странах, в частности, большие и значимые диаспоры имеются в странах Ближнего Востока, относительно оформленные диаспоры имеются в США и других странах Западной Европы. Свое особое отношение к данному частотному лексическому вкраплению автор выражает с помощью целой серии эпитет, таких, как, например «**beloved Kavkaz**» - *любимый Кавказ*, «**the fertile Caucasus**» - *плодородный Кавказ*, «**the enchanting Caucasus**» - *обворожительный Кавказ*, «**our great Kavkaz**» - *наш великий Кавказ*, «**The Caucasus was a melting pot of races and languages**» - *Кавказ, который являлся плавильным котлом разных народов и языков* [Quandour 1994:88], «**The Caucasus. Forty, fifty, possibly more, separate languages... It was a linguistic paradise**» - *Кавказ, который является и лингвистическим раем* [Quandour 1994:333]. Данные эпитеты выражают не только собственное отношение М. Кандура к понятию «Кавказ», но и подобным уважительным отношением до известной степени поддерживается живой интерес читателя-выходца из Кавказа к сюжетной линии трилогии. Для автора Кавказ - это боль за прошедшее, гордость за настоящее и уверенность в будущем с надеждой на мир. При передаче на английском языке данного топонима основными средствами становятся как транскрипция, так и транслитерация.

Особый интерес в аспекте иноязычных вкраплений в трилогии представляет другое географическое название, а именно Эльбрус. В тексте трилогии высочайшая гора Европы представлена вариативными названиями разного происхождения. Это – «Elbrouze», и «Oush'ha Makhwa». Последняя представлена также вариативной формой транслитерации с кабардино-черкесского языка в виде «Oush'ha Makhwa» и «Ouska-ha Makha».

В связи с этими двумя лексическими номинациями высочайшей горы Европы в трилогии М.Кандура необходимо отметить, что название Эльбрус понятно всем

представителям кавказских этносов (северо- и южно-кавказских), хотя в каждом из них имеется национальная номинативная единица, ориентированная на родной язык, отражающая либо природные признаки горы как, например, доминирующая на Кавказе высота или сверкающие снегом вершины, либо какие-нибудь исторические события и переживания, которые представители конкретного этноса связывали с этой горой.

В трилогии М.Кандура при описании общекавказского этнического пространства используется название Эльбрус, но при описании более узкого адыгского пространства автор прибегает к кабардино-черкесской номинации «Oush'ha Makhwa». Региональные карачаево-балкарские названия Эльбруса, как Минги Тау, Тейри Тау, Джин падчах, Джаннган Тау, Кюль Тау, Алтын Тау, Шат Тау, Чат Тау, Дукъуш Тау, Минг жашар Тау, Эгиз Тау, Эки баш Тау, Къуштун Тау, Минген Тау, Иер Тау, Багъана Тау, Мёнгю Тау, Эмчек Тау, Эки сын, Жель буруш Тау, Жель ёгюз Тау, Эль бурун Тау, Тутуркъулу Тау, Кукуртлу Тау, Къусхан Тау автору трилогии неизвестны [см. статью журналиста Хыйсы Османова в газете «Заман» (КБР) от 25 августа 2005г.]. Также не используются наименования Эльбруса, которые имеют хождение в других этносах, населяющих Северный Кавказ и Закавказье. Речь идет прежде всего о таких названиях, как абхазское Орфитуб (гора блаженных), грузинское Ял-буз (от тюркского «ял»-грива и «буз»-лед, снег) и Бурцими (конусообразно взывающийся), кумыкское Асхар-тау (снежная гора асов), турецкое Джин-Пажшах (властелин горных духов), армянское Альберис, иранское Альборс, адыгейское Къусхъэмаху (Кусхамаф) (гора, приносящая счастья), ногайское Ельбурус (направляющий ветра и другие, в целом этих названий около сорока, включая также другие индоиранские и даже шумерские наименования.

Эльбрус как признанное общекавказское название горы основывается на том, что оно имеет давнюю историю, одно из первых упоминаний названия этой горы в форме «Эльбурз» встречается в 1395 году в «Книге побед» Шереф ад-Дина Йезди и Низам ад-Дина Шами, летописцев великого полководца Тамерлана, истребившего аланское население Приэльбрусья.

У М. Кандура название Эльбрус встречается в сочетании с разными метафорами и эпитетами или в достаточно эмоционально окрашенных художественных контекстах, отражающих его уважительное отношение и преклонение перед столь могущественным символом родного края. В качестве примера можно привести сочетания «**The great Elbrouze**» - великий Эльбрус, двуглавый Эльбрус – «**the twin-peaked Elbrouze**» [Quandour 1994:67], могущественный Эльбрус – «**the mighty Elbrouze**» [Quandour 1994:239]. При описании Эльбруса М. Кандур использует такие яркие метафоры и эпитеты, которые помогают читателю представить его как живое существо, хранящее историческую тайну и боль: «*Elbrouze was famous for the color of its snow, at times red as blood, and it was the sacred place where the Narts drank Narzan, a water that flowed from within the mountain and made them invincible*» [Quandour 1994:55]- *Эльбрус был знаменит цветом своих снегов, которые иногда становились красными, как кровь. Это было священное место, где нарты пили «нарзан» - воду, вытекающую из горы, которая делала их непобедимыми* [Кандур 1994:64].

Синонимом Эльбруса в тексте трилогии выступает кабардино-черкесское название горы Oush'ha Makhwa, которое имеет и другую форму написание в виде «Ouska-ha Makha», что свидетельствует о попытке автора максимально адекватно передать фонетический облик кабардино- черкесского *Iuащхъэмахуэ*. Частотное использование данного оронима придаёт особый национальный колорит описываемым событиям, оттеняя их подлинность и величественность.

Интересно отметить, что при описании событий вблизи адыгейского региона автор все же сохраняет кабардинское название Эльбруса, хотя можно было бы использовать и адыгейский вариант Къусхъэмаху (Кусхамаф), чем он, по мере возможности, опять же подчеркивает свое кабардинское происхождение.

В трилогии функционирует ряд ойконимов (названия населенных пунктов), которые призваны полнее локализовать действия его героев и дать более исчерпывающую географическую картину региона. К ним относятся также следующие названия Anzouray, Hatokhshoukay, Glachchstnay, Kandouray, Napsay.

Приведенные ойконимы являются старинными названиями населенных пунктов и крупных регионов Кабарды, где отражены имена бывших их владельцев. Использование данных номинативных вкраплений в трилогии показывает, что для представителей зарубежной кабардинской диаспоры они все еще остаются реалиями, которые имеют живое хождение в диаспоре. В то же время часть из них к моменту написания трилогии исчезла на исторической Родине из всеобщего употребления, а часть функционирует в обиходно-разговорной среде. Так, например, названия Кандурей и Хапцей мало что говорят большинству кабардинцев, но необходимо отметить, что эти региональные ойконимы еще бытовали среди старшего поколения жителей данных населенных пунктов и через них не потеряли своей функциональной ценности, хотя и достаточно ограниченной. Относясь к определенной исторической эпохе в жизни кабардинского этноса, данные названия выполняют в трилогии конкретную стилистическую функцию, которая заключается в создании адекватной исторической панорамы в трилогии с локализацией событий в соответствующем конкретной исторической эпохе географическом ареале.

В связи с названными лексическими вкраплениями в трилогии необходимо отметить также, что с момента появления трилогии М.Кандура они вновь приняли статус административных названий населенных пунктов. Так, например, населенному пункту «Старый Лескен» вновь вернули его старинное название «Анзорей», свое старинное название вернул и населенный пункт Кызбурун -1, теперь он, как и прежде, называется Хатохшукей. В то же время отметим, что название селения Хамидия, находящегося в Малой Кабарде, осталось без изменения. Названия Кандурей и Хапцей, обозначавшие две части данного населенного пункта, бытуют в разговорной среде и наибольшее хождение имеют среди представителей старшего поколения жителей села.

М. Кандур, упоминая данные названия и описывая их географические особенности и природные красоты, проявляет себя глубоким знатоком данного ареала. Для него это не только исторические места, связанные с событиями далёкого прошлого. Его предки были уроженцами этих мест, поэтому для него они не только историческая земля, овеянная событиями далекого прошлого, это его истоки. Использование данных топонимических вкраплений в сюжетной канве трилогии свидетельствует о их высокой ценности в исторической памяти представителей зарубежной кабардинской диаспоры.

М. Кандур свободно ориентируется в понятиях «Little Kabarda» (Малая Кабарда) и «Greater Kabarda» (Большая Кабарда), противопоставляя их друг другу, как это и имеет место быть в реальной жизни кабардинцев. Синонимом «Little Kabarda» (Малая Кабарда) в трилогии М. Кандура выступает старинное название данного региона «Glakhstney». Название «Glakhstney», функционирующее в трилогии в качестве иноязычного лексического вкрапления, звучащее несколько чужеродно в английском тексте, самому автору очень дорого. С гордостью и любовью он говорит о «Glakhstney» как о кабардинском крае, где жители бережно хранят культурные традиции и обычаи кабардинцев, они в этом отношении пример другой части Кабарды, именуемой «Greater Kabarda» (Большая Кабарда). Он особо подчеркивает, что люди в «Little Kabarda» (Малая Кабарда) славятся своим гостеприимством и радушием. В трилогии мы находим это в следующем предложении: «*If you wish to learn of our 'Khabza' and ancient folklore, Kabardans would say, «then go to Little Kabarda»* [Quandour 1994:286] («*Если хочешь узнать наши Хабза и старинные предания, - говорили обычно кабардинцы, - поезжай в Малую Кабарду*» [Кандур 1994:338].

По мнению известного специалиста в области адыгской топонимики Дж.Н.Кокова, данный топоним представлен также вариантом «Тольэстэней», который не

функционирует в трилогии. Актуальными названиями местности для трилогии выступают варианты «Little Kabarda» (Малая Кабарда) и «Glakhtstney» (Джиляхстаней). «Таусултанья» как неофициальное название Малой Кабарды, то есть правобережья Терека в КБР, малоизвестно, видимо, этим и объясняется его отсутствие в романе М. Кандура. Можно сказать, что названия «Таусултанья» актуально только в контексте конкретного исторического периода, о чем кабардинский просветитель Ш. Ногмов писал: «Несколько старшин... внезапно отделились в пользу Таусултанова поколения, и князь Шолох увел их за реку Терек и поселил на правом ее берегу». Земля этих переселенцев и доныне носит название Малой Кабарды или Таусултанья [цит. по: Коков 2000:52].

В тексте трилогии мы встречаемся и с рядом гидронимов, введенные курсивом в качестве иноязычных вкраплений. М. Кандур пытается адаптировать их к системе английского языка, используя с определенным артиклем. Речь идет прежде всего о таких названиях рек, как *the Chegem (Чегем), Malka (Малка), Bakhshan (Баксан), Cherek (Черек), the Terek (Терек)*. Обращает на себя внимание передача имени Баксан, в нем отражена специфика звучания в кабардинском и балкарском языках. Остальные отражают специфику официальных административных номинаций, принятых в настоящее время в данном регионе, нереализованными остаются кабардинские варианты наименований, как Шэджэм, Балкъ, Шэрэдж, Бэхьсэн, Тэрч.

Особый интерес в трилогии представляет также название местности к западу от Пятигорска. М.Кандур пишет в романе: «*The country all around it, westward towards Pyatigorsk as far east as the Terek river valley was very fertile lands. The Tartars called this country as Besh Tamack, or Five Mouths, because of the five rivers which traversed its productive plains and flowed into the mighty Terek; the Bakhshan, the Malka, the Chegem, and the Cherek*» [Quandour 1994:87] (Все земли вокруг – к западу до Пятигорска и к востоку до Терека – были очень плодородными. Татары называли этот район Беш Тамак, что означает «Пять уст» - в честь рек, пересекающих эти равнины и впадающих затем в могучий Терек: Баксана, Малки, Чегема и Череха [Кандур 1994:100]). Пространство к западу до Пятигорска и к востоку до Терека имеет тюркоязычное название Беш Тамак, т.е. Пять уст. Данное название носит региональный характер и представляет собой забытый топонимический архаизм. Его связывают с четырьмя реками (Баксан, Малка, Чегем и Черек), которые впадают в пятую, значимую не только для региона реку Терек. Автор показывает хорошее знание местных топонимических наименований, приводя русский калькированный вариант карачаево-балкарского Беш Тау- Пятигорск. Необходимо отметить, что автор избегает по непонятным причинам использование известной кабардинской топонимической единицы Псыхуабэ (*псы* «вода» + *хуабэ* «теплая»), широко функционирующей в народе. Причину, вероятно, можно искать в попытке автора использовать не регионально ограниченную топонимическую лексему, а общепринятое на Северном Кавказе наименование местности.

С особой трогательностью автор описывает одну из самых больших рек кавказского региона, реку Кубань. Он пишет: «*Here at last? The Kouban becomes the mighty Psijh of Cherkess legend and folklore, the greatest of all the Caucasian rivers*» [Quandour 1994:59] (Старинное название Кубани – Псиж, т.е. древняя мощная река, которая является героиней черкесского фольклора, самой великой из всех Кавказских рек [Кандур 1994:68]). Как видно из приведенного примера, автор через общеизвестный гидроним Кубань, который имеет тюркское происхождение, актуализирует в рамках художественного дискурса регионально закрепленное кабардино-черкесское наименование кабардино-черкесского происхождения Псиж. Древность данного гидронима в тексте поддерживается ссылкой на то, что он является героиней черкесских легенд и фольклора. В связи с данным гидронимом Дж.Н.Коков пишет: «Форма Псыжъ являет собой пример образования гидронима превращением апеллятива (в данном случае *псы* в значении «вода», «река») в собственное наименование. В адыгских топонимах суффикс *жь(ы)*, утрачивая исходное лексическое значение «старый», становится

топонимическим увеличительным этимоном (формантом). От форманта **-жь** в гидронимах функционально отличается **-жь** в качестве определенного компонента сложений типа **«унэжь»** «дом старый». Последнее образование допускает противоположное определение **«унэщІэ»** «дом новый», чего нельзя сказать о гидронимах на **-жь**. Поэтому **«Псыжь»** значит не столько «река старая», сколько «река большая» [Коков 1983: 87]. М.Кандур в английском варианте произведения придает особую значимость гидрониму **Psijh** посредством использования эпитета **«mighty»** - «величественная». Если сравнить русский вариант текста трилогии, то в нем **«Псыжь»** выступает как «древняя мощная река», т.е. в оригинале трилогии сема «древняя» никак не выражена, акцент делается на семе «величественная», что включает, на наш взгляд, и сему «мощная».

Особый интерес в трилогии представляют этноспецифические антропонимы. Как известно, в адыгских именах нашли свое отражение многие вопросы истории народа: проникновение христианства и ислама, связь с соседними народами, классовые взаимоотношения. Как отмечает Коков Дж.Н., практика именования у адыгов в значительной мере связана с особенностями их этнографии. И это касается прежде всего такого важнейшего вопроса – кто давал ребенку имя [Коков 2001:21]. Г.Х.Мамбетов в работе «К истории адыгских имен» [Мамбетов 1970] отмечает, что адыги в далеком прошлом придавали магическое значение выбору имени для новорожденного. При этом бытовал обычай, по которому имя ребенку давал не член данной семьи, а «чужой», первый человек, вошедший в дом после рождения ребенка. В качестве постороннего человека, который мог дать имя младшему, выступал и старший рода. В представлении адыгов, человек, давший имя, как бы оберегал ребенка от злых духов, брал его под свою защиту. Человек, давший имя новорожденному, как отмечает Г.Х.Мамбетов, постоянно проявляет внимание к нему. Родители ребенка, в свою очередь, оказывают ему особое уважение, приглашая на семейные праздненства, связанные с данным ребенком, выделяя ему долю (Іыхэ) от зарезанного барана (шхэщІыльэныкъуэ – половину головы). Он отмечается специальным подарком при женитьбе юноши или выходе замуж девушки. На выбор имени у адыгов оказывали влияние также важные события, происходившие в это время. Так, отмечает Г.Х.Мамбетов, в период паломничества адыгов на богомолье в Аравию появилось имя Мэчэдинэ (от Мекки). Таким же образом появляется и имя Медина – по названию арабского города Медины. В современном употреблении чаще встречается вариант Мадина, хотя в произведении М.Кандура одна из главных героинь носит имя Медина.

Общеизвестно, что в кабардинском языке, особенно часто встречаются как мужские так и женские имена, содержащие производное от слова «хэ» «собака», которые восходят к древним традициям адыгов, связанных с культом собаки [Яковлев 1928: - 56-62.], где она почиталась как священное животное, охраняющее человека и его жилище. Так в основе имени **Hafitza**, которое принадлежит одному из действующих лиц трилогии М.Кандура, и сохранившееся в современном кабардинском антропонимиконе в качестве фамилии **ХэфІыщІэ**, лежат апеллятивы **хэ** «собака» и **фІыщІэ** «черная».

В основе имени **Afwsa** (кабардинское Афэуасэ) лежат слова **афэ** «кольчуга» и **уасэ** «цена». Апеллятивы, послужившие образованию данного имени, можно обнаружить в составе кабардинских антропонимов. Так в основе фамилии **Уэркъуасэ** лежат апеллятивы **уэркъ** «уорк (феодал)» и **уасэ** «цена», а в основе фамилий **АфэщІагъуэ** и **АфэзыщІэ** лежат апеллятивы **афэ** «кольчуга» + **щІагъуэ** «хорошая» и **афэ** «кольчугу» + **зыщІэ** «делающий».

Особое место в трилогии занимают такие имена, как **Temiroko** и **Temirkan**, носители которых играют значительную роль в повествовании М.Кандура. В кабардинском языке много имен, даваемых новорожденным, которые оканчиваются на **-къуэ** «сын такого-то» и на **-къан** «воспитанник». Так, **Temiroko** означает «сын Темира», т.е. «железного человека», а **Temirkan** означает «воспитанник; любимец *Temira*». Во многих именах, принадлежащих героям этого романа, используется такое стилистическое

средство как антономасия, т.е. говорящее имя («speaking name»), когда имя нарицательное с течением времени становится собственным именем. Так, имя главного героя второй части трилогии М.Кандура, которое использовано и в названии самого произведения “Kazbek of Kabarda”, а именно **Казбек**, образовано от апеллятивов **кази** «судья», тюрк. **бек** «господин, предводитель»; **Анвар** араб. «лучезарный»; **Азамат** араб. «величие, слава». Коков [Коков 1983:243].

Среди вкрапленных имен есть имена исторических личностей, например, *Sheikh Mansour* историческая значимость которого становится англоязычному читателю из контекста.

В трилогии особый функциональный статус принадлежит таким именам, как **Ahmet, Afwasa, Arshbi, Ati, Anwar, Azamat, Ghazi, Ja’afar, Hafitza, Kuer, Kazbek, Medina, Murad, Tsema, Temur, Temirkan, Temiroka**, среди названных имен **Arshbi, Ati, Anwar, Azamat, Ghazi, Ja’afar** маркируют представителей других северокавказских этносов, тогда как остальные можно рассматривать как имена, имеющие хождение в адыгском языковом пространстве. Имена **Anwar, Azamat, Ghazi** говорят, что их носители происходят из региона Дагестана, имена **Arshbi, Ati** маркируют их носителей как представителей ингушского и чеченского этносов. Особый функциональный статус приведенных имен заключается в маркировании их носителей как представителей конкретного этноса Северного Кавказа, в локализации действия в романе в соответствующем этническом ареале.

ЛИТЕРАТУРА:

11. Кандур М.И. Кавказ. Историческая трилогия: в 3 т. / Перевод В.А. Чернышевского. – М.: Кандиналь, 1994. – 979 с.
12. Коков Дж. Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик: Эльбрус, 1983 – 302 с.
13. Коков Дж. Избранные труды. Адыгская топонимия. Том 1. Нальчик: Эльбрус, 2000 – 484 с.
14. Коков Дж. Избранные труды. Адыгская топонимия. Том 2. Нальчик: Эльбрус, 2001 – 525 с.
15. Мамбетов Г.Х. К истории адыгских имён. Вестник КБНИИ, Вып.3. Нальчик, 1970. – с. 114-135.
16. Яковлев Н.Ф. Черкесская культура по данным языка. Революция и горец. - Ростов-н-Д, - М., №2, 1928.- С.56-62.
17. Quandour M.J. Kavkaz. Lada Publishing, 1994. -814 с.

ПОВТОР СЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ЕГО ФУНКЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ (НА ПРИМЕРЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ)

Л.Н. Голайденко

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
г. Уфа

Переходным звеном от чувственных форм отражения действительности к абстрактным является представление. Промежуточное положение между восприятием и понятием обуславливает уникальный характер данной философско-психологической категории.

Под представлением понимается наглядно-чувственный образ, возникающий в сознании человека в результате воспоминания или воображения. Прежний чувственный опыт либо непосредственно воспроизводится в памяти, либо становится основой для конструирования новых наглядно-чувственных картин: фантазий, мечтаний, снов и т. п.

При этом проявляется внутренняя двуплановость представления. С одной стороны, оно, безусловно, имеет чувственную природу, которая особенно актуализируется, когда наглядный образ возникает в памяти и относится к плану прошлого, тяготея к восприятию. С другой стороны, представление явно сближается с понятием благодаря большей отвлеченности от непосредственно воспринимаемых объектов реального мира, когда образ является продуктом деятельности воображения и маркирует план будущего.

Как восприятие и ощущение, представление не может быть названо словом – как понятие, «стремится» к вербализации, которая играет важную роль в росте обобщенного характера наглядно-чувственного образа: «Именно значение слова в системе словарного состава общенародного языка, а не знак в отрыве от значения выполняет эту функцию вербализации, в силу чего константным в представлении является само значение, а не выражающий его знак» [Ананьев 2001:285]. «Участие языка не только в оформлении, но и в формировании мысли позволяет сделать логический вывод о том, что и первые этапы в образовании мысли <...>, переработка в сознании содержания наглядно-чувственного материала не свободны от языковых средств» [Бабайцева 2005:142].

Переходный характер представления, синкретизм свойств чувственных и абстрактных форм познания действительности определяют яркую специфику средств выражения семантики воспоминания / воображения, отражающих подвижность данного наглядно-чувственного образа, во-первых, на шкале «восприятие – понятие»; во-вторых, на шкале «прошлое – будущее»; в-третьих, на шкале «воспоминание – воображение».

Актуализация соответствующих сем в значениях этих средств, синкретизм лексико-морфологических, собственно грамматических признаков, участие в создании и / или усилении наглядно-чувственного фона высказывания и т. п. – всё это характерно для средств выражения семантики представления.

И поскольку они разноуровневые, представление возможно и необходимо рассматривать как структурно-семантическую категорию в современном русском языке [Голайденко 2012].

Типичным средством выражения семантики воспоминания / воображения является лексика [Голайденко 1999], функционирование которой в русской художественной речи вызывает большой интерес.

В данной статье мы обратим внимание на повтор слов со значением представления в художественной прозе.

Из 9 503 художественных фрагментов, в которых зафиксировано употребление лексики со значением воспоминания / воображения, 341 (3,6 %) пример повтора соответствующих слов.

В художественных произведениях 19–21 вв. активно используется повтор двух видов: 1) повтор одного и того же слова; 2) повтор однокоренных слов. Проанализируем первый из них.

Повтор одного и того же слова может быть представлен повтором слова в этой же грамматической форме или в разных грамматических формах. Например: *Из его опыта следует, что чувственное **воображение** влияет на секс, а нравственное **воображение** никак не влияет* (Ф.Искандер. Думающий о России и американец); *У Чинкова мелькнула сонная еще мысль, **видение**, что это он сам и есть, что время вдруг вернулось и у костра стоит возвратившийся из маршрута горный инженер Чинков. **Видение** исчезло* (О.Куваев. Территория); ***Грезилась** всевозможные удачи и комплименты. **Грезилась**, а с кем это не бывает?* (Б.Окуджава. Подозрительный инструмент); *И вот я **представлял**, как мы все, кто едет в автобусе, сидим в большой светлой комнате под яркими лампами*

и вырезаем, лепим, клеим... Себя лично я **представлял** вырезающим (П.Санаев. Похороните меня за плинтусом);

С представлением о верховой езде для дамы в понятии Дарьи Александровны соединялось **представление** молодого легкого кокетства <...> (Л.Толстой. Анна Каренина); **Образы** сменялись **образами**; сравнения, то неожиданно смелые, то поразительно верные, возникали за сравнениями (И.Тургенев. Рудин); **Еще вспоминались** какие-то утра... Идешь по траве босиком. <...> И роса обжигает ноги. Даже теперь зябко ногам, как **вспомнишь** (В.Шукшин. Думы); **Степа старался что-то припомнить**, но **припоминалось** только одно – что, кажется, вчера и неизвестно где он стоял с салфеткой в руке и пытался поцеловать какую-то даму <...> (М.Булгаков. Мастер и Маргарита).

Во всех приведенных художественных фрагментах повтор выполняет текстообразующую функцию, расширяя границы описания представления, обращая внимание читателя на значимые с авторской точки зрения аспекты наглядно-чувственной картины.

Слова с семантикой воспоминания / воображения притягивают к себе другие слова, которые помогают раскрыть содержание описываемого представления, охарактеризовать и оценить его, поскольку данный наглядно-чувственный образ не может быть выражен отдельным словом, но может быть описан посредством других слов – и со значением представления, и с любым иным значением. Первые образуют каркас особого «наглядно-чувственного» художественного контекста, попав в который, последние начинают активно «работать» на описание воспоминания / воображения. Повтор же слов с семантикой представления максимально «проявляет» текстообразующую функцию соответствующей лексики, «цементируя» описание наглядно-чувственного образа воспоминания / воображения.

Особый интерес вызывают повторы существительных со значением представления, причем в одной и той же или разных грамматических формах: *С тех пор еще, как он бежал в Азию и напился с Кумом, не пил он ни разу, но **воспоминание** о действии водки было связано с большой белой теплой подушкой и крепким сном. Хорошее **воспоминание!*** (М.Пришвин. Курымушка); *У нее была заветная **мечта**. А что такое **мечта**? Это маленькая программа действий* (Л.Теплякова. Модная история);

<...> *Он боялся, что возвратятся опять **видения** ее и черных. Но **видений** не было* (Л.Толстой. Фальшивый купон); *Женщины – это не мы, у них своя **фантазия**, и не всегда отгадаешь, как ее **фантазии** соответствовать* <...> (В.Кожевников. Пустыня).

Так же, как и глагольные повторы, повторы существительных выполняют в художественной прозе текстообразующую функцию, «заставляя» другие слова раскрывать содержание наглядно-чувственных образов воспоминания / воображения. Например: *И одновременно все эти морские **образы** – синие тени будок на песке, блеск воды, пестрые от песка и загара тела, – эти **образы**, собранные в один солнечный узор, уезжали со скоростью восьмидесяти километров в час* <...> (В.Набоков. Король, дама, валет); <...> *Николай Леопольдович Вельде усаживал Медею в учительской <...> и с тоскливой страстью предавался **воспоминаниям** о тех временах, когда водил барышень на экскурсии <...>. **В** этих общих **воспоминаниях** звучала скрытая надежда, что всё еще может повернуться к нормальной жизни <...>* (Л.Улицкая. Медея и ее дети).

Чаще всего в рамках повтора употребляются существительные в одной и той же грамматической форме. Это объясняется тем, что субстантивные повторы, как и глагольные, акцентируют внимание читателя на описаниях представлений, возникающих в сознании литературных героев, актуализируют смысловую значимость данных описаний, подчеркивают их роль в понимании авторского замысла.

Вместе с тем повторы существительных с семантикой воспоминания / воображения выполняют функцию, несвойственную глагольным повторам. Если последние конкретизируют наглядно-чувственные картины, сужают или расширяют границы

описываемых представлений, позволяют показать их мозаичность, а также последовательность наглядно-чувственных процессов воспоминания / воображения и / или их результатов, то первые используются в художественных произведениях для того, чтобы дать представлениям эмоционально-оценочную характеристику, усилить звучание того аспекта наглядно-чувственной картины, который напрямую связан с психическим, психологическим состоянием персонажа, отражает его отношение к вспоминаемому или воображаемому им.

Данная функция субстантивного повтора обуславливается лексико-грамматическими свойствами существительного, обычно распространяемого прилагательным или причастием, которые, обладая общим грамматическим значением непроецессуального / процессуального признака предмета, непосредственно выполняют характеризующую функцию: называют качества наглядно-чувственного образа воспоминания / воображения, обозначенного соответствующим существительным.

Это существительное также может управлять другим существительным, которое в контексте в большинстве случаев имеет значение либо объекта процесса представления, либо является номинацией определенного отрезка времени – возрастного периода жизни персонажа, времени суток, времени года и т. п. Зависимое существительное тоже «обрастает» признаковыми словами, в результате чего становится носителем той или иной характеристики наглядно-чувственного процесса / образа воспоминания / воображения в соответствующем художественном описании: *И все места эти были загажены воспоминаниями, воспоминаниями, захватывающими его* (Л.Толстой. Дьявол); *Я знал, кто он был: он был командор, карающая сила за бесплодность мечты моей юности, поэтической мечты, вновь подменяющей мне подлинную любовь человеческую* (М.Пришвин. Фацелия); *Но при этом в старости, когда забывают само слово «склероз» и реальность отходит, как шелуха, очень часто всё, что с человеком остается, – это сны времен его молодости. Те сны, в которых он летал и видел человечество сверху, и, если верить медикам, таким образом – рос* (И.Савельев. Бледный город).

Мы видим, что в первом примере воспоминания персонажа характеризуются как постоянные, неотступные, не дающие думать ни о чем другом. Всё описание представления имеет отрицательную окраску, которая задается словом *загажены* (*загадить* – “(разг. неодобр.) Запачкать, загрязнить” [Ожегов 1991: 204]).

Во втором фрагменте говорится о юношеской мечте литературного героя, которая была не просто оторвана от действительности, а заменяла эту действительность. В юности персонаж жил в воображаемом мире, воспринимая и оценивая его как мир реальный.

Помимо прилагательных, причастий и существительных, при повторяющемся существительном со значением представления (непосредственно или в окружении этого существительного) довольно часто употребляется местоимение, которое в зависимости от принадлежности к тому или иному семантическому разряду может указывать на принадлежность представлений персонажам, неопределенность этих наглядно-чувственных образов и т. д.

Так, в третьем примере повторяющееся существительное *сны* распространяется указательным местоимением *те*, которое, указывая на отдаленные во времени наглядно-чувственные картины произвольного воображения, акцентирует внимание читателя на особо значимых снах литературного героя, вычленяя их из всех снов *времен его молодости*. Этому же способствует прием парцелляции: парцеллируется именно тот фрагмент описания снов, в котором раскрывается их содержание.

Поскольку существительное со значением представления повторяется, то каждый его повтор, благодаря согласуемым и / или управляемым компонентам, распространяет эту характеристику наглядно-чувственного процесса / образа воспоминания / воображения, делает ее развернутой. Чем больше зависимых слов при повторяющемся существительном, чем разнообразнее эти слова по лексическому значению и грамматическим признакам, тем богаче описание представления, тем актуальнее оно для

раскрытия «диалектики души» литературного героя, тем значимее для понимания авторского замысла (ср. первый – второй, третий примеры).

Употребление в рамках повтора существительного в разных грамматических формах, в отличие от глагола, не привносит в описание представления дополнительные смыслы.

Этот повтор в большинстве случаев строится достаточно типично: существительное со значением воспоминания / воображения в форме именительного падежа функционирует как подлежащее, а в форме творительного падежа – как именной присвяточный член составного именного сказуемого с глаголом-связкой *остаться* (обычно в форме прошедшего времени): **Воспоминание** о той единственной встрече с Полиной осталось только **воспоминанием** (И.Кедрова. Девять жизней); **Видение** их будущей счастливой совместной жизни осталось лишь **видением** (О.Куваев. Территория); **Мечты** о деревенском воздухе, о наслаждении природой, о равновесии элементов так и остались **мечтами** (Д.Мамин-Сибиряк. Все мы хлеб едим...).

Такая структура субстантивного повтора позволяет усилить акцент на том, что наглядно-чувственный образ представления (чаще всего воображения), возникший в сознании литературного героя, не изменяет своего качества, а главное, не превращается в программу реальных действий персонажа, продолжая «жить» как «звонок» из прошлого, оставшийся без ответа, или неисполненное желание, нереализованный план.

В приведенных фрагментах из художественных произведений герои только вспоминают, воображают, мечтают, но ничего не делают, чтобы воплотить свои мечты в жизнь, повторить то хорошее, что было в прошлом. В связи с этим описания представлений, базирующиеся на подобном повторе, приобретают эмоциональный оттенок сожаления, причем независимо от обстоятельств, мешающих преобразовать представление в реальность. Данная коннотация поддерживается употреблением ограничительных частиц *только* и *лишь* в двух первых примерах и усилительной частицы *так и* в последнем прозаическом отрывке.

Существительные, повторяющиеся в разных грамматических формах, как и существительные, повторяющиеся в одной и той же грамматической форме, довольно часто используются в художественной речи в качестве основы для создания антитезы. Например: *Теперь же сделала наблюдение: **воспоминания** ненависти, может, и круче **воспоминаний** любви* (Г.Щербакова. Женщины в игре без правил); *Вослед Сивилле – к Аверну, в поля елисейские, возвратным путем – в мир **со сновидениями** ложными либо в огненном вихре **сновидений** пророческих* (Ю.Буйда. Ермо);

*Самые ранние **воспоминания** были связаны с ней, с его деревней. Поздние, самые лучшие **воспоминания** приводили его сюда* (В.Шурупов. Первые венцы); *Я хотел сказать, что **сновидения** ночи более разнообразны, чем **сновидения** дня, но это несправедливо* (Л.Толстой. наброски. Моя жизнь).

Семантика противоположности, противопоставленности наглядно-чувственных образов воспоминания / воображения задается компонентами, зависимыми от существительных со значением представления, – общеязыковыми или контекстуальными антонимами: *ненависти – любви, ложными – пророческими* (*пророческий* – “2. Содержащий предсказание, правильно предугадывающий будущее (высок.)” [Ожегов 1991:617]), *самые ранние – поздние, ночи – дня*.

Нередко антитеза обогащается сравнением, и тогда сравниваются контрастные по своим характеристикам представления, одно из которых выбирается персонажем как самое важное для него, самое ценное, приоритетное, интересное.

Так, в первом фрагменте воспоминания ненависти доминируют над воспоминаниями любви, а в четвертом отрывке сновидения ночи – над сновидениями дня. При этом заметим, что подобный выбор обычно не является категоричным. Литературные герои все-таки предполагают, что одни наглядно-чувственные образы представления лучше других, но не настаивают на этом. Доказательством является употребление в

первом примере вводно-модального компонента *может*, а в последнем – модального глагола *хотел* и краткого прилагательного *несправедливо* (в предикативной части, присоединяемой посредством сочинительного противительного союза *но*).

Сравнительно-сопоставительные описания наглядно-чувственных картин, возникающих в сознании персонажей, позволяют ярче показать душевную жизнь последних, раскрыть ее внутренние противоречия, свидетельствующие о поиске героями истины, «движениях» их души.

Таким образом, субстантивные повторы с семантикой представления, как и глагольные, активно участвуют в текстообразовании, выполняют в художественной прозе изобразительно-выразительную функцию и, в отличие от глагольных повторов, используются как основа для эмоционально-оценочной характеристики описываемых наглядно-чувственных образов воспоминания / воображения.

Нередко в художественных произведениях повторяются (в разных грамматических формах) и прилагательные со значением представления, например: *Когда фантастический провал поглощал достаточное количество фантастических теней, Угрюм-Бурчеев, если можно так выразиться, перевертывался на другой бок и снова начинал другой такой же сон* (М.Салтыков-Щедрин. История одного города); *Это самое фантастическое из фантастических созданий!* (Ф.Достоевский. Сладострастники).

Подобные повторы в художественной речи помогают усилить наглядно-чувственный фон описания и отнести изображаемую картину именно к области воспоминания [Голайденко 2012] или воображения, в данных примерах – к области воображения.

В первом художественном фрагменте прилагательное *фантастический* употребляется в одном контексте с существительным *сон* (“1. Наступающее через определенные промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха, при котором почти полностью прекращается работа сознания, снижаются реакции на внешние раздражения. 2. То, что снится, грезится спящему, сновидение” [Ожегов 1991:745]).

Такой «симбиоз» слов с семантикой представления обуславливает возможность показать, как фантастичен – сверхъестественен и невероятен – наглядно-чувственный образ, возникающий в сознании Угрюм-Бурчеева во время сна. Это не просто плод произвольного воображения, это результат необузданной, сумасбродной, чудовищной фантазии, направленной на разрушение всего окружающего с целью воплощения собственного идеала устройства жизни – всеобщей казармы, тюрьмы. Неслучайно автор подчеркивает, что литературный герой видит один и тот же сон: этот сон отражает маниакальное желание последнего градоначальника города Глупова поработить не только людей, но и природу.

Благодаря повтору прилагательного *фантастический*, на наш взгляд, усиливается мысль о несбыточности Угрюм-Бурчеевской фантазии и прогнозируется фиаско персонажа, что подтверждается в финале романа М.Е. Салтыкова-Щедрина: не то ливень, не то смерч обрушивается на Глупов, и градоначальник-тиран, бросивший безрассудный вызов естественному, природному, нерукотворному, исчезает.

Аналитическая форма превосходной степени прилагательного *фантастический* во втором примере «позволяет актуализировать называемый этим прилагательным признак как проявляющийся в предмете описания в наивысшей степени по сравнению с другими предметами. *Самый фантастический* – “Самый волшебный, самый причудливый, самый невероятный, самый удивительный”» [Голайденко 2012:236–237].

См. еще: <...> *Писатель живет в безвоздушном пространстве, добывая воздух для дыхания при помощи магии <...>. Иллюзорная жизнь в иллюзорном мире?* (Ю. Буйда. Ермо); *Пробираясь еще дальше, вглубь, она, через призрачный курорт с призрачной гостиницей, где жил четырнадцатилетний вундеркинд, попала в детство Лужина, где было как-то светлее* (В.Набоков. Защита Лужина).

В первом отрывке повтор прилагательного *иллюзорный*, с одной стороны, усиливает такую важную, основополагающую черту писателя, как мечтательность, способность воображать, но с другой – указывает на оторванность этого же писателя от реальности, его уход от настоящей жизни, что непонятно литературному герою и оценивается им как все-таки не совсем правильное.

Во втором фрагменте у прилагательного *призрачный* отрицательная коннотация (*светлее* только в детстве Лужина, а на *призрачном курорте с призрачной гостиницей четырнадцатилетний вундеркинд* уже болен шахматами). Повтор прилагательного *призрачный* подчеркивает, что в значении повторяющегося слова, по нашему мнению, актуализируется сема “больное воображение”, которая реализуется не по отношению к невесте Лужина, а по отношению к самому Лужину. Повтор данного прилагательного «выкристаллизовывает» авторскую мысль о том, что уже в четырнадцать лет герой жил не реальной, не настоящей, а призрачной, «шахматной» жизнью.

Совершенно очевидно, что в силу своих лексико-грамматических свойств прилагательные со значением представления в художественной прозе выполняют характеризующую функцию: с их помощью реальные предметы, явления, события характеризуются как отнесенные в область нереального, воображаемого, часто оцениваемого как негативное. Описания данных предметов, явлений, событий в художественном контексте превращаются в художественные детали, раскрывающие идейное содержание художественных образов, посредством которых реализуется авторский замысел. Адъективные повторы усиливают эстетически значимые характеристики художественных образов, а сами прилагательные с семантикой воображения функционируют в качестве эпитетов.

Итак, в художественной прозе чаще всего (305 случаев из 341) функционирует повтор слова в одной и той же грамматической форме, потому что именно он максимально «проявляет» идейно-эстетический замысел описаний наглядно-чувственных образов воспоминания / воображения.

С морфологической точки зрения повтор данного вида представлен не только глаголами, но и существительными и прилагательными. Субstantивные и адъективные повторы в художественных произведениях выполняют следующие функции:

- 1) текстообразующую;
- 2) акцентирования внимания на наиболее значимых в идейно-смысловом отношении описаниях наглядно-чувственных картин воспоминания / воображения;
- 3) эмоционально-оценочной характеристики описываемых наглядно-чувственных образов представления; характеристики изображаемых предметов, явлений, событий действительности с точки зрения их отнесенности к области воспоминания / воображения;
- 4) изобразительно-выразительную, усилительную.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. – М.: Наука, 2001. – 280 с.
2. Бабайцева В.В. О выражении в языке взаимодействия между чувственной и абстрактной ступенями познания действительности // Бабайцева В.В. Избранное. 1955–2005: Сборник научных и научно-методических статей / Под ред. проф. К.Э. Штайн. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. – С. 141–149.
3. Голайденко Л.Н. Об особенностях функционирования лексики со значением представления (на материале художественной прозы Л.Н. Толстого) // Исследования по семантике: Теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. науч. сб. – Уфа: БГУ, 1999. – Выпуск 20. – С. 27–33.
4. Голайденко Л.Н. Представление как структурно-семантическая категория в современном русском языке: к постановке проблемы // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований: Материалы 2 международной научно-

практической конференции 25–26 марта 2012 г. – Пенза – Москва – Решт: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – С. 23–31.

5. Голайденко Л.Н. Прилагательные со значением памяти / воспоминания и их функционирование в художественной прозе // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – Челябинск, 2012. – № 8. – С. 205–215.

6. Голайденко Л.Н. Функционирование прилагательных со значением воображения в художественной прозе (на примере прилагательного *фантастический*) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – Челябинск, 2012. – № 10. – С. 229–242.

7. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1991. – 917 с.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ ФОРМИРОВАНИЯ «Я» ПИСАТЕЛЯ В ТРУДАХ Ю.М. ЛОТМАНА И С.ГРИНБЛАТТА

Е.Ф Горбунова

КузГПА

г. Новокузнецк

Данная статья представляет собой попытку сравнительного анализа постановки проблемы формирования «Я» писателя в классических работах двух известных ученых-Юрия Лотмана и Стивена Гринблатта. Материалом анализа послужили: известная книга Юрия Михайловича Лотмана «Сотворение Карамзина» и не менее известная работа Стивена Гринблатта «Формирование «Я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира». В центре исследовательского интереса в обеих работах находится личность писателя. В исследовании Лотмана это известный русский историк, поэт и писатель Николай Михайлович Карамзин, Стивен Гринблатт пишет о шести писателях, известных в истории английской литературы, - Мор, Тиндал, Уайет, Спенсер, Марлоу и Шекспир.

Позволим себе сделать некоторые выводы из анализа данных работ. Оба Лотман и Гринблатт понимают, что задача такого исследования очень трудна, ведь исследователь пытается написать, как выразился Б. Егоров, «биографию души», воссоздать процесс становления личности человека давно ушедшей эпохи, опираясь на биографические данные и тексты.

Стивен Гринблатт подчеркивает, «невозможно полностью реконструировать и заново войти в культуру шестнадцатого века, невозможно оторваться от собственной ситуации: из моей книги ясно, что и вопросы, которые я задаю моему материалу, и даже сама этого материала природа обусловлены теми вопросами, которые я задаю себе самому». [Лотман 1987]

Интересно предисловие, с которым Лотман приступает к своему исследованию. Он пишет: «Человек, «родившийся с великими способностями», решил «сотворить себя писателем.» Этому предшествовал долгий путь размышлений и поисков. Но и решение было лишь началом. Последовали годы работы. Он строил себя как храм, ломал и тесал камни, резал карнизы, возводил стены... Он часто отвергал сделанное, как тот строитель, который отбрасывал как ненужный камень, коему предназначено в будущем стать краеугольным, ибо здание культуры никогда не строится одним и никогда не бывает законченным. Но вот он умер и унес с собой большинство своих замыслов, свою личность, которая и есть тот храм, который он строил и который придавал единство и смысл его сочинениям... Но рано или поздно приходит биограф. Он тщательно собирает источники: листы книг, писем, дневников, листы воспоминаний современников. Но это не

жизнь, а лишь ее отпечатки. Их еще предстоит оживить. И биограф становится реконструктором. Он встает на трудный и опасный путь восстановления утраченного целого. Реконструкции личности по документам, всегда неполным, двусмысленным, всегда несущем в себе субъективную позицию своего создателя.»[Лотман 1987:12]

Таким образом, согласно метафоре Юрия Михайловича Лотмана, писатель сам выстраивает свою личность, является творцом самого себя.

Юрий Михайлович называет свою книгу романом-реконструкцией, цель романа - максимальное приближение к реконструируемой реальности и подлинной личности того человека, о котором пишет исследователь.

Лотман предлагает подход, который основывается на сочетании точного знания с интуицией и воображением, причем интуиция должна иметь научные тормоза, а воображение должно тщательно контролироваться.

Метод Гринблатта- метод интерпретации. Особенности своего метода он описывает так: «.Если интерпретация ограничена поведением автора, она превращается в писательскую биографию (либо традиционно исторического, либо психоаналитического толка) и рискует утратить ощущение более широких смысловых сетей, в которые включены и автор и его произведения. А если, наоборот, подходить к литературе исключительно как к выражению социальных правил и инструкций, то есть риск, что она целиком растворится в идеологической надстройке. Сам Маркс энергично возражал против функционального растворения искусства в надстройке, а последующая марксистская эстетика, несмотря на всю свою силу и изощренность, так и не сумела убедительно решить теоретические проблемы, поднятые в "Набросках" и в других сочинениях Маркса. Наконец, если счесть литературу всего лишь отрешенной рефлексией о господствующих поведенческих кодах, взглядом с безопасной дистанции, то мы радикально сузим наше представление о конкретных функциях искусства по отношению к индивидам и к институтам, поскольку в этом случае и то и другое ужимается до размеров неперемного "исторического фона", мало что добавляющего к нашему пониманию вещей. Тогда мы возвращаемся к представлению об искусстве, которое обращено к вневременной, внекультурной, универсальной человеческой сущности, или же к искусству как к обращенной на себя, автономной, закрытой системе - в обоих случаях к искусству, противопоставленному жизни общества. Тогда формирование "я" оказывается предметом лишь для социологии, а литература - лишь для литературоведения. Я же попытался заняться более культурологической или более антропологической критикой - если "антропологический" понимать в духе аналитических исследований культуры Гирца, Джеймса Буна, Мэри Дуглас, Жана Дювиньо, Пола Рабинова, Виктора Тернера и других. Литературоведение, связанное с таким методом, должно сознавать собственный интерпретативный статус и стремиться к пониманию литературы как части системы знаков, составляющих данную культуру; собственной его целью - пусть и трудно осуществимой - будет поэтика культуры. При подобном подходе неизбежно придется балансировать и соотносить каждую из упомянутых в предыдущем абзаце функциональных перспектив с другими - и примириться с отсутствием строгости: сама интенция данного подхода не позволяет осуществлять непрерывную изоляцию одного типа дискурса от другого или радикально отделять произведение искусства от сознания и биографии его автора или его читателей» понимаем, что формирование "я" интересно ровно постольку, поскольку функционирует без оглядки на четкие разграничения между литературой и жизнью. Оно непременно пересекает границы между созданием литературных персонажей и формированием собственной личности, между формирующим воздействием со стороны внешних сил и попытками формировать чужие "я". Такие границы, разумеется, можно строго соблюдать в критике, точно так же, как мы различаем между литературным стилем и стилем поведения, но за такие различия мы платим высокую цену, поскольку теряем ощущение сложного взаимодействия смыслов в данной культуре. Мы отгораживаем литературный символизм от символических структур,

действующих в других областях, как будто только искусство сотворено человеком, как будто сами люди, говоря словами Клиффорда Гирца, не являются культурными артефактами» [Greenblatt 2005]

Уже из вышеперечисленных цитат можно заметить , что некоторые подходы Лотмана и Гринблатта к изучению явлений культуры близки.

Оба ученых разделяют идеи о взаимопроникновении искусства и жизни, взаимовлиянии текста и бытового поведения, взгляды на литературу и язык как семиотические системы т.д. Формирования «я» происходит в текстах, а тексты в свою очередь, формируют другие «я».

«Карамзин обращался к аудитории, которую предстояло еще создать. И эту работу по созданию нового типа культурной личности должны были выполнить тексты Карамзина «Московский журнал» и, в особенности «Письма русского путешественника» [Лотман 1987]

Интересно и сходство терминов, так Лотман в своих работах говорит о «поэтике бытового поведения», Гринблатт широко использует термин «поэтика культуры». Сближает исследователей и идея о том, что история и современность неразрывно связаны.

Сотворение себя – процесс сложный, противоречивый, происходящий на протяжении всей жизни человека. Формирование «я», по мнению и Лотмана и Гринблатта, осуществляется по отношению к «другому», внешнему, находящемуся вне границ «Я». «Я» и «другой» — две стороны единого акта самосознания и невозможны друг без друга.

Как считает Лотман, личность Карамзина была воплощением независимости, честности, уважения к себе и терпимости к другому. Писателю был чужд дух авторитета, подчинения авторитету. Для Карамзина художественное усовершенствование писателя и этическое самосовершенствование личности неразрывны.

Лотман отмечает, что Карамзин завещал русской культуре не только свои произведения, но и свой человеческий облик. « Карамзин творил Карамзина. Творил всю свою писательскую жизнь. Создавая произведения и создавая читателю образ их автора, он одновременно создавал читателя. Он создавал тип нового русского культурного человека». [Лотман 1987 :29]

Определяющей чертой личности Карамзина является цельность. «Карамзин, пишет Лотман» вошел в русскую культуру как писатель и человек, не подверженный обстоятельствам и стоящий выше них.» [Лотман 1987:29]

В работе Гринблатта «Формирование «Я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира» в центре внимания находится проблема авторитета и власти, формирование идентичности мыслиться посредством подчинения.

Гринблатт выделяет общие особенности формирования «я» анализируемых писателей :

1. Никто из фигур не наследует титул, древнюю семейную традицию или иерархический статус, которое могли бы укоренить персональную идентичность в идентичности клана или касты. За вычетом Уайета, все писатели принадлежат среднему классу.

2. Для таких фигур самоформирование подразумевает подчинение абсолютной власти или авторитету, внешнему - хотя бы отчасти - по отношению к "я", - Богу, священному тексту, институту - такому как церковь, двор, колониальная или военная администрация. Марло - исключение, но в его ненависти к иерархической власти есть, как мы увидим, нечто от подчинения.

3. Формирование "я" достигается по отношению к чему-то, что воспринимается как чуждое, странное или враждебное. Нужно найти или изобрести опасного Другого: еретика, дикаря, ведьму, прелюбодейку, предателя, Антихриста, - чтобы напасть на него и уничтожить.

4. Авторитет видит в Чужом либо бесформенное и хаотичное (отсутствие порядка), либо ложное и негативное (демоническая пародия на порядок). Поскольку описания хаотичного неизбежно вносят в него какую-то организацию и тематизм, то хаотическое все время соскальзывает в демоническое и поэтому Чужой всегда конструируется как искаженный образ власти.

5. Авторитет одного человека - это Чужой другого.

6. Когда один Авторитет или Чужой оказывается уничтожен, его место занимает другой.

7. Во всякий данный момент имеется больше одного Авторитета и больше одного Чужого.

8. Хотя и Авторитет, и Чужой размещены вне "я", они переживаются как внутренняя необходимость, так что и покорность и сопротивление всегда уже интериоризованы.

9. Формирование "я" происходит всегда в языке, хотя и не только в нем.

10. Силы, развязанные ради атаки на Чужого во имя Авторитета, производятся в избытке и грозят тому самому Авторитету, который должны были защитить. Поэтому формирование "я" всегда включает какой-то опыт угрозы, какое-то забвение или подрыв, какую-то утрату "я". [Гринблатт 2005]

По мнению Стивена Гринблатта, формирование "я" происходит в момент встречи между Авторитетом и Чужим и что результат этой встречи причастен и Авторитету и служащему мишенью Чужому, а поэтому всякая итоговая идентичность всегда содержит признаки собственного подрыва или утраты. По нашему мнению, взгляд Лотмана на человеческую автономность в формировании личности Карамзина более оптимистичен. Стивен Гринблатт более пессимистично смотрит на человеческую самостоятельность в формировании «я». В своем новом предисловии к рассматриваемой книге, написанном в 1995 году, он пишет о том, что все, что представляется людям свободой выбора, на самом деле обусловлено влиянием институтов. Мечта о человеческой автономности так и остается мечтой.

Гринблатт рассматривает формирование "я" – как вариант механизмов контроля, культурной системы значений, которая создает конкретных индивидов, управляя переходом от абстрактной возможности к конкретному историческому воплощению. В этом можно усмотреть влияние М.Фуко, пришедшего к выводу о том, что человеческая идентичность формируется под влиянием контролирующих и репрессивных практик различных институтов. Данная статья не претендует на исчерпывающее исследование проблемы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гринблатт С. «Формирование «Я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира» www:magazine.russ.ru/nlo/1999/35/grinblat.html

2. Лотман Ю.М. СЕМИОСФЕРА, Культура и взрыв, Внутри мыслящих миров: Статьи. исследования. Заметки (1968—1992) — С.-Петербург: «Искусство—СПБ», 2000. — 704 с.

3. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина: роман- реконструкция. М, 1987.

4. Grenblatt Stehen. Renaissance Self-Fashioning: from More to Shakespeare.- The University of Chicago Press, 2005

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИЙ ПОВТОРОВ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

О.Н. Горошко, Е.В. Малышкина

Северо-Кавказский Федеральный Университет (филиал)

Тема повтора в поэтической речи для лингвистики не является новой, поскольку эта тематика привлекала и привлекает внимание таких ведущих российских и зарубежных ученых как Г. Гаврилова, Е. Диброва, Л. Лисоченко, Н. Николина, И. Арнольд и др. [2] Исследования сравнительно-сопоставительного анализа повторов в различных языках объясняют не только научную значимость рассматриваемого явления для лингвистики текста, но и дают возможность проанализировать художественное творчество и его составляющих, в данном случае повторов. Работы таких ученых как Н. Соколова, Б. Бескровная, О. Северская и др., [6] содержат материалы, связанные с теоретическими проблемами поэтического текста. Несомненную пользу в исследованиях поэтической деятельности принесли издания, вышедшие под редакцией Н. Лебедевой, Ю. Левина. [3] Исследования таких авторов как И. Тологин, Т. Рябоконь и др., [7] освещают вопросы классификации и видов повторности. Среди трудов, в которых рассматривается место повтора в поэтических произведениях, выделяют Т. Цеберганову и Н. Устину. [9]

Анализ особенности повторов, встречающихся в поэтических текстах, вызывает интерес в свете осуществления новых теоретических подходов к научному осмыслению проблемы особенности функций повторов в поэтической речи.

Чтобы обосновать значимость повтора как средства усиления, актуализации, гармонизации английского поэтического текста, важно рассмотреть стихотворную форму как одно из основных условий красоты, совершенства звучащей речи. Придавая словесному материалу стройность, прочность и завершенность, стихи в большей степени, чем проза, обладают свойством компрессии, концентрации информации по средством повторов при сравнительно малом объеме. Стих - это предметная реальность поэзии, очевидное осуществление таланта и воли поэта. Действительное освоение поэзии невозможно без острого и глубокого восприятия этой стихотворной реальности.

Посредством стиха поэзия способна воссоздавать поэтический голос и интонацию автора. Стихотворная форма каждого нового и оригинального поэта может быть воспринята в том случае, если его основная интонация проникает в сознание читателя и овладевает им. Эта интонация повторяется и чем глубже укореняется поэт в сознании читателя, тем в большей степени поклонники и противники привыкают к звучанию его стиха. Они составляют существенную неотъемлемую часть его поэзии. [1]

Основным замыслом поэта является идея поэтического произведения – это то главное, что хочет сказать поэт своим произведением, ради чего он его пишет. В иных случаях идея выражается прямо, непосредственно, открыто. Но, чаще всего (и в этом заключается одна из особенностей употребления повторов в художественном творчестве) она является не прямым, а косвенным высказыванием поэта. [6] Этот замысел, независимо от воли поэта, естественно и логично вытекает из того жизненного материала, с которым в своем произведении имеет дело поэт. Чем значительнее идея (в общественном смысле), чем ярче и убедительнее (в художественном отношении) она воплощена в поэтическом замысле, тем лучше стихотворение.

При создании стиха поэт пользуется системой языка, так как иначе его произведение не будет языковым. [6]

Структура же поэтического текста целиком зависит от замысла художника, и определенное использование всегда рассчитано на определенное восприятие, то есть читательская перспектива входит в замысел автора.

Поэтический образ создается в поэзии не для самого образа. Он выполняет служебную функцию: в нем заключена мысль. Раскрытие образа производится путем анализа слов, их контекстуальных и эмоциональных значений. Иногда образ, созданный поэтом, расшифровывается с трудом, остается неясным, туманным, расплывчатым и вызывает лишь приблизительные ассоциации, а не конкретное представление о сделанном сообщении.

Но не только средствами самих значений слов создается образ в стиле художественной речи. Для этого существует повтор, который в сочетании с другими средствами синтаксической организации предложения способствует созданию нужного образа.

Для изучения поэтической речи, существенным представляется выделение ключевых слов, которые непосредственно связаны с реализацией основной темы в творчестве того или иного поэта и выражают его мировоззренческую позицию. Для адекватного определения значения слова необходим учет не только минимального, но и развернутого, и максимального контекстов.

Чтобы раскрыть содержание и толкование текста необходимо рассмотреть семантическую структуру, под которой понимают лексико-семантические варианты, тематическую принадлежность, коннотации и ассоциации слов; обращая особое внимание на повторяющиеся значения и редкие слова.

В основе стилистических приемов словоупотребления и принципов организации текста лежит повтор. Повтором, или репризой, считают фигуру речи, которая состоит в повторении звуков, слов, морфем, синонимов или семантических конструкций в условиях достаточной тесноты ряда, то есть достаточно близко друг от друга, чтобы их можно было заметить. Повторы могут группироваться вокруг одного предмета или сближать разные предметы и планы изображения, усиливая точки соприкосновения между разными персонажами, персонажем и окружающим его миром и т. д. Повтор как унифицированная структура межпредложенческих отношений определяет содержание основных единиц коммуникативного уровня, а именно данного (известная информация) и нового (неизвестная информация). Считая повторы важным средством связи между предложениями, нужно отметить, что они передают значительную дополнительную информацию эмоциональности, экспрессивности и стилизации, и поэтому, необходимо рассмотреть несколько видов повторности:

-лексический - повтор слов, словосочетаний или предложений в составе одного высказывания и более крупных единицах коммуникации, охватывающих ряд высказываний, совпадающих по всем, нескольким или одному компонентам значения (дословный, синонимический, тематический повторы). -синтаксический (например: однородные члены предложения, повтор структурных типов предложений, частичный или полный параллелизм предложений). Этот вид повтора позволяет запомнить не одно слово, а сразу структуру предложения.

-морфологический (например: повторы одной части речи, видо-временных форм глагола, одной словообразовательной модели и т. д.).

-фонетический (например: аллитерация). Такой вид повтора позволяет на основе родного языка догадаться о значении иностранного слова.

-композиционный – повтор текстовых единиц, организующих определенные композиционно-речевые формы. [4] Так, например, наличие в отдельных фрагментах текста имен, относящихся к одному тематическому ряду и часто образующих синтаксический параллелизм, свидетельствует о композиционно-речевой форме «описание». Активность же глаголов движения характерна для композиционно-речевой формы «повествование».

Нужно отметить, что виды повторности зависят от особенностей самого текста (литературного течения, жанра, слога автора). Повторы в стилистике обычно классифицируются по композиционному принципу, то есть месту повторяющейся единицы в составе предложения или образа. [8]

Своеобразным видом повтора является повтор синонимический. Сущность его заключается в том, что для выражения одной и той же мысли используются синонимичные средства. [7] Не обязательно употребление объективных синонимов. Понятия могут быть сближены всем ходом образного сопоставления явлений или логическим анализом. В таком случае в словах, выражающих эти понятия, появляются

контекстуальные значения, которые могут оказаться синонимичными. Выражая одну и ту же мысль, эти повторы дают возможность сделать то или иное добавление, так или иначе расширить, детализировать основное содержание высказывания. Среди разнообразных форм повторов, используемых в стиле художественной речи и почти не используемых в других стилях, встречается иногда и повтор, основанный на многозначности слова. Он близок по своему содержанию к каламбуру, так как в его основе лежит сопоставление основного и производного значения слова. В некоторых случаях глагол, например, выступающий в разных значениях, опускается, получается своего рода нулевой повтор. Основная функция такого повтора – функция каламбура.[8] Эффект, достигаемый этим повтором, обычно юмористический. Повтор одного слова в разных значениях нередко способствует более четкой детализации основного значения повторяемого слова. В других повторах оно начинает играть разными оттенками значения без особых намерений автора. В повторе, основанном на многозначности, поэт умышленно использует эту особенность слова.

Обратим внимание на многообразие функций повтора как стилистического приема, с целью выявления дополнительных оттенков эмоциональности. Наиболее часто встречаемая – функция усиления, которая очень проста в композиционном отношении: повторяющиеся слова стоят рядом друг с другом.

В этой функции повтор наиболее близко подходит к норме живой возбужденной речи. Иногда повтор приобретает функцию модальности и используется для передачи монотонности и однообразия действия, вызывает смутное душевное волнение. Эта функция реализуется главным образом ритмом.

Другая функция – нарастания. Повествование слов способствует большей силе высказывания, большей напряженности повествования, требуя интонационного усиления.

В ряде случаев повтор служит для выражения многократности или длительности действия, где особенно часто повторяются наречия, разделенные союзом «и»; пояснительные слова и словосочетания.

Иногда повтор приобретает функцию смягчения резкости перехода от одного плана высказывания к другому.

Бывают случаи, когда повтор выступает в функции, которая противоречит самому назначению повтора, как средству выделения отдельных частей высказывания. Повторяющиеся единицы служат лишь фоном, на котором резко выделяются другие, неповторяющиеся единицы высказывания.

Нужно отметить функцию, которая сопровождает в большинстве случаев другие – это ритмическая функция, где повторение одних и тех же единиц способствует более четкой ритмической организации предложения.

Повтор также может выполнять и несколько функций одновременно, подчеркивая и закрепляя взаимосвязь отдельных образов, сливая их в единую картину. Различного рода повторы могут служить важным средством связи внутри текста, выполняя функцию связности (когерентности). Наиболее употребим в связующей функции повтор предлога «с».

Анализ причин, вызывающих повторение предлога в однородном ряду показал, что они аналогичны причинам, вызывающим употребление союза между однородными членами. Чем длиннее ряд, тем большая потребность в повторении предлогов. Кроме предлогов, функции связи однородных членов могут выполнять при повторении указательные местоимения, вопросительное слово в однородном ряду с членами, представленными придаточными предложениями.

Введение повтора в ряды однородных членов позволяет сделать экспрессивной модель с комбинированным употреблением союзной и бессоюзной связи. Выполнение повтором связующей функции объясняется тем, что при повторе в группе каждого однородного члена появляется общий для всего ряда компонент, который способствует их более тесному объединению в ряду.

Количество повторов в стихотворении может варьироваться. В некоторых стихах каждая строка содержит хотя бы один повтор, связывающий эту строку с одной или несколькими другими.

Часто легко обнаружить одну «опорную» строфу, в которую входят повторы почти из всех рядов. Как правило, опорной является первая или вторая строфа.

Одна или две строфы с повторами могут быть выделены по противоположному признаку – отсутствию в них повторов. Из выше изложенного следует, что повтор усиливает выразительность высказывания, передавая значительную дополнительную информацию эмоциональности, экспрессивности и стилизации, распределяя текст на сегменты данного и нового. Он является унифицированной структурой межпредложенческих отношений и определяет содержание основных единиц коммуникативного уровня.

Многообразие функций повтора сильно выражено в поэзии в таких формах как: усиление, модальность, нарастание, многократность действия, смягчение, связанность, ритмичность, поскольку стихосложение основано на повторности конструктивных элементов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баданова И. Полифункциональность семантического поля в художественном тексте. В кн.: Теоретические и прикладные аспекты лингвистического анализа. -М.; 1998, с. 3-20

2. Гаврилова Г. Проблемы понимания и условия истинности поэтического высказывания. //Текст, контекст, подтекст. –М.; 1996; Диброва Е. Теория текста и традиционные проблемы поэтики. //Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8, -М.; 1998; Лисоченко Л. Очерки по стилистике. –М.; 1997; Николина Н. Изоморфизм разноуровневых повторов в художественном тексте. Санкт-Петербург; 2002; Арнольд И. Стилистика современного английского языка. –М; 1990

3. Лебедева Н. Об эстетической функции и лингвистических основах поэтической речи. –М; 1993, с. 56-58; Левин Ю. Заметки о лирике. //Новое литературное обозрение. 1994, №8, с. 69

4. Лузина Л. К лингвистическому обоснованию стилистического приема в поэтической речи. //Лексическая и синтаксическая семантика. – Барнаул; 1995, с. 95-104

5. Попова Н. Организация и функционирование структуры поэтического высказывания. // Организация речевого произведения и ее составляющих. – Челябинск; 2001, с. 80-88

6. Соколова Н. О специфике поэтического текста. В сб.: Коммуникативная и поэтическая функции художественного текста. – Воронеж; 2002, с. 8-14; Бескровная И. Поэтический текст как модель. //Филологические науки. 1998, №5, 6, с. 87-96; Северская О. О функциональной перспективе поэтического текста. //Проблемы деривации: семантика, поэтика. – Пермь; ПГУ, 1992, с. 74-81

7. Тологин И. Повтор как неграмматическое средство организации речевой структуры поэтического стиля. –М; 1997; Рябоконт Т. Когерентная и компрессивная функции повтора в тексте.-Пятигорск; ПГПИИЯ, 1991, с. 84-86

8. Устина Н. К функционально-смысловой специфике субстантивных повторов в тексте. //Синтаксис предложения и текста. –Пятигорск; 1999

9. Цеберганова Т. Повтор как средство когезии в ряду однородных членов. //Экспрессивный синтаксис и анализ художественного текста. – Смоленск; 1991, с. 15-19; Устина Н. Структура текста в функциональной перспективе повторов. //Проблемы гуманитарного образования: содержание и методы. Пятигорск; Вып. 3, 1996, с.138-140

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМА ЭКВИВАЛЕНЦИИ
ПРИ ВОСПРОИЗВЕДЕНИИ РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ НОВЕЛЛ В.СТЕФАНИКА
«КАМІННИЙ ХРЕСТ» И «КЛЕНОВІ ЛИСТКИ»
В ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК В.РОССЕЛЬСА**

С.И. Григорук

Львовский национальный университет имени Ивана Франко
г. Львов, Украина

Перевод произведений В.Стефаника, одного из лучших украинских новеллистов конца XIX – начала XX столетия, требует от переводчика немалых усилий. Трудность воссоздания диалогов и монологов персонажей новелл писателя вызвана не только различиями традиций украинского и русского речевого употребления, но и тем, что В.Стефаник использует многочисленные диалектные и простонародные элементы на разных языковых уровнях.

Переводчику В.Россельсу удалось достичь адекватной передачи прагматического воздействия произведений украинского автора на русского читателя, воспроизводя при этом ключевые стилистические характеристики оригинальных текстов. Добиться этого позволило, в частности, применение трансформационного приема эквиваленции.

Термин «эквиваленция», введенный в переводоведение канадскими лингвистами Ж.-П.Вине и Ж.Дарбельне, получил обоснование в работах российского теоретика перевода Н.К.Гарбовского. Под эквиваленцией ученый понимает «способ перевода, описывающий ту же ситуацию, но совершенно иными языковыми средствами», закрепленными «за определенной предметной ситуацией в языке перевода» [Гарбовский 2004: 382-383]. Эквиваленция предполагает изменение структурного, стилистического или семантического компонентов единиц текста оригинала, подлежащих переводу [см.: Гарбовский 2004:405].

В.Россельс прибегает к приему эквиваленции с целью создания переводных текстов, язык которых русский читатель будет воспринимать органично, естественно. Задача переводчика, по В.Россельсу, состоит в том, чтобы писатель вошел «в новую литературу как *свой* и все на другом языке» могли «воспринять его во всей смысловой и художественной полноте» [Россельс 1972:15]. При ознакомлении с текстом оригинала переводчику, по мнению В.Россельса, предстоит «постичь главное – замысел, ведущую идею, весь тот комплекс мыслей и чувств, рожденных жизненным опытом, который в конечном счете и надлежит воссоздать на своем языке» [Россельс 1972:15]. Переводчик должен именно «воссоздавать, вновь выражать» текст подлинника [Россельс 1972:15].

Обращаясь к приему эквиваленции, В.Россельс описывает определенную ситуацию общения теми средствами, которые традиционно закреплены за ней в русском языке и культуре, отходя от конкретной семантики и структуры языковых единиц оригинальных текстов. При этом переводчик стремится верно передать их стилистическую и временную маркированность. Своеобразие использования В.Россельсом приема эквиваленции при воспроизведении речи персонажей произведений В.Стефаника проследим на примере переводов текстов новелл «Камінний хрест» и «Кленові листки», изображающих драматические эпизоды из жизни прикарпатских крестьян конца XIX – начала XX века.

Применяя прием эквиваленции, В.Россельс воспроизводит, в частности, этикетные формулы, встречающиеся в речи героев новелл В.Стефаника. Переводчик передает их при помощи устойчивых языковых средств, характерных для русского речевого этикета, например:

средства выражения благодарности: декую вам за це слово [Стефаник 1977:45] – спасибо на добром слове [Стефаник 1983:35]; та декую вам красно [Стефаник 1977:44] – спасибо вам душевное [Стефаник 1983:34]; декую вам файно [Стефаник 1977:42] – спасибо вам большое [Стефаник 1983:34];

формулы приглашения к столу: *а проше, газди, а озміть же без царамонії* [Стефаник 1977:45] – *да ну же, соседи, угощайтесь без церемонии* [Стефаник 1983:35]; *будьте ласкаві, мої куми, та пережуйте ще по одні* [Стефаник 1977:97] – *милости прошу, кумы и кумовья, выпейте еще по одной* [Стефаник 1983:79];

средства выражения просьбы: *прошу я вас за це дуже грішно* [Стефаник 1977:47] – *прошу я вас покорно* [Стефаник 1983:37]; *лиш зробіть дідові єго волю* [Стефаник 1977:47] – *только уважьте старика* [Стефаник 1983:37].

Прием эквиваленции переводчик использует также при воссоздании семантики и прагматических функций лексем, употребляемых в функции обращения. Так, персонажи новелл В.Стефаника в обращениях часто используют уважительную диалектную форму *газда* (русское словарное соответствие *хозяин* [Українсько-російський словник 2004:154]). В.Россельс воспроизводит данную языковую единицу при помощи типичных для русских обращений к гостям, односельчанам: *куда цему, газди, йти з печі?* [Стефаник 1977:46] – *куда ей, мужики, с печи слезать?* [Стефаник 1977:36]; *газди, а проше, а доцегніть же* [Стефаник 1977:44] – *да вы угощайтесь, соседи* [Стефаник 1983:34]; *вже-м вам, панове газди, все сказав* [Стефаник 1977:48] – *ну, я вам, дорогие гости, все сказал* [Стефаник 1983:37].

При выборе языковых единиц, описывающих ту или иную предметную ситуацию, В.Россельс отдает предпочтение средствам с той же стилистической окраской, что и в оригинальных текстах. Так, элементы покутского говора, употребляемые в текстах новелл В.Стефаника [см.: Матвіяс 2010], переводчик компенсирует преимущественно разговорной или просторечной лексикой и фразеологией, а также грамматическими формами, характерными для разговорного узуса. Это наиболее распространенный способ воспроизведения диалектизмов в русских переводах. Так, формы, принятые в русской разговорной речи и просторечии, В.Россельс часто использует при воссоздании семантики и прагматических функций языковых единиц, передающих эмоциональное состояние персонажей новелл В.Стефаника: *потім мене такий туск напав* [Стефаник 1977:47] – *а потом такая меня тоска взяла* [Стефаник 1983: 37]; *за цим краєм не варт собі туск до серця брати!* [Стефаник 1977:45] – *а об этом крае не стоит убиваться* [Стефаник 1983:35]. Для выражения эмоций переводчик употребляет также лексемы, функционирующие в русской народно-поэтической речи: *а ви собі туск до голови не припускайте* [Стефаник 1977:45] – *а вы не кручиньтесь* [Стефаник 1983: 35].

В.Россельс активно вводит в речь персонажей новелл В.Стефаника «Камінний хрест» и «Кленові листки» характерные для русской разговорной речи и просторечия частицы, междометия, закрепленные за определенными ситуациями общения, стремясь передать экспрессию оригинальных текстов и сохранить естественность изложения: *аді, саранча, лиш хліба, та й хліба, та й хліба!* [Стефаник 1977:98] – *ишь, саранча, – все хлеба, да хлеба, да хлеба!* [Стефаник 1983:83]; *я вам утворю і вікна, і двері, гай!..* [Стефаник 1977: 98] – *я вам и окна, и двери растворю, айда!..* [Стефаник 1983:80]; *так си кочують по землі, так стогнуть, що аж!* [Стефаник 1977:102] – *так по полу катається, так стонет, что – ой!* [Стефаник 1983:83]; *а на горі такий вітрець дунув на мене, але такий легонький, що аж!* [Стефаник 1977:41] – *а там ветерком обдуло, да таким легоньким, что – эх!* [Стефаник 1983:33].

В ряде контекстов, осуществляя переводческие трансформации, В.Россельс отсылает читателя к хорошо известным русскоговорящим фразеологизмам с разговорной стилистической окраской, например: *та чому не летите з мої голови?* [Стефаник 1977:98] (слова главного героя новеллы адресованы детям, которых он не в силах прокормить) – *что же вы не летите с моей шеи?* [Стефаник 1983:80] (отсылка к фразеологизму *на шею висеть* (или *сидеть*) у кого-н. в значении «обременять собой, заботами о себе» [Ожегов 1975: 822]); *так, люди, ви самі знаєте, яке наше життє... Як не знати, коли самі у нім бродимо* [Стефаник 1977:99] – *вот какое у нас, милые, жизть, сами знаете... Знаем, кум, как не знать – знаем, сами мыкаемся...* [Стефаник 1983:80]

(отсылка к фразеологизму *мыкаться по свету* в значении «скитаться, подвергаться невзгодам» [Ожегов 1975:336]).

Таким образом, используя прием эквиваленции при воспроизведении речи персонажей новелл В.Стефаника «Камінний хрест» и «Кленові листки», В.Россельс находит переводные соответствия, функционально и стилистически равноценные языковым единицам оригинальных текстов, не искажая при этом принятых в переводящем языке средств описания той или иной ситуации общения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
2. Матвіяс І. Роль покутського говору в мові творів Василя Стефаника //Культура слова. – К., 2010. - № 72. – С.72-80.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. –11-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1975. – 846 с.
4. Россельс В.М. Эстафета слова (Искусство художественного перевода). – М.: Знание, 1972. – 32 с.
5. Стефаник В. Новели. – Ужгород: Карпати, 1977. – 176 с.
6. Стефаник В. Новеллы /Пер. Вл.Россельса. – М.: Наука, 1983. – 288 с.
7. Українсько-російський словник / Уклад.: Г.П.Їжакевич та інші. – К.: Наук. думка, 2004. – 1008 с.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИЯ ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПОВ О РОССИИ И РУССКИХ И ОБ АМЕРИКАНЦАХ И АМЕРИКЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЕКТОВ

А.З.Журтова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова
г. Нальчик

По данным опросов, проведенных организацией *World Public Opinion (WPO)* среди жителей США в 2006 году, 53% ответивших считают, что роль Символы России для американцев связаны либо с идеологией (*серп и молот, коммунизм, СССР*), либо с военными действиями и развитием космоса (*танки, военный, спутник*), с традиционными полуфольклорными атрибутами (*снег, холод, водка, шапка-ушанка, медведи*).

В качестве ядерных реакций, приведенных во время ассоциативного эксперимента, выделены: *Советский* или *СССР* (27), *холодный* (26), *коммунизм/коммунист* (25), *Сталин* (17), *большая*, *огромная* (14), *Москва* (12)[americansworld.org/digest/regional_issues/russia/russial.cfm].

При оценке роли России в будущем граждане Америки отмечают ее достаточное влияние. Однако роль России в мире и стратегия ведения ею международных дел по результатам последнего опроса, проведенного организацией *World Public Opinion*, оценивается респондентами преимущественно негативно (58%). Российская экономическая система также получила низкую оценку рядовых американцев (72%).

Интересно, что по результатам того же опроса, проведенного *WPO* ранее, в апреле 2006 года, американцы, дав своей стране более высокую оценку, не сочли ее идеалом: уровень демократии в США был оценен в 7.4 балла.

Опрос исследовательской компании *The Pew Research Center* показал, что, по мнению американцев, нарастающий авторитаризм России угрозу не представляет или лишь незначительную угрозу (45%).

Опросы, проведенные *Институтом общественного мнения Джорджа Гэллана*, позволили выяснить, что в период 1994-1999 годов большее число американцев перестало рассматривать Россию как источник угрозы. В 1994 году большинство опрошенных (54%) заявляло, что Россия не представляет угрозы, а 42% – что представляет значительную военную угрозу. В 1999 года 48% информантов ответили, что Россия представляет значительную военную угрозу, тогда как 52% придерживались противоположного мнения.

Во время одного из последних опросов, проведенного *Институтом Джорджа Гэллана* в феврале 2001 года, по вопросу отношения американцев к России, респондентам предлагалось выразить «общее мнение о России». Незначительное большинство (52%) опрошенных ответило, что у них сложилось *очень* (6%) или *в основном* (46%) *благоприятное* мнение о России, тогда как 42% опрошенных высказали *очень* (15%) или *в основном* (27%) *неблагоприятное* мнение.

Большинство американцев в действительности не считает Россию ни союзником, ни врагом, но при необходимости выбора, чаще склоняется к негативной оценке *образа врага*.

Как в настоящее время, так и на протяжении последнего десятилетия подавляющее большинство респондентов рассматривает Россию как *зону жизненно важных интересов* США. Последний опрос респондентов (2011 год) подтвердил эти данные: «*исключительно важные*» (69%), «*достаточно важные*» (43%) для национальные интересы США, «*совершенно не важные*» (26%).

При этом необходимо отметить, что американцы по-разному относятся к России как общей идее и к России как игроку на мировой арене. В большей массе американцы относятся к России *благожелательно* (58%) [Views of Russia and the US-Russia Relationship – www.].

Американский исследователь Юрий Мамчур, старший научный сотрудник *Института Дискавери (Discovery Institute)*, Сиэтл, отметил, что в США исследования по глубокой аналитике политических процессов в России осуществляются на базе многочисленных проектов.

Общественная некоммерческая исследовательская организация *Института Дискавери* разослала 50 тысячам американских СМИ, а также органам исполнительной и законодательной власти отчет, опровергающий 10 основных стереотипов о России. В отчете отмечалось, что Россия – это *многомерная, динамичная система, в которой происходит много положительного и отрицательного*. Однако американское общество *не готово* отбросить свои опасения, связанные с Россией, и поменять сложившиеся стереотипы, тем не менее американцы согласны с тем, что с Россией *необходимо поддерживать отношения* [Как выглядит Россия глазами американцев - newsru.com].

Телефонный опрос населения, проведенный по случайной выборке на всей территории США, респондентов от 16 лет и старше, ставил целью сбор и анализ информации об уровне осведомленности и мнениях и представлениях широкой американской общественности о России как о стране и о россиянах.

Говоря о России, американцы чаще всего упоминали *коммунизм, холодную войну и холодную погоду*.

Перечисляя известных россиян, респонденты наиболее часто упоминали *Михаила Горбачева* и *Иосифа Сталина*. Большинство американцев *не могли* сказать, кто в настоящее время является *Президентом* России. Однако, при упоминании фамилии *Путина*, основная часть респондентов вспоминала, что он является президентом России.

В качестве наиболее предпочтительных мест для посещения в России рассматриваются *Москва* и *Санкт-Петербург*.

Подавляющее большинство опрошенных (89%) считают США лидером культурного процесса; две трети полагают, что Россия также является лидером в этой области.

Почти все американцы старше 16 лет поставили США во главе спортивного рейтинга, также признав достижения России и Германии.

Как в настоящее время, так и на протяжении последнего десятилетия подавляющее большинство респондентов рассматривает Россию как зону жизненно важных интересов США. [Опрос населения США. Мнение американцев о России – www.].

В исследовании Роуз Гетгемюллер «Россия глазами американцев» автор пытается понять причины современного негативного отношения американцев к России и наметить возможные пути их преодоления. О возможности изменения имиджа России в глазах США она пишет следующее: «В Америке станут лучше относиться к России, если американцы увидят, что кое в чем жизнь русских напоминает их собственный опыт». При этом Р. Гетгемюллер предлагает обратить внимание на те положительные стороны российской жизни, которые остаются сейчас сокрыты от внешних наблюдателей за одномерным обликом России, создаваемым Кремлем [Гетгемюллер. 2007. -www.]

Одной из попыток, преломить эту тенденцию является начало нескольких медийных проектов, направленных на улучшение имиджа страны - работать круглосуточного англоязычного новостного канала *Russia Today*, а также появление в крупных американских газетах рекламных вкладок. Однако, по мнению аналитиков, эта кампания значительные результаты еще не принесла, так как негативные представления американцев о роли России и ее влиянии в мире только усугубляются [www.americans-world.org/digest/regional_issues/russia/russial.cfm].

В США по заказу Российского информационного агентства «Новости» были проведены два опроса общественного мнения – в Российской Федерации и в Соединенных штатах Америки. В России опрос проводился специалистами фонда «Общественное мнение», в США – социологической службой *Clark, Martire, Bartolomeo & Shulman* (2012) [База данных ФОМ - www.; Бавин - www.].

По данным опроса, самыми известными американцами в России и русскими в Америке являются политические деятели настоящего и прошлого: М. Горбачев – 24%; И. Сталин - 21%; Н. Хрущев - 14%; В. Ленин - 12%.

Фамилию *Путин* смогли вспомнить только 35%, американцев 76% жителей Америки в возрасте от 16 до 24 лет вообще не имеют представления о том, кто является президентом России. Американские респонденты поместили *В. Путина* в середину списка самых известных россиян (10%).

Уровень вовлеченности россиян в актуальную политику оказался значительно выше: 84% опрошенных российских респондентов правильно назвали фамилию действующего президента – *Барак Обама*.

Американцы чаще, чем россияне, упоминали представителей мира литературы и искусства: 9% опрошенных упомянули фамилию *М. Барышникова* (4%)назвали среди самых известных россиян *Л. Толстого* (3%) *А. Солженицына*(3%) и *П. Чайковского*(3%).

Россиянам лучше известны представители американского шоу-бизнеса: *А. Шварценеггер* (6%), *Мадонна* (3%) и *М. Джексон* (2%).

Уровень заинтересованности в посещении другой страны у респондентов России и США примерно одинаков: 40% россиян хотели бы посетить США и 44% американцев заинтересованы в посещении России.

И в России, и в США в большей степени проявляет интерес к личному знакомству с другой страной молодежь.

И для американцев, и для россиян основными центрами притяжения в другой стране являются самые крупные города, однако предпочтения американцев выглядят более выраженными: более половины (55%) американцев из тех, кто хотел бы посетить Россию, назвали *Москву*, 32% – *Санкт-Петербург*.

Россияне отдали предпочтение *Нью-Йорку* (11% по выборке, 28% среди тех, кто хотел бы поехать в США) и *Вашингтону* (5% и 13% соответственно).

Американцы, считая себя мировым лидером во всех областях, самой культурной и образованной нацией, до сих пор большей частью ассоциируют Россию с *коммунизмом, водкой и холодами*: каждый шестой американец (17%) ассоциирует Россию с ее коммунистическим прошлым, для 12% доминирующей ассоциацией остается эпоха *холодной войны*. Современное экономическое положение России упомянули лишь 3% опрошенных.

Их в меньшей степени интересуют актуальные новости из России – образ нашей страны в американском сознании во многом *опирается на события исторического прошлого*.

Структура образа другой страны у россиян значительно отличаются. Для российских респондентов США – это прежде всего страна с высокоразвитой экономикой (23%) и активный игрок на международной арене (15%).

Символом российско-американского сотрудничества признается *научно-космическая* сфера. Контакты в этой области назвали успешными 54% россиян и 39% американцев.

Характерен диссонанс в оценке сотрудничества двух стран в области борьбы с *международным терроризмом*: значительная доля россиян (41%) признает сотрудничество в этой области успешным, среди американцев подобную точку зрения разделяют только 11% опрошенных. Более успешными американцы считают связи России и США в *культурной* сфере (13%), а россияне - в *торгово-экономической* сфере (12%), то есть в тех областях, где партнер имеет статус значимого в мировом отношении субъекта.

Таким образом, можно заключить, что образ Америки в массовом сознании россиян, формируемый в условиях противостояния двух стран на международной арене, с одной стороны, *более актуализирован и привязан к современным событиям, с другой - более критичен, и пессимистичен* в оценке российско-американских отношений.

Доля наших сограждан, не имеющих более или менее устойчивого образа Америки, заметно ниже, чем доля американцев, не имеющих выраженного представления о России. Американцы чаще, чем россияне затрудняются ответить, какие ассоциации у них связаны с Россией, или же признаются, что у них отсутствуют какие-либо ассоциации - 34% (россияне – 26%). Однако, если среди россиян доли затруднившихся в разных возрастных группах практически идентичны, то среди участников опроса в США молодежь от 16 до 24 лет значительно чаще респондентов старших возрастных групп не имеет устойчивых ассоциаций, связанных с Россией.

Структура образа американца в сознании россиян в целом совпадает со структурой образа россиянина в представлении американцев: респонденты чаще всего характеризуют жителя другой страны как *«обычного человека, такого, как все»*. Наиболее частотны ассоциации, связанные с представлениями о том, *как американец/русский зарабатывает на жизнь*. Россияне характеризуют американцев как *«предприимчивых»* и *«богатых, обеспеченных»*, а американцы россиян – как *«трудолюбивых»* и *«бедных»*.

Набор конкретных личностных качеств, приписываемый представителям двух стран отличающих представителей другой страны, несколько различаются.

Интересны данные опроса относительно доминантных признаков косвенного гетеростереотипа: по мнению каждого десятого опрошенного в России, американцы представляют *типичного россиянина как горького пьяницу*. Данные американского опроса свидетельствуют, что такой образ преобладает лишь у 4% респондентов.

По данным опроса, американцы полагают, что *глупость* не ассоциируется с русским человеком. Напротив, по мнению 4% опрошенных американцев, имеющих различный уровень образования, типичный россиянин *хорошо образован*. Характерно, что 8% россиян полагают, что американцы считают их *глупыми*.

Предположение российских респондентов о неприглядном образе типичного россиянина как человека низкого материального достатка в глазах американца находит свое подтверждение: доля американцев, в представлении которых типичный россиянин является «материально не обеспеченным, бедным» составляет 10%, превышая долю российских респондентов (7%), отметивших этот признак.

Американские респонденты гораздо чаще считают, что типичный россиянин *похож* на типичного американца, а среди отличительных черт выделяют *трудолюбие* и *дружелюбие русских*.

Из положительных качеств американцев россияне выделили *патриотизм, законопослушность, культуру, образованность*, а американцы среди положительных качеств русских отметили *дружелюбие* и *образованность*.

Среди отрицательных качеств американцев участники общероссийского опроса чаще всего отмечали *самоуверенность, бахвальство, глупость, наглость*. Американцы, более склонные к негативной оценке, упоминали в первую очередь *пьянство, угнетенность, забитость, недружелюбие* россиян.

Итак, американец для россиянина - это обычный человек: *обеспеченный, предприимчивый человек, живущий в согласии со своим государством*; россиянин для американца - *трудолюбивый, дружелюбный, но материально не обеспеченный, притесняемый государством и склонный к пьянству*.

По мнению многих российских респондентов, большинство американцев представляют Россию *бедной страной с холодным климатом и бескрайними просторами*. В действительности, Россия ассоциируется у 7% американцев в первую очередь с холодным климатом и снегом, и у 3% - с большими размерами. *Экономическую слабость России - дефицит и длинные очереди* - отметили 5% опрошенных, причем, по всей видимости, этот образ связан не столько с настоящим моментом, сколько с ситуацией начала 90-х прошлого века.

Каждый десятый россиянин полагает, что господствующим образом нашей страны в представлении американцев является *русский медведь*; 7% российских респондентов считают, что в Америке господствует фольклорный образ России – *водка, матрешки, пельмени*.

Ассоциации американцев, связанные с медведями, при упоминании России не превысили 2% суждений. Что свидетельствует о том, что значение полуфольклорных атрибутов в собирательном образе России значительно преувеличено российскими респондентами.

Намного чаще, чем *пельмени*, американцы упоминали *московскую архитектуру* и, в частности, *Кремль*. К тому же более значимыми составляющими образа России для американцев является *недавнее историческое прошлое*.

Путевые очерки Ильи Ильфа и Евгения Петрова "Одноэтажная Америка", впервые опубликованные в журнале "Знамя" в 1936 году, - это взгляд знаменитых советских писателей-сатириков на Соединенные Штаты Америки 1930-х. Заглавие этой книги подразумевает некую *одномерную* характеристику страны, и, действительно, авторы под влиянием сталинской идеологии были вынуждены описывать Америку не как своего рода Мекку, но как страну, которая заслуживает насмешки, и жалости.

В таком же свете американцам представляется одноэтажная Россия - *одномерная* страна, в которой многое вызывает тревогу: *автократия, коррупция, высокий уровень преступности, разрушение окружающей среды, развал здравоохранения и демографический кризис*. *Природные богатства* России также рассматривались информантами в качестве причины для беспокойства США, поскольку огромные нефтяные и газовые ресурсы зачастую воспринимаются как инструмент, позволяющий оказывать давление на соседей и запугивать их [Бавин 2003 – www.; База данных ФОМ «Друзья и враги России». Россияне об Америке и американцы о России: сравнительный

анализ результатов опросов – [www.;Геопроект: США // Доминанты. Поле мнений. 2001-
www.; www.vokrugnovostei.ru/news/news4198.html](http://www.vokrugnovostei.ru/news/news4198.html)].

В рамках *Межуниверситетского проекта «Россия – США: парадоксы самопознания»* выявлялись представления американских студентов и преподавателей о России и русских и представления российских студентов об Америке и американцах.

По когнитивному признаку «уровень персонализации России» американцы выделили: политиков – *Сталина; Горбачева; Ленина; Путина; Ельцина; Хрущева;* спортсменов – теннисистку *Курникова;* хоккеистов *Федорова, Михайлова, Буре;* писателей – *Достоевского, Чехова.* В качестве реакций приводятся персоналии, не относящиеся к России – *Карл Маркс (Карл Маркс → коммунизм → Россия)* и супермодели *Ива Герцеговина* и *Петра Немцова*, но связанные опосредованными ассоциациями, поскольку американцы не дифференцируют русских и восточноевропейцев.

Россия – это *многомерная, динамичная система, в которой происходит много положительного и отрицательного.* Однако американское общество *не готово* отбросить свои опасения, связанные с Россией, и поменять сложившиеся стереотипы, тем не менее американцы согласны с тем, что с Россией *необходимо поддерживать отношения.* В качестве единичных реакций отмечены: «*Война и мир*», «*Преступление и наказание*», «*Доктор Живаго*», «*Братья Карамазовы*», «*Идиот*» и «*Анна Каренина*».

Американцам известны российские города *Москва* и *Санкт-Петербург.*

Символы России для американцев связаны либо с идеологией (*серп и молот, коммунизм, СССР*), либо с военными действиями и развитием космоса (*танки, военный, спутник*), с традиционными полуфольклорными атрибутами (*снег, холод, водка, шапка-ушанка, медведи*).

В качестве ядерных реакций, приведенных во время ассоциативного эксперимента, выделены: *Советский* или *СССР*(27), *холодный*(26), *коммунизм/ коммунист* (25),*Сталин* (17), *большая, огромная* (14), *Москва* (12).

Американские студенты продемонстрировали слабую осведомленность о российской реальности и русских персоналиях и узость взглядов. Знания об Америке в российском обществе в целом, несомненно, выше, чем знания американцев о России (что авторы проекта объясняют рядом причин: вестцентризмом российского сознания, большой ролью США в мировой политике, постоянным присутствием США на российском телеэкране и просто более высоким уровнем российского школьного образования в области географии и истории).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бавин П. База данных ФОМ «Друзья и враги России». Россияне об Америке и американцы о России: сравнительный анализ результатов опросов. 2003
2. Геопроект: США // Доминанты. Поле мнений. 2001. № 6
3. Гетгеюллер Р. Россия глазами американцев. Журнал «Pro et Contra». 2007. № 2. М.6 Центр Карнеги.
4. http://www.americansworld.org/digest/regional_issues/russia/russial.cfm
5. Views of Russia and the US-Russia Relationship.<http://cgi.stanford.edu/-group-ccr/mt/mt-tb.cgi/961>.
6. Как выглядит Россия глазами американцев - newsru.com
7. Опрос населения США. Мнение американцев о России. <http://bd.fom.ru/report/map/pa030>.
8. <http://www.newsland.ru/news/detail/id/381054/>
9. База данных ФОМ <http://bd.fom.ru/>
10. <http://bd.fom.ru/report/map/pa0309>.
11. http://bd.fom.ru/report/map/az/0-9/133_4578/dd010632.
12. www.vokrugnovostei.ru/news/news4198.html

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

А.З. Журтова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова
г. Нальчик

Стереотип как социальное явление обладает рядом функций, выделение которых зависит от исследовательских позиций и подходов. Так, психолог А.А. Налчаджян предлагает выделять следующие функции стереотипов: 1) функцию экономии мышления; 2) адаптивную функцию; 3) функцию сохранения существующего общественного строя; 4) функцию выражения протеста, функцию искажения реальности [Налчаджян 2004].

С.С. Скорнякова рассматривает такие функции стереотипов, как: 1) когнитивная – генерализация (иногда чрезмерная) при упорядочении информации», когда отмечают что-либо бросающееся в глаза; 2) социальная – разграничение «внутригруппового» и «внегруппового»: приводит к социальной категоризации, к образованию социальных структур, на которые активно ориентируются в обыденной жизни; 3) аффективная – определенная мера этноцентризма в межэтническом общении, проявленная как постоянное выделение «своего» в противовес «чужому» [Скорнякова 2004:225-231].

С.Г. Тер-Минасова выделяет следующие функции стереотипа: 1) когнитивную (обобщение и упорядочивание поступающей информации); 2) аффективную (противопоставление «своего» и «чужого»); 3) прескриптивную (определение поведения); 4) прогностическую (определение возможности развития событий) [Тер-Минасова 2000:44].

С.У. Солдатова дифференцирует зоны функционирования этнического стереотипа на познавательную и коммуникативную. [Солдатова 1998:84].

Американский психолог Г. Тэджфел выделяет следующие функции стереотипа: 1) социальная причинность и 2) дифференциация [Tajfel 1981:144-167].

Впервые понятие этничности применил американский социолог Д. Рисман в 1953 году. Американский психолог и антрополог Дж. Де-Вос определил этничность как «субъективное ощущение постоянной принадлежности»; «этническая идентичность группы людей выражается в субъективном символическом (знаковом) использовании какого-либо аспекта культуры с целью отличить себя от других групп» [Де-Вос 2001:242].

Выделяются три основных подхода к пониманию этничности: примордиалистский (эссенциалистский), инструменталистский и конструктивистский.

Ш. Страйкер и Р. Тернер определяют этническую идентичность как социальный конструкт. Согласно данной теории, членство в какой-либо группе сопряжено с определенным статусом, а идентичности организованы иерархически и «основные» идентичности актуализируются чаще, так как являются наиболее значимыми для индивида. Примордиальные или наследуемые являются базовыми статусами (*master statuses*) – этническая, расовая и гендерная идентичности [Stryker 1968].

Примордиалистский или эссенциалистский подход (англ. *essence* «сущность») возник в XIX веке [Weber 1978:389]. В рамках этой традиции был разработан подход, в котором этничность рассматривается как неизменная и необъемлемая часть «Я-концепции».

В отечественной науке к примордиалистским теориям принято относить теорию географического детерминизма Л.Н. Гумилева и школу Ю.В. Бромляя. Для российских представителей данного подхода также характерно особое внимание к географическим,

историческим и биологическим факторам, которые, согласно примордиализму, обуславливают этничность.

Интеракционистская модель этничности, характерная для современного культурного пространства, возникшая в 60-е годы XX века, ситуационна и изменяема. Она характеризуется наличием маркеров, определяющих этнические границы: язык, религия, ритуалы, мифы, а в отдельных случаях и тип одежды и пища.

Границы между этническими группами маркируются на основе дихотомии «мы - они»: «группа приобретает и сохраняет идентичность тогда, когда члены группы взаимодействуют друг с другом» [Barth 1969:204]. Этничность – это не набор культурных характеристик, используемых для идентификации индивида или в качестве локализации границ между этническими сообществами, а феномен, репродуцируемый в социальных традициях, которые помогают сооружать этнические границы [там же].

Работы Ф. Барта положили начало двум западным течениям – социальному конструктивизму [Anderson 1983] и инструментализму [Cohen 1978], разделяющих положения о том, что этничность конструируется социально, подвержена манипуляции и носит ситуационный характер.

Этническая (национальная) идентичность/самосознание является одним из важнейших признаков этноса. Этот психологический феномен играет существенную роль в «этнической мобилизации, консолидации, социальном контроле, стремлении к партнерству или доминированию и может быть использован как для преуспевания народа, так и для агрессивного национализма» [Арутюнян, Дробижева, Сусоколов 1999:165].

Одна из первых попыток выделить элементы структуры этнического самосознания была предложена Ю.В. Бромлеем, который впервые выделил систему авто- и гетеростереотипов, выражающуюся в представлениях и оценочных характеристиках собственного и чужих этносов, в качестве одного из содержательных компонентов этнического самосознания. Этноним представляет собой один из ключевых элементов самосознания: «наглядное внешнее выражение этнического самосознания как на личностном уровне, так и на уровне этнической общности» [Бромлей 1983:180]. Этноним трактуется как национальный идентифицирующий компонент. Ю.В. Бромлей выявил содержательные элементы самосознания – представления об общем историческом прошлом и территории, осознанное отношение к материальным и духовным ценностям нации, и этноним.

Структура этнического самосознания, предложенная З.В. Синкевич, позволяет «рассмотреть изучаемый феномен под различными углами зрения – социальным, психологическим, культурным и политическим, ибо именно на пересечении этих составляющих и формируется национальное самосознание» [Синкевич 1999: 102].

Под этническим самосознанием понимается чувство принадлежности к определенной этнической группе (эмоциональный компонент), выражающееся в самоопределении индивида как члена этнической группы [Козлов 1974:80]. Национальное самосознание включает в себя не только эмоциональный, но и рациональный компонент: представления о свойствах нации, об общем историческом прошлом и происхождении, общих ценностях [Синкевич 1999:99].

Отличие этнического сознания от этнического самосознания заключается в специфике отражаемой ими действительности. Согласно В.П. Левкович и Н.Г. Панковой, «этническое сознание представляет собой систему взглядов, идей, представлений этнической группы, возникших на основе взаимодействия с другими этническими группами и отражающих ее знание о них, отношение к ним, а также состояние и формы самовыделения своей группы» [Левкович, Панкова 1985:139].

Этническое самосознание, напротив, представляет собой сознание, которое направлено на отражение особенностей собственной этнической группы.

Этническое самосознание, этническую самоидентификацию и этническую идентификацию часто рассматривают как взаимозаменяемые понятия. Вместе с тем,

этническая (национальная) самоидентификация - это психический процесс сопоставления и сравнения субъекта данной группы с субъектами своей и другой группы в результате которого, индивид осознает себя в качестве члена определенной этнической общности [Налчаджян 2004:291].

Понятие этнической идентичности рассматривается в рамках теории идентичности Ч. Кули и Дж. Мида [Cooley 1902; Mead 1934], теории психосоциальной идентичности Э. Эриксона [Эриксон 1996], теории социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера [Tajfel, Turner 1979].

Э. Эриксон одним из первых рассмотрел феномен идентичности как продукт диалектической взаимосвязи индивида и общества.

Согласно теории «Self» Ч. Кули и Дж. Мид, идентичность проявляется в двух разновидностях: личностной и социальной. Под личностной идентичностью понимается самоопределение в рамках физических, интеллектуальных и нравственных черт. Социальная идентичность представляет собой идентификацию по типу принадлежности к различным социальным категориям – пол, класс, раса, национальность. Г. Тэджфел трактовал идентичность как когнитивную систему, регулирующую поведение индивида в определенных условиях [Tajfel 1986].

Этнический «Я-образ» - один из содержательных компонентов этнического, он хранится в сознании этнофоров, в культурно-исторических памятниках, в традициях, ритуалах [Налчаджян 2004:289].

В структуре этнической идентичности принято выделять два основных компонента: когнитивный и аффективный. Под первым подразумевают этническую осведомленность, а под последним - этническое самоназвание и эмоционально-ценностное отношение к нему [Солдатова 1998; Стефаненко 2007; Phinney 1997].

Вместе с тем, принято различать расширенную структуру данного феномена, включающую когнитивный, аффективный, коннотативный сегменты [Васильева 1991:11].

В отечественной традиции этническое самосознание, напротив, понимается как концепт, состоящий из этнической самоидентификации, модальных ценностей, системы этнических авто- и гетеростереотипов, социокультурных установок и оценок [Сикевич 1999].

Г.У. Солдатова определяет этническую идентичность как «когнитивно-мотивационное ядро этнического самосознания, опосредствующего межэтническое взаимодействие» [Солдатова 1998:43].

Анализ исследований в данной области позволил обобщить следующие формы этнической идентичности: 1) позитивная, 2) этнодоминирующая, 3) этноцентрическая, 4) этнический фанатизм, 5) этническая индифферентность, 6) этнонигилизм в форме космополитизма [Солдатова 1998; Дробижина 2006; Рыжова 1994].

Этнокультурные стереотипы формируются одновременно с национально-культурной нацией личности и служат регуляторами поведения человека как основа формирования этнического сознания и культуры [Прохоров 2003].

Принадлежность к определенной культуре определяется общностью базового стереотипного ядра знаний – когнитивной базы, повторяющегося в процессе социализации личности в определенном лингво-культурном сообществе прецедентными именами в культуре [Гудков 2003].

Исследование этнического стереотипа как разновидности социального феномена было предпринято также американскими психологами и социологами в начале 1930-х годов [Inside European Identities 1997:222], в частности Д. Кац, К. Брейли [Katz, Braly 1933] и Э. Богардус [Bogardus 1950].

Д. Кац и К. Брейли описывают расовые и этнические стереотипы, выявленные у студентов Принстонского университета на основе анкетирования и методики «приписывания качеств». Они обнаружили высокую степень согласованности в приписывании некоторых черт десяти этническим группам (белым американцам,

афроамериканцам, англичанам, ирландцам, немцам, итальянцам, евреям, китайцам, японцам, туркам): например, 84% испытуемых считали, что афроамериканцы суеверны, 78% - что немцы способны к наукам и т.п. [Katz, Braly 1935].

Этнические стереотипы представляют собой наиболее изученную разновидность социальных стереотипов. В.С. Агеев подчеркивает, что «основной массив зарубежных работ по социальным стереотипам выполнен именно на материале этнических стереотипов» [Агеев 1990:137; Allport 1954; Кон 1966; 1968; Байбурин 1985; Рыжков 1988; Дейк 1989; Прохоров 1996; Гладких 2001; Гумилёв 2002; Платонов 2007].

Степень изученности этнических стереотипов объясняет множественность его дефиниций.

Так, Т.А. Ван Дейк отождествляет явление этнических предубеждений с «господствующими в обществе негативными установками по отношению к этническому меньшинству в целом и отдельным его представителям» [Дейк 1989:175-176].

Этнические стереотипы в концепции Л.Н. Гумилева понимаются как стандартизированные формы поведения определенной этнической общности, такие как ритуалы, обычаи, обряды, признаваемые часто как единственно достойные [Гумилев 2002:99].

Ю.В. Бромлей отмечает, что стереотипы фиксируют типичные для членов этноса понятия, знания, умения, нормы поведения. При этом «...они выполняют важную функцию в воссоздании характерных для каждого этноса свойств» [Бромлей 1983:71].

По мнению И.Б. Гасанова, национальные стереотипы – это естественные составные элементы национального сознания, своего рода «коллективное представление», помогающее людям осознать свою национальную принадлежность, свое отличие от других национальных общностей [Гасанов 1994: 3-7, 23-39].

По мнению А.А. Налчаджяна, национальные стереотипы образуются в результате функционирования национальных обычаев, традиций и нравов, аккумулируя исторический опыт нации, они и представляют собой нормальные и естественные различия между этническими общностями [Налчаджян 2004:197].

В содержании этнических стереотипов, как правило, зафиксированы оценочные мнения об указанных качествах. Помимо этого в содержании этнических стереотипов могут присутствовать и предписания к действию в отношении людей данной национальности», - пишет Г. Г. Тавадов [Тавадов 1998:581].

Г.Г. Тавадова выделяет в содержании этнических стереотипов относительно устойчивое ядро-комплекс представлений о внешнем облике представителей данного народа, о его историческом прошлом, особенностях образа жизни и трудовых навыков, а также ряд изменчивых суждений относительно коммуникативных и моральных качеств данного народа [Тавадов 1998:581].

Под этническими стереотипами также понимаются схематизированные, упрощенные, эмоционально-окрашенные представления о моральных, умственных, физических характеристиках представителей различных этнических общностей [Стефаненко 2007; Платонов 2007].

На содержание этнических стереотипов влияют три группы факторов: 1) специфика стереотипизируемой группы ; 2) социальные, политические и экономические условия развития групп и их взаимоотношений; 3) длительность и глубина контакта между группами [Платонов 2001:100].

В контексте структурного подхода этнический стереотип – субъективное образование, акцентирующее внимание на этноцентричности, лежащей в основе формирования образов, представлений или теории в пользу того или иного народа, нации [Шкляр 1992:39-40].

А.В. Павловская определяет этнические стереотипы как устойчивые представления народа об окружающем мире, как ключ к пониманию характеров народов - носителя стереотипов и объекта стереотипизации [Павловская 1998].

Этнокультурные стереотипы описаны также как обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ [Грушевицкая, Попков, Садохин 2002].

А.П. Садохин утверждает, что механизм появления этнических стереотипов состоит в следующем: при межкультурных контактах выявляются наиболее типичные черты народа, которые затем классифицируются в категории. [Садохин 2004].

И.В. Шапошникова определяет этнический стереотип как относительно устойчивый, но изменяющийся по ходу времени комплекс стандартов поведения или основные модели поведения членов этнической системы, за которые ответственна этнокультурная доминанта, содержащая ценностные установки народа и императивы определенной эпохи, предлагая выделять доминирующие этнические стереотипы поведения, в которых отражается преобладающая мотивация человеческого поведения на данном этапе этнического развития [Шапошникова 2003:34].

Этнические стереотипы являются элементом национальной психологии и формируются как на уровне обыденного, так и теоретического сознания, представляя собой синтез эмоциональных, волевых и рациональных элементов [Трусов, Филиппов 1984:18].

Этнические нормы, как считает Л.Н. Гумилев, «негласно существуют во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в данном этносе и в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития, поэтому для членов этноса они отнюдь не тягостны. Соприкасаясь же с другой нормой поведения в другом этносе, каждый член данного этноса удивляется, теряется и пытается рассказать своим соплеменникам о чудачестве другого народа» [Гумилев 2002:66].

В структуру стереотипа входят образы, знания и оценочные суждения – положительные или отрицательные. На основе критерия эмоциональной оценки выделяют положительные (стереотипы восхищения) и отрицательные (стереотипы презрения).

Под положительными стереотипами принято понимать положительные суждения и оценки тех или иных черт этнической группы или этноса в целом. Отрицательные стереотипы отражают негативные признаки.

Поскольку содержание этнические стереотипов об определенной общности может иметь как позитивные, так и негативные значения, выделяют третью разновидность – амбивалентные этнические стереотипы.

Положительные стереотипы возникают, как правило, в ситуации мирных межэтнических отношений, когда ресурсы распределяют между собой таким образом, что обе стороны считают это справедливым; совместно решают задачи и добиваются общих целей. Сотрудничество полезно обеим сторонам. В такой ситуации о партнере создаются положительные стереотипы: партнер считается заслуживающим доверия, доброжелательным, дружественным, сильным и умным и т. п. Восприятие партнера становится избирательным: в нем в основном видят достоинства и игнорируют недостатки и ошибки [Налчаджян 2004:254].

Бесспорен тот факт, что текущие межэтнические отношения оказывают влияние на содержание стереотипов. Именно от характера отношений - сотрудничества или соперничества, доминирования или подчинения - зависят основные параметры стереотипов: содержание, направленность (общее измерение благоприятности) и степень благоприятности, а, в конечном счете, степень их точности [Стефаненко 2007:297].

Таким образом, между этническими группами чаще всего устанавливаются три типа взаимоотношений: субординация, противостояние (оппозиция, конфликт) и сотрудничество, которые порождают либо отрицательные, либо (реже) положительные, либо амбивалентные стереотипы.

Отрицательные стереотипы, по мнению В.П. Трусова и А.С. Филиппова, складываются при следующих условиях: 1) дифференциация «мы» и «они» и приписывание «им» отрицательных черт: такие проекции и атрибуции приводят к

дегуманизации представителей других этносов в глазах членов своего этноса (данное условие коррелирует с функцией дегуманизации или делигитимизации); 2) восприятие других этносов в качестве соперников является причиной формирования комплексных этнозащитных механизмов в виде этнических предубеждений (данное условие коррелирует с функцией защиты позитивной этнической идентичности); 3) необходимость самооправдания, оправдания совершенных или планируемых прагматических действий вызывает необходимость создания этнических стереотипов (данное условие коррелирует с функцией рационализации) [Трусов, Филиппов 1984:17].

Согласно теории «зерна истины» американского психолога Отто Клайнберга, объем истинных знаний в стереотипах превышает объем ложных [Klineberg 1951]. Вопрос истинности-ложности стереотипа по сей день остается не до конца решенным. Вместе с тем, в этнических стереотипах доминирует не истинность или ложность их когнитивного содержания, а убежденность в соответствующем знании, причем отличительной особенностью убежденности, сопутствующей стереотипу, является ее прочность и устойчивость [Агеев 1986; 1987]. Стереотипный образ может быть «более адекватным или менее адекватным, более или менее полным, иногда даже ложным, но мы всегда его «вычерпываем» из реальности» [Леонтьев 1983:255].

Адекватность содержания этнических стереотипов действительности весьма проблематична: этнические стереотипы отражают прошлый и настоящий опыт активных контактов, позитивный или негативный характер взаимоотношения народов.

Следует отметить, что стереотипы как разновидность социальных установок трансформируются в зависимости от типа взаимодействия, соответственно, ранжируясь или меняя содержание на аксиологически противоположные суждения.

Этнические стереотипы могут создаваться умышленно и являться фактором межнациональной розни, манипуляции общественным сознанием. «Этнические стереотипы не доступны саморефлексии «наивного» члена того или иного этноса и являются фактами поведения и коллективного бессознательного» [Уфимцева 1998:137]. Как элементы бессознательного, стереотипы могут быть орудием политической манипуляции. А.М. Цуладзе отмечает, что «манипулятивные термины представляют собой один из видов психологического программирования массового сознания. Это один из способов насаждения массовых стереотипов, противостоять которому сложно» [Цуладзе 1999:86].

Этнические стереотипы подразделяют также на: стереотипы поведения и стереотипы мышления/восприятия. А.К. Байбурин относит к формам стереотипного поведения различные шаблонизированные сферы деятельности: этикет, социализацию детей, игровое поведение и т.д. Автор считает проблему этнического поведения ключевой, так как в стереотипах поведения отчетливо выражается этническое своеобразие культуры [Байбурин 1986:125]. Исследователь полагает, что каждая половозрастная, конфессиональная, этническая, профессиональная и другие группы и субкультуры общества имеют специфические стереотипы поведения [Байбурин 1986:126].

Под этническими стереотипами поведения принято понимать все «этноспецифические стандарты поведения, включая то, как люди одеваются, едят и т.д.» [Кураев, Потарская 2000:143].

Этнические стереотипы мышления/восприятия «формируются стихийно, в процессе межкультурной коммуникации, этнических столкновений, с помощью средств массовой коммуникации» [Гладких 2001:36]. Г.А. Кураев и Е.Н. Потарская понимают под этническими стереотипами восприятия «обобщения о представителях различных этнических групп, характеризующиеся повышенной эмоциональностью и устойчивостью, но не всегда адекватно отражающие реальные черты стереотипизируемой группы» [Кураев, Потарская 2000:143].

К стереотипам мышления относят не только мнения, но и убеждения. Мнение о предмете поверхностно, его легко менять при получении новой информации, оно не

обладает большой мотивирующей силой, тогда как убеждение – устойчивая система представлений, которая может стать мотивом социального поведения человека. Исходя из этого различия, А.А. Налчаджян выделяет два типа стереотипов мышления: стереотипы-мнения и стереотипы-убеждения [Налчаджян 2004:197].

Этнические стереотипы трактуются также как разновидность социального стереотипа и автостереотипа. Автостереотипы отражают мнение этнической группы о себе, гетеростереотипы – о другой группе, контрстереотипы формируются на основе дихотомии «мы» - «они».

Стереотипы имеют знаковую направленность (негативные, положительные и амбивалентные этнические стереотипы). Связь этнических стереотипов с действительностью зависит от уровня знаний о народе и стране, состояния межнациональных отношений. Устойчивое ядро стереотипов представлено комплексом когнитивных признаков, основанных на историческом опыте представлений о данном этносе.

В определенных условиях устойчивость этнических стереотипов превращается в их ригидность, вследствие чего изменения становятся невозможными. Это явление называется персеверация – невозможность изменения стереотипов или даже их ужесточение. Отдельные индивиды и целые этнические группы могут упорно защищать или ужесточать свои стереотипы, даже тогда, когда это ведет к негативным последствиям [Налчаджян 2004:248]. Тем не менее, стереотипы пластичны, способны к трансформации и даже ломке.

Этнический стереотип как относительно устойчивое представление о моральных, умственных, физических, деятельностных и иных качествах, присущих представителям различных этнических общностей, неоднороден по структуре, и состоит из констатации маркируемых особенностей этнической группы, оценочного отношения к этим особенностям и формирование определенного типа поведения по отношению к данной этнической группе [Brigham 1971].

Этнопсихологи, рассматривая структуру этнических стереотипов, указывают на наличие в ней трех блоков: когнитивного, эмоционально-оценочного и поведенческого (или конативного), первые два из которых являются обязательными, а третий – факультативным [Налчаджян 2004].

В когнитивный блок стереотипа включает представления и суждения об образе предмета социальной установки и его оценки. Данные компоненты частично вербализованы, частично подсознательны и невербальны.

Эмоционально-оценочный блок содержит оценки и чувства, возникающие в качестве субъективных показателей этих оценок: положительных, отрицательных, амбивалентных или многозначным.

Поведенческий конативный блок предписывает определенный тип поведения по отношению к субъекту и содержит тенденцию к действиям или программу действий, включаемую при контакте и коммуникации с этим объектом (человеком или группой) [Налчаджян 2004:198].

Особо следует отметить, что когнитивная составляющая стереотипов базируются на представлениях членов этноса об окружающей их действительности, вербализуемых посредством языковой картинке мира. «В рамках этих концептуальных структур интериоризуются отдельные процессы восприятия, памяти, мышления членов этноса. Это может служить основой для типологизации этносов по имплицитной картине мира» [Платонов 2007:130].

Аллен Эдварде разработал концепцию структуры этнических стереотипов на базе выделения в их структуре четыре компонента или измерений 1) содержание – характеристики или черты, которые приписываются социальной или этнической группе (соответствует когнитивному блоку стереотипов); 2) единообразие – степень согласованности респондентов в приписывании этнической группе тех или иных черт; 3)

направленность – общее положительное или отрицательное восприятие объекта стереотипизирования, определяемая по соотношению положительных и отрицательных признаков составе стереотипа; 4) интенсивность – уровень предубежденности по отношению к этнической группе (коррелирует с поведенческим блоком), определяемый ранжированием приписываемых данной группе характеристик [Edwards 1940].

В.А. Маслова отмечает, что в основе механизма формирования стереотипов лежат многие когнитивные процессы, потому что стереотипы выполняют ряд когнитивных функций – функцию схематизации и упрощения (коррелирующую с функцией экономии мышления), функцию формирования и хранения групповой идеологии (коррелирующую с функцией защиты позитивной этнической идентичности), ряд других мыслительных функций [Маслова 2005:59].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агеев В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии, 1986. №1. С. 95-97.
2. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1999.
3. Байбурун А.К. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура // Советская этнография. 1985. № 2. С. 36-46.
4. Байбурун А.К. Этнические стереотипы поведения. Общественные науки. М., 1986. - №2. - С. 125-136.
5. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.:Наука, 1983.
6. Васильева Т.Е. Стереотипы в общественном сознании (социально-философские аспекты)// Социологические исследования. 1991. - № 4. - С. 72-78.
7. Гасанов И. Б. Национальные стереотипы в межнациональном конфликте: сущность, развитие, противоречия. Дисс. ... канд. полит. наук. М.,1994.
8. Гладких С.В. Этнические стереотипы как феномен духовной культуры. Дисс. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2001.
9. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
10. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М, 2003.
11. Гумилев Л. Н. Онтогенез и биосфера Земли. СПб, 2002. 608 с.
12. Де-Вос Дж. Этнический плюрализм: конфликт и адаптация // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. М., 2001. С. 229-276.
13. Дейк Ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
14. Дробижева Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России М.: Ин-т социологии РАН, 2006. С. 10-29.
15. Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. 1974. № 2. С. 79-91.
16. Кон И.С. Психология предрассудка (О социально-психологических корнях этнических предубеждений) // Новый мир. 1966. № 9. С. 187-205.
17. Кураев Г.А., Потарская Е.Н. Этническая психология. Ростов-на-Дону: ЦВВР, 2000.
18. Левкович В.П., Панкова Н.Г. Социально-психологические аспекты проблемы этнического сознания // Социальная психология и общественная практика. М.: Наука, 1985. С. 138-153.
19. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения в 2-х тт. М.: Педагогика, 1983. Т. I - 392 с., Т. II -320 с.
20. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. Минск: ТетраСистемс, 2005.
21. Налчаджян А.А. Этнопсихология. СПб., 2004.

22. Павловская А.В. Россия и Америка. Проблема общения культур. М.: МГУ, 1998.
23. Платонов Ю.П. Психология национального характера. М., 2007.
24. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные, стереотипы речевого общения и их роль при обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
25. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 2003.
26. Рыжков В.А. Особенности стереотипизации, необходимо сопровождающей социализацию индивида в рамках определенной национально-культурной общности // Языковое сознание: стереотипы и творчество. М.: АН СССР, 1988. С. 4-16.
27. Рыжова С.В. Установки этнического самосознания русских // Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1994 -С. 117-118.
28. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация PDF. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. 26, М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004.
29. Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений: Учебное пособие. СПб., 1999.
30. Скорнякова С.С. Гендерные стереотипы в средствах массовой коммуникации // Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб.: СПбГПУ, 2004. - 225 - 231.
31. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. Москва: Смысл, 1998.
32. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. М., 2007.
33. Тавадов Г.Т. Этнология: словарь-справочник. М., 1998.
34. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
35. Трусов В.П., Филиппов А.С. Этнические стереотипы // Этническая психология: Этнические процессы и образ жизни людей. М., 1984. С. 3-21.
36. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: Ин-т. Языкознания РАН, 1998. С. 135-170.
37. Шапошникова И. В. Этнолингвистический анализ текста в курсе истории английского языка. Новосибирск: НГПУ, 2003.
38. Шкляр Л.Е. Этнос. Культура. Личность: Философско-методологические аспекты исследования. Киев, 1992.
39. Цуладзе А. М. Политические манипуляции, или Покорение толпы. М., 1999.
40. Эриксон Э. Э. Идентичность: юность и кризис: М.: Прогресс, 1996.
41. Allport G. The Nature of Prejudice. Cambridge, MA: Addison Wesley, 1954.
42. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983 (1991).
43. Barth F. Introduction // Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference. Bergen-Oslo; London, 1969. P. 9-38.
44. Bogardus E. S. Stereotypes Versus Sociotypes // Sociological and Social Research. №34. 1950. P. 286-291.
45. Brigham J. S. Ethnic stereotypes// Psychological Bulletin. 1971. Vol. 76. P. 15-38.
46. Cohen R. Ethnicity: Problem and Focus in Anthropology// Annual Review of Anthropology. 1978. № 7. P. 379-403
47. Cooley C. H. Human Nature and the Social Order. New York: Scribner's, 1902 (1922).
48. Edwards A. L. Four Dimensions In Political Stereotypes // Journal of Abnormal and Social Psychology. Vol.35 (4). - 1940. - P. 566-572.
49. Inside European Identities: Ethnography in Western Europe. Providence, R.I.: Berg Publishers, 1997.
50. Katz D., Braly K. W. Racial stereotypes of one hundred college students // J. of Abnormal and Social Psychology. 1933 (1935). Vol. 28. P. 280-290.
51. Klineberg O. The Scientific Study of National Stereotypes // International Social Science Buletin. Vol. III, 3. 1951. P. 505-515.

52. Mead G.H. *Self and Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1934.
53. Phinney J. S., Devich-Navarro M. Variations in bicultural identification among African American and Mexican American adolescents // *J. of Research on Adolescence*. 1997. Vol. 7. P. 3-32.
54. Sanford F. H., Wrightsman L. S. *Psychology: A scientific study of man*. Cole Pub. Co. Belmont, Calif. 1970.
55. Tajfel H. *Social stereotypes and social groups // Intergroup behaviour*. Oxford, 1981b. P. 144-167.
56. Tajfel H., Turner J. C. *The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations*. Chicago, 1979. P. 7-24.
57. Weber M. *Economy and Society is the greatest sociological treatise*. University of California Press, 1978.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕЖПРЕДМЕТНОГО ДИДАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В 8-9 КЛАССАХ С УГЛУБЛЕННЫМ ИЗУЧЕНИЕМ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА

В.Г. Заец

Киевский университет имени Бориса Гринченко
г. Киев

Увеличение потока научной, художественной, массовой информации, интенсивное обогащение и обновление представлений об окружающем мире требует обеспечения единства обучения и воспитания для саморазвития и самореализации учащихся.

Психологами доказано, что именно в школьный период «формируется человек» [Рубинштейн 2004:616], что он является качественно новой ступенью в психическом развитии ребенка, и осуществляется в процессе учебной деятельности, развития навыков логического мышления, которые, по мнению швейцарского педагога И.Песталоцци, «должны быть в гармонии с самой природой человека» [Песталоцци 1981:165].

Научить ученика работать с текстом, выделять в нем главное, видеть его логическую структуру, общий смысл есть общей задачей для всех учебных дисциплин школьного курса. Развитие функций межпредметных связей требует использования приемов обобщения информации, установления причинно-следственных связей в мышлении ребенка, значимость которых, по мнению ученых-психологов, «именно возрастает до 14 лет» [Рубинштейн 2004:370].

Ведущие отечественные лингводидакты (З.Бакум, Т.Донченко, Л.Варзацкая, С.Караман, О.Караман, Э.Палыхата, М.Пентилюк, К.Плыско, Л.Рожило) отмечают необходимость дополнения филологического образования содержательной информацией с использованием межпредметных связей. В свое время известная исследовательница В.Максимова указывала, что «изучая язык как средство познания и средство общения, учащиеся получают основы знаний в области языкознания». Использование межпредметных связей с литературой, обществоведением, историей, иностранным языком «создает представление о языке как явлении человеческой культуры [Максимова 1988:62]. В то время как известный украинский языковед И.Билодид советовал учителям «в сферу языкового употребления включать специальную терминологию, добиваясь, чтобы учащиеся понимали ее и правильно употребляли» [Билодид 1976:6]. Исследователь Н.Ткачова обращает внимание учителя на формирование в учеников «стремления оценивать события и поступки исторических лиц, литературных героев в контексте общечеловеческих и своих личных ценностей» [Ткачова 2005: 51].

Известный академик В.Кремень считает, что «личность познает мир через конструируемые специальные тексты (письменные и устные), модели жизненных ситуаций сквозь призму жизни и судьбы исторических личностей – творцов, изобретателей культурных достижений» [Кремень 2007: 524].

Мы разделяем научные взгляды известного ученого и считаем, что этой идее служит, внедренная в практику методика работы над текстом на основе межпредметных связей, постольку единой для всех учебных дисциплин школьного курса является цель научить ученика работать с информацией, выделять в ней главное, видеть ее логическую структуру.

Стоит отметить, что в обучении языку в допрофильных 8-9 классах должна быть хорошо организованная система повторения учебного материала, изученного в предыдущих классах. По нашему мнению, использование упражнений интеграционного характера позволит учащимся закрепить ранее изученный материал, что требует изучения программ и учебников по другим учебным дисциплинам, поиска эффективных путей его применения, моделирования интересных заданий, отбора тематического межпредметного материала, который побуждает учеников к переосмыслению учебной информации, увеличению доли самостоятельной работы.

Мы утверждаем, что углубленному изучению украинского языка поможет система различных видов учебной деятельности, среди которых работа с текстом. Разрабатывая учебные задания, учитель должен прежде к каждому из них поставить цель, отвечающую общеучебным и специальным требованиям, создавая тем самым широкие возможности для дидактической обработки межпредметного текстового материала.

Предложенные подборки текстов, отобранные из учебников и пособий предметам школьного курса несмежных с украинским языком и задания к ним, охватывают проверку ранее полученных языковых знаний и учат производить собственные высказывания на предложенную тему.

Словарные диктанты, тексты для диктантов, чтения и анализа, чтение вслух, содержащие межпредметный материал, соответствующий общеучебным и специальным требованиям, имеет широкие возможности для дидактической обработки. Кроме того, соответствующие темам социокультурной линии программы и «в своей основе опираются на уже усвоенные учениками сведения из разных учебных предметов (истории, географии, литературы, предметов художественного цикла и др..)» [Программа 2009:4].

К тому же следует увеличивать самостоятельную работу учащихся с межпредметным материалом (выписки определенных языковых явлений из учебников физики, химии, географии, биологии, истории, литературы). Для привлечения учащихся к дальнейшей научной деятельности, углубления интереса к языковым явлениям других учебных дисциплин школьного цикла целесообразно разрабатывать индивидуальные задания: заключение мини-словарей, мини-справочников, подготовка научных сообщений к урокам-конференциям, уроков-исследований, уроков-презентаций, уроков зачетов, внеклассных мероприятий, что в свою очередь послужит ориентиром на выбор профиля обучения и будущей профессии.

Таким образом, во время анализа и обсуждения текстов различных стилей и жанров предлагаем использовать исследовательский метод, применяя приемы творческого наблюдения над языковым материалом, выполнение практически-творческих упражнений на группирование лексических единиц, дополнения, сопоставления, компоновки, решения творческих задач, будет обеспечивать научное содержание урока украинского языка. Такая системная организация сотрудничества учителя-филолога и учащихся будет способствовать интересу к лингвистическому образованию.

Текст 1

1. Прочитайте текст. Выполните задания.

Філософська система Аристотеля

За свідченням істориків, Аристотель народився у Фракії, в місті Стагірі. Його батько був спадкоємним лікарем царя Македонії. Саме він передав синові не лише свої знання, а й цікавість до пізнання.

Коли юному нащадкові царського лікаря виповнилося сімнадцять, він приїхав до Афін і вступив до академії знаменитого філософа Платона. Цілих двадцять років був Аристотель його учнем і аж після цього терміну залишив стіни Платонівської школи. Закінчивши навчання, він багато подорожував, набирався знань і досвіду. І несподівано одержав пропозицію царя Македонії Філіпа виховувати його тринадцятирічного сина Александра – майбутнього видатного полководця, який завоював півсвіту.

Звичайно, навряд чи слід вважати, що саме своєму вчителеві зобов'язаний Александр Македонський перемогами. Непосидючому й розпеченому царевичеві його новий наставник скоріше стояв на заваді у витівках і розвагах, був сторожем, якого приставив батько. Тим паче, що філософа важко було назвати чарівним. Аристотель був хирлявий. Його тонкі губи завжди зміїлися уїдливою посмішкою. І тринадцятирічному Александрові він мав здаватися старим і занудним педантом. Та спілкування філософа з майбутнім полководцем тривало недовго. Уже в шістнадцять років Александр очолив батькове військо і розпочав похідне життя.

Аристотель був надто педантичний, дехто з істориків підкреслював цю рису його вдачі. Проте царствений вихованець аж до смерті почував до вчителя якщо не любов, то глибоку повагу. Він не тільки щедро обдаровував його, а й не забував прислати з деяких походів рідкісні речі, а час від часу й листи...

Розлучившись з Александром, Аристотель повернувся до Афін, заснував школу. Там він протягом двадцяти років написав більшість своїх філософських творів і виховав чимало учнів.

У своєму вченні Аристотель розвивав далі погляди Емпедокла, змінивши їх по своєму. Він також був певен, що першоосновою всього суцього є якась єдина першоматерія. Та існувати вона могла в чотирьох різних станах: бути сухою і холодною, визнаючи тим самим стихію води; бути теплою і вологою, за приклад чого мали вважати стихію повітря, і бути сухою й теплою, як стихія вогню. Інших елементарних станів існувати в природі, на думку Аристотеля, не могло.

Спробуйте самі уявити в одному тілі поєднання теплої й холодної чи сухої й вологої. Неможливо! Протилежні якості знищують одна одну.

До чотирьох стихій Емпедокла Аристотелю, щоправда, довелося додати п'яту – ефір. Із ефіру, вважав філософ, склалися небеса, зірки й планети.

Первинна матерія Аристотеля була чимось на зразок сирової глини у дворі гончаря. Що вийде з неї: горщик варити їжу рабам чи амфора, що прикрашає стіл аристократа? Усе залежить від мети, яку поставив перед собою гончар. Мета була дуже важливим поняттям у філософській системі Аристотеля (За А.Томіліним).

Завдання

1. Заголовок прочитаного тексту виражає

А основну думку

Б проблему

В проблематику

Г тему й основну думку

2. Стил мовлення прочитаного тексту

А художній

Б розмовно-побутовий

В науковий

Г публіцистичний

3. Жанр прочитаного тексту

- А опис
- Б роздум
- В есе
- Г розповідь

4. Основну думку тексту відображено у реченні

А «Аристотель був надто педантичний, дехто з істориків підкреслював цю рису його вдачі».

Б «Первинна матерія Аристотеля була чимось на зразок сирій глини у дворі гончаря».

В «Мета була дуже важливим поняттям у філософській системі Аристотеля».

Г «Він (Аристотель) також був певен, що першоосною всього суцього є якась єдина першоматерія».

5. Усі наведені цитати характеризують ставлення Аристотеля до пізнання, окрім

А «написав більшість своїх філософських творів і виховав чимало учнів».

Б «...філософа важко було назвати чарівним».

В «був певен, що першоосною всього суцього є якась єдина першоматерія».

Г «...розвивав далі погляди Емпедокла, змінивши їх по-своєму».

6. Слова, утворені одним способом, складають рядок, окрім

А першооснова, першоматерія, тринадцятирічний

Б по-своєму, недовго, несподівано

В розпочав, залишив, завоював

Г наставник, півсвіту, полководець

7. Уподібнення приголосних за м'якістю відбувається в усіх словах рядка

А досвід, майбутній, навряд

Б спілкування, більшість, якість

В рідкісні, учнів, двір

Г термін, свідчення, посмішка

8. Виділена буква позначає той самий звук у словах рядка, окрім

А **був**, **повага**, **вчитель**

Б **недовго**, **очолив**, **розпочав**

В **чарівний**, **любов**, **наставник**

Г **стояв**, **одержав**, **заснував**

9. Закінчення **-сте** мають дієслова в II особи множини теперішнього часу в рядку

А передавати, залишати, подорожувати, бути, знищити

Б завоювати, одержати, виховувати, розпочати, складати

В очолити, написати, заснувати, розвивати, змінити

Г уявляти, вважати, існувати, поєднати, називати

10. Слова-синоніми становлять рядок, окрім

А педантичний, дрібничковий, прискіпливий

Б незначний, невагомий, мізерний

В занудний, нецікавий, сумний

Г застосування, запровадження, використання

11. Антонімічні пари слів становлять рядок, окрім

А зруйнувати – створити, набувати – позбутися

Б визнавати – заперечувати, зростати – спадати

В несподівано – передбачено, неможливо – легко

Г основний – другорядний, педантичний – байдужий

12. У реченні «Його тонкі губи завжди зміїлися уїдливою посмішкою» автор тексту використав

А алітерацію

Б асонанс

В порівняння

Г алегорію

Відповіді: 1 ___; 2 ___; 3 ___; 4 ___; 5 ___; 6 ___; 7 ___; 8 ___; 9 ___; 10 ___; 11 ___; 12 ___

Текст 2.

Погрупуйте лексичні одиниці: суспільно-політична, наукова, виробничо-професійна, офіційно-ділова.

Астигматизм, ацетилцелюлоза, багатопелюстковий, мінералоутворення, міфологія, міфотворець, мовно-літературний, науково-дослідний, науково-виробничий, науково доведений, науково-експериментальний, науково розроблений, національно-мовний, національно-самобутній, радіаційно-хімічний, ультракороткохвильовий, умовно-рефлекторний, фольклорно-етнографічний, центральноазіатський, центральноєвропейський, акциз, алгоритмізувати, спинномозковий, спинно-черевний, стилістико-семантичний, судинно-волокнистий, селекційно-генетичний, вінілацетат, вітроелектростанція, звукопровідність, зовнішньополітичний, інавгурація, лімфоцит, магнієво-кальцієвий, системно-функціональний.

ЛИТЕРАТУРА:

1. БилодидИ.К. Профессиональные горизонты преподавателя языка в средней школе // Украинский язык и литература в школе -1976. - № 5.-С.6.
2. Караман С.О.Методика обучения украинскому языку в гимназии: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Ленвигт, 2000. – 272с.
3. Кремень В.Г. Философия национальной идеи. Человек. Образование. Социум. - К.: Грамота, 2007. – 576 с.
4. Максимова В. Межпредметные связи в процессе обучения.– М.: Просвещение.– 1988. – 192с.
5. Песталоцци И.Г. Избранные педагогические сочинения в 2-х томах т. Т.2.Москва. «Педагогика». -1981. - 415с.
6. Програма для общеобразовательных учебных заведений (классов) с углубленным изучением украинского языка: украинский язык. 8-9 классы / С.О.Караман, О.В.Караман, М.Я.Плющ, В.И.Тихоша и др. / Под ред. С.О.Карамана. – М.: Грамота 2009. – С.3.
7. Рубинштейн С.Л.Основы общей психологии. - СПб.: Питер, 2004. - 713 с.
8. Ткачова Н.О. Ценностные парадигмы образования. – М.: Издав.гр. «Основа», 2004. – 126с.

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Н.М. Зайчикова

Астраханский государственный университет

Специфика научно-технического перевода заключается, прежде всего, в том, что он имеет дело с особой сферой человеческой деятельности – различными областями науки и техники, для выражения которых существуют определенные лексические, грамматические и стилистические средства языка.

Перевод как вид человеческой деятельности имеет следующие характеристики:

- целенаправленность, так как все действия участников коммуникации направлены на достижение взаимопонимания;
- структурность, поскольку переводческая деятельность происходит в действиях и операциях (рецепция исходного текста, запоминание, переход от одного языка к другому, оформление перевода, синхронизация переводческих операций и т.д.);

- эвристичность, так как его невозможно заучить, алгоритмизировать;
- многоплановость, так как связан с трансформацией и адекватной передачей иноязычного сообщения средствами родного языка.

Основными требованиями, предъявляемыми к научно-техническому переводу, являются следующие:

1. точная передача текста оригинала;
2. строгая ясность изложения смысла при максимально сжатой и лаконичной форме, присущей стилю русской научно-технической литературы [Технический перевод в повседневной жизни 2004:23с.].

В некоторых случаях перевод научного и технического текста должен превосходить оригинал. Это парадоксальное утверждение вполне обоснованно и вытекает как естественное следствие двух требований, предъявляемых, например, Я. И. Рецкером к переводчику научной и технической литературы: а) перевод должен быть точным, т. е. передавать именно то, что содержится в оригинале — не больше, не меньше; б) в переводе должна быть ясность и четкость — независимо от степени ясности подлинника [Пумпянский 1981:22].

Исходя из психологического содержания речевой деятельности, письменный перевод может быть обозначен как комплексный, специфический и вторичный вид речевой деятельности (И.А. Зимняя) наряду с такими ее видами, как аудирование, говорение, чтение и письмо, но, как подчеркивают исследователи Б.А. Бенедиктов, А.Ф. Ширяев, З.А. Пегачева, Н.В. Голубкова, являющийся особой двуязычной и сложной по структуре речевой деятельностью [Зимняя 1978:26].

Владеть искусством перевода как специфической речевой деятельности в рамках коммуникации на иностранных языках — значит владеть в равной мере навыками и умениями нескольких видов речевой деятельности наряду с чисто переводческими навыками и умениями для достижения успешного взаимодействия, взаимопонимания путем преобразования и передачи информации вербальными и невербальными средствами.

Риторическая программа технического текста обычно бывает достаточно четко выражена при помощи маркеров риторической ситуации, которые направляют внимание читателя при понимании технического текста в нужное русло. И поэтому даже не очень искусственный в иностранном языке специалист, с некоторым опытом чтения оригинальной литературы, может понять, о чем идет речь, но с другой стороны это не означает, что он может понять все нюансы отношения автора к излагаемой теме и мнениям коллег, для этого необходима рефлексия и определенные техники понимания.

Целью обучения техническому переводу студентов неязыковых специальностей является приобретение студентами переводческой компетенции, уровень которой позволяет использовать английский язык как в профессиональной (производственной, педагогической и научной) деятельности, так и для целей самообразования. Под переводческой компетенцией мы понимаем совокупность знаний, умений и навыков в области двуязычной коммуникации, определяющую восприятие и интерпретацию текста, и коммуникативный эффект, т.е. реакцию получателя на текст.

Единицей перевода как сложного специфического вида речевой деятельности является двухкомпонентное образование, при этом каждый компонент становится сложным структурным целым [Серова 2001:6]. Такая речедетельностная единица перевода представляет собой сложное слагаемое из смыслового вербального решения на основе умозаключающей деятельности и речевого коммуникативного поступка с текстом-высказыванием, реализуемое в процессе нескольких форм и видов речевой деятельности, обусловленных и регулируемых конкретной коммуникативной переводческой ситуацией. При этом смысловые вербальные решения включают ряд умозаключений как продукты речевой деятельности чтения или слушания, представляющие собой логические действия над отдельными мыслями и трансформируемые в последующем в рассуждения. Речевые

коммуникативные поступки включают формулирование мыслей в виде текстовых высказываний с сохранением в них:

- а) тождества мыслей текста оригинала, выраженных как языковыми, так и неязыковыми средствами языка перевода;
- б) предметной связности, смысловой, коммуникативной и структурной целостности;
- в) стилистических, социокультурных норм и типов развертывания мысли.

В процессе перевода когнитивная система переводчика выступает основной инстанцией переработки информации и знаний, накапливаемых в процессе его профессиональной деятельности. При принятии переводческих решений человек, который, в отличие от машины, привык сопровождать даже строго логические алгоритмизированные операции интуитивно-эвристическими действиями, руководствуется накопленным когнитивным опытом (представление которого возможно в виде фреймовых структур знаний), что составляет процесс оперирования знаниями как эвристический поиск фреймовых соответствий.

В процессе перевода можно выделить три основных этапа, которые каждый студент должен осознанно проходить в процессе перевода текста.

На этапе **понимания** происходит восприятие иноязычного текста и постижение его смысла на основе поиска соответствий знаний, заложенных в тексте, знаниям переводчика, очерчивается круг опорных элементов, необходимых для передачи сообщения на язык перевода. Здесь же возможен процесс антиципации, прогнозирующий итоговое развертывание текста на языке перевода.

На этапе **анализа** осуществляется мысленное соотнесение выражения идей в переводимом тексте с эквивалентными им структурами в языке перевода. Здесь же вычленяются прототипические соответствия, а также решается проблема их отсутствия. В данном случае происходит выбор необходимой переводческой стратегии.

На этапе **воспроизведения** техническому переводчику требуются эквивалентные терминологические единицы на языке перевода, которые он выбирает, опираясь на свои фоновые знания в данной области.

Сопоставление знаний играет существенную роль в поиске эквивалентов, так как оно позволяет переводчику четко структурировать информацию, содержащуюся в тексте, определяя данные, которые находят отклик в его когнитивной системе знаний и те, которые относятся к так называемым «пробелам», оказываясь неизвестными или непонятными для переводчика. Восполнение пробелов может происходить 1) «изнутри» - при подключении дополнительных когнитивных механизмов, контекстуального анализа и ассоциативного поиска, 2) «извне» - при обращении к внешним ресурсам информации, таким, как словари, справочники, энциклопедии и пр.

Трансляция содержания текста, включающего как узнаваемую, так и сложную для понимания переводчиком информацию происходит на этапе перевода при использовании соответствующей стратегии. В рамках когнитивной модели можно выделить две основные стратегии: прототипическую и адаптивную [Ремхе 2007:22].

Прототипическая стратегия переводчика состоит в вычленении из текста и мысленной передаче на язык перевода того, что наиболее узнаваемо, а именно:

- типичное логико-семантическое построение предложения, соответствующее одному из языковых шаблонов;
- известные переводчику термины и сопутствующие слова общеязыковой и специальной лексики, знание которых ситуативно обусловлено и составляет часть структуры ментального лексикона технического переводчика;
- наиболее типичные грамматические конструкции, перевод которых производится на основе знаний о специфике английского и русского языков.

Адаптивная стратегия используется в случае возникающих сложностей, если применение прототипической стратегии оказывается недостаточным. Адаптивные

действия переводчика предопределяются спецификой переводимых материалов и состоят в преодолении трудностей, заложенных в тексте оригинала:

- перевод сложных терминологических групп;
- экспликацию логических связей, скрытых за витиеватостью синтаксической структуры предложения;
- устранение в переводе многословия или тавтологии, присутствующих в тексте оригинала;
- мысленное редактирование грамматических ошибок, которые могут присутствовать в тексте оригинала и затруднять его понимание.

В целом, действия технического переводчика осуществляются в направлении от простого к сложному, начиная с вычленения типичных моментов, составляющих суть прототипической стратегии и заканчивая наиболее сложными моментами, требующими определенной адаптации в переводе.

На заключительном этапе переводчик порождает текст на иностранном языке с учетом его синтагматических и синтаксических особенностей.

Ознакомление с характеристикой когнитивных этапов переводческого процесса поможет студентам осознать, что успешности и сокращению времени на перевод служат три фактора: 1) знания в соответствующей технической отрасли, в частности, о добыче и переработке нефти и газа, понимание описываемых процессов, 2) большой лексический и грамматический запас средств выражения английского языка, 3) начитанность как технических, так и художественных текстов на родном языке, что способствует быстрому и наиболее точному подбору необходимых эквивалентов.

Результаты перевода всегда должны анализироваться (процесс редактирования). В процессе обучения можно чередовать редактирование преподавателем и самими студентами, при этом, обсуждая результаты, останавливаясь на наиболее удачном переводе или сравнивая его, если есть возможность, с работой профессионального переводчика. Впоследствии анализ получившегося текста входит в привычку и становится естественной частью рабочего процесса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зимняя И.А. Психологический анализ перевода как вида речевой деятельности //Вопросы теории перевода: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Горького. М., 1978. № 127.
2. Пумпянский А.Л. Чтение и перевод английской научной и технической литературы на английский язык. – М.: Наука, 1981 – 304с.
3. Ремхе И.Н. Когнитивные особенности перевода научно-технического текста: автореф. канд. фил. наук - Челябинск, 2007 – 25с.
4. Серова Т.С. Психология перевода как сложного вида иноязычной речевой деятельности. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. Ун-та, 2001.
5. Технический перевод в повседневной жизни – Тамбов, ТГТУ, 2004 – 103с.

АКТУАЛИЗИРОВАННЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СЕМАНТИКОЙ «БЛИЗКО» В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Н.Ю. Зубкова

Волгоградский государственный университет
г. Волгоград

Пространство является одной из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Это одна из универсальных категорий человеческого сознания, находящих отражение во всех языках и выступающих в качестве одного из объектов, формирующих особую картину мира, присущую той или иной культуре.

Сложная структура категории пространства в языке отмечается многими лингвистами. Так, при описания пространства Д. Лич в качестве базовых единиц выделял «место», «протяженность», «близость», «вертикальность»/«горизонтальность», «север»/«юг», «запад/восток», «ориентация», «движение», «виды передвижения», «поза» (то есть положение человека в пространстве). Вежбицкая добавляет к этому списку «направление», «границы пространства», «сила притяжения» (Вежбицкая 1989: 58).

Пространство представляет собой некий порядок расположения одновременно сосуществующих предметов и расстояния между этими предметами, а также от субъекта до этих предметов. Человек не просто статично существует в пространстве, он перемещается в нем, а значит, перемещается и относительно предметов/объектов, заполняющих пространство. Находясь в пространстве, человек должен ориентироваться в нем. Ориентирование в пространстве является, по сути, установлением местоположения и направления движения предметов в пространстве, а также расстояния между ними [Шамне 2000: 22]. Следовательно, для человека большое значение имеют такие пространственные значения как расположение (как самого человека, субъекта, относительно предметов, заполняющих пространство вокруг него, так и самих предметов), направление движения (по одной из оси пространственной системы координат), характер и скорость передвижения, расстояние.

Особый интерес с точки зрения представления категории пространства носителями разных языков представляют фразеологические единицы, ярко иллюстрирующие культурную специфику восприятия данной универсальной категории. Фразеологизмы с пространственной семантикой через метафорические образы, лежащие в их основе, раскрывают национальную философию, дают представление о мировосприятии представителя той или иной лингвокультуры.

Одной из важнейших составляющих ориентирования человека в пространстве является определение расстояния между предметами, а в восприятии человеком такого параметра пространства как расстояние (до какого-либо объекта или между предметами, окружающими его) можно выделить два полюса: «далеко» и «близко». Рассмотрим фразеологические единицы французского языка с семантикой «близко». Чтобы понять, какие образы лежат в основе метафорического процесса, приведшего к появлению того или иного фразеологизма со значением «близко», проанализируем внутреннюю форму этих фразеологических единиц.

Одними из наиболее характерных для французской лингвокультуры пространственных фразеологизмов со значением «близко» являются фразеологические единицы, образованные по антропометрической модели. Это легко объяснимо, поскольку с древних времен человек соизмерял расстояния с частями своего тела: *face à face, coude à coude, nez à nez, côte à côte, flanc à flanc, à dos, à la barbe de qn, au nez et à la barbe de qn*.

К следующей группе можно отнести фразеологизмы, основанные на использовании лексической единиц с метрическим значением. На протяжении многих веков для человека привычной единицей измерения расстояний, главным образом незначительных, был шаг. Примерами фразеологизмов такого рода могут послужить следующие выражения: *à deux (trois, quatre) pas de, d'ici il n'y a qu'un (deux, trois) pas*. Еще одной естественной мерой длины человеку служила рука: *à la portée de la main*.

Значительную группу фразеологических единиц, передающих значение близости, представляют фразеологизмы, в основе которых лежат метафорические образы из повседневной жизни, связанные с жилищем человека. В частности, это образ двери: *à la porte, porte à porte, aux portes de*.

Во фразеологических единицах французского языка с пространственной семантикой близости отражены метафорические образы, складывавшиеся веками. Для того чтобы выяснить, по-прежнему ли актуальны данные образы для современного французского языкового сознания, нами был проведен лингвистический эксперимент. Респондентам было предложено продолжить фразы:

C'est proche comme...

C'est _____ si _____ proche _____ que...

Vous trouvez qu'un objet se trouve proche de vous si ...

Vous trouvez que vous vous trouvez _____ proche d'un endroit si...

и ответить на вопросы:

Quels villes, pays, localités réels ou imaginés se trouvent à votre avis proche? Pourquoi?

Qu'est-ce qui peut influencer sur votre perception de la distance? En quels cas une grande distance peut vous paraître petite et au contraire ? Citez les exemples des situations pareilles.

В ходе проведенного анкетирования были сделаны следующие выводы. В сознании представителей современной французской лингвокультуры понятие «близко» зачастую соизмеримо с частями тела – рукой («*C'est proche comme ma main*»), носом («*C'est proche comme le bout de mon nez*»), сердцем («*C'est proche comme mon coeur*»), что говорит об антропоморфическом характере восприятия пространства носителями французского языка.

Понятие близости расположения какого-либо объекта связано для французов с возможностью осязания этого предмета. В данном случае мерилom для определения близости нахождения предмета является расстояние вытянутой руки. Если до предмета можно дотронуться, пощупать его, то он находится на близком расстоянии («*C'est si proche que je pourrai le toucher*», «*C'est si proche que je peux l'atteindre avec mes mains*»).

Пространственная категория «близко» также ассоциируется у носителей французского языка с домом, местом, где живет человек («*C'est proche comme ma maison à côté*», «*C'est proche comme la porte à côté*»).

Понятие «близко» для носителей французского языка связано с видимостью объекта. Предмет или же какое-либо место находятся рядом, если они хорошо видны («*Je me trouve proche d'un endroit si je le vois*»).

Категория пространства часто выражается через еще одну категорию, являющую собой важную часть языковой картины мира, а именно категорию времени. Если дорога до какого-либо места не займет много времени, значит речь идет о небольшом расстоянии («*C'est si proche que l'aller et retour ne me prendront que 30 minutes*», «*C'est si proche que je m'y rends en quelques minutes*», «*C'est si proche qu'il ne faut pas longtemps pour y aller*»). Однако здесь следует отметить, что время воспринимается человеком очень субъективно, поэтому понятие временной продолжительности весьма относительно.

Оценивание близости какого-либо места, объекта в сознании французов происходит через оценивание усилий, которые необходимо затратить чтобы этого места/объекта достичь. Чем меньше требуется усилий, тем ближе находится интересующий объект/место («*Un objet se trouve proche de moi si je peux le saisir sans me déplacer*», «*Un objet se trouve proche de moi si je peux l'attraper sans bouger de l'endroit où je suis*»).

В современном мире, охваченном техническим прогрессом, важную роль в преодолении расстояний играет способ перемещения, которым эти расстояния преодолеваются. Так, если до пункта назначения можно пойти пешком, то для французов это означает, что дистанция незначительна («*C'est si proche qu'on pourrait y aller à pied*»).

Близость нахождения какого-либо места для представителей французской лингвокультуры зависит от того, насколько хорошо человеку знакомо это место. Близкими в пространственном смысле французам кажутся хорошо знакомые, привычные места («*La France, les villes françaises. Tout ce qui touche à la France est le domaine "connu"*»,

familier - tout ce qui est à l'extérieur est plus vague»), страны со схожей культурой, в частности европейские государства («*Toute l'Europe est proche parce qu'on à la même civilisation»*). Родственность культур может сделать для французов близкими даже населенные пункты, географически находящиеся на довольно значительном расстоянии от Франции («*Antilles francaises (8000 km depart de Paris), culture identique à la France mais tout prêt des Etats unis. La même chose pour La Réunion, Nouvelle-Calédonie, Polynésie française...*»). Это можно объяснить тем, что Франция является частью единого европейского пространства, в которое входит большое количество разных стран, имеющих единую культурную платформу. Для сегодняшней Европы привычно отсутствие визового режима, что в значительной степени упрощает передвижение между европейскими государствами. Современное высокоскоростное междугороднее и международное транспортное сообщение также делает преодоление расстояний между разными государствами более быстрым, комфортным, а значит «приближает» их.

Полученный в ходе лингвистического эксперимента материал позволяет говорить о том, что в современном французском языковом сознании восприятие расстояния, пространственное понятие «близко» тесно связаны с антропоморфическими и метрическими параметрами, видимостью объекта, с его привычностью, а также с усилиями и временем, которые необходимо затратить для достижения объекта.

Сопоставительный анализ метафорических образов, лежащих в основе французских пространственных фразеологизмов с семантикой «близко» и образов пространства, являющихся отражением современного языкового сознания представителей французской лингвокультуры, выявленных в результате лингвистического эксперимента, показал, что пространственные образы фразеологизмов актуальны и сегодня. Вместе с тем очевидно, что система этих образов значительно расширилась под влиянием изменений, произошедших за последние столетия во всех сферах человеческой жизни – культурной, социальной, экономической, политической, которые, в свою очередь, нашли отражение в современной французской лингвокультуре.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 416с.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – Едиториал УРСС, 2004. 256с.
3. Шамне Н.Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2000. 392с.
4. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: 1994.
5. Leech G. Towards a Semantic Description of English. London: 1971. 277p.
6. Dictionnaire d'expressions et locutions Alain Rey et Sophie Chantreau. Dictionnaires LE ROBERT, 2003.
7. Henry G. Dictionnaire des expressions nées de l'histoire. Paris, 1992. 241p.

МЕЖДОМЕТИЯ, ЗАИМСТВОВАННЫЕ ИЗ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ, В СОВРЕМЕННОМ БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Г.А.Исянгулова
БашГУ
г. Уфа

Междометие представляет собой малоизученный грамматический класс слов, который включает разнородные по своей семантике и выполняемым функциям группы слов.

В башкирском языке междометия являются довольно распространенным пластом лексики, они выполняют функциональную нагрузку в речи. Состав первичных междометий без учета фонетических вариантов и однозначных слов, употребляемых в роли междометий, колеблется в пределах шестидесяти-семидесяти, среди которых есть и заимствованные из других языков (через русский язык) междометия. Рассмотрим некоторые из них:

Баста, и баста

Данное междометие обозначает “хватит, довольно, достаточно, полно” и т.д. Оно заимствовано из итальянского языка, и, более того, является по своему происхождению игорным термином, укрепившимся в литературной речи в XIX в. Точнее, *баста* является термином карточной игры. Примеры: *Ғашик булдым мин, брат, бер кызға. И баста!* “Влюбился я, брат, в одну девушку! И баста!” (Т.Гарипова). *Һин – полководец, мин – һинең адъютантың! Баста!* – *Кунаж шап иттереп еҫтәлгә һукты* “Ты – полководец, я – твой адъютант! Баста! – Гость хлопнул по столу” (Р.Камал). *Атаман үзе белгәс, давай баста*, Македонский “Если атаман сам узнал, давай баста, Македонский” (Р.Камал). *Етди эшкә тотон, тии. И баста!* “Займись чем-нибудь серьезным, говорю. И баста!” (Р.Камал).

Бис, браво

Междометия *бис* и *браво* являются междометиями одобрения зрителей, но *бис* значит не только “превосходно, замечательно”, но и содержит в себе просьбу повторить номер ещё раз. *Бис* и *браво* – иностранцы: первое из французского, второе из итальянского. Французское *бис* восходит к лат. *bis* “дважды, два раза”. Итальянское *браво* – это “смелый, храбрый, молодец”, выражает одобрение, хвалу, радость. Примеры: *Браво! Вәт, егет, исмаһам* “Браво! Вот это парень” (Д.Буляков). *Браво! Әммә мин, кем тигән депутаттың ярзамсыһы, тии һорайым бит* “Браво! Но я спрашиваю, помощником какого депутата ты являешься” (Д.Буляков). *Һин беззе станицынан өр-яңы “Жигули”за каршы аласажһың? Браво, браво!* “Ты встретишь нас на станции на новых “Жигулях”? Браво, браво!” (Т.Гарипова). *О мосье, һезҙең тыуған яктар! Браво!* “О мосье, ваши родные места! Браво!” (Р.Камал). *Тамашасылар алжышлан, “бис” кыскырып, уны сәхнәгә бер нисә тапжыр сажырзылар* “Зрители, аплодируя, вызвали на “бис” несколько раз” (Р.Камал).

Вәт, үәт, вот

Заимствовано из русского языка и выражает:

1. Разочарование. Например: *Вәт энтузиаст! Тел һөйләй инде ул* “Вот энтузиаст! Язык то без костей!” (Н.Мусин). *Вәт, мәкерле, ай-һай, мәкерле* “Вот, коварный, вот, какой коварный” (Д.Буляков).
2. Восторг, восхищение. Например: *Вәт, ажыллы икәнлегең күренеп тора* “Вот, сразу видно, что умный человек” (Д.Буляков). *Вәт, исмаһам, бөгөнгә көн ғаиләһе!..* “Вот это современная семья” (Ф.Исянгулов). *Вәт, кандай оҫталар булған боронғо заманда ла!..* “Вот, какие раньше были мастера!..”

(З.Биишева). Үэт, исмаһам, быларзы пионерзар тифән дә ярай! “Вот это настоящие пионеры!” (З.Биишева).

3. Радость. Например: Үэт, әхирәт тө килде “Вот, и подружка пришла!” (З.Биишева). – Үэт, әхирәт тө торон сықты! Үэт мәрәкә булды! – тин, кулдарын сәпәкәләй-сәпәкәләй, һыңар аяғында һижергеләп каршы алды ул Емеште “– Вот, и подружка выздоровела! Так хорошо получилось! – она встретила Емеш, хлопая в ладоши и прыгая на одной ноге” (З.Биишева).

4. Упрек, недовольство. Например: – Үэт йүнһез, тағы кушылдырған, – тин машина туктар-туктамастан шунда ташланды ул “– Вот недотепа, опять теленка недосмотрела! – машина едва остановилась, она бросилась туда” (Н.Мусин). – Үэт, әй, бәтәһе лә һиңә бәйләнәләрсә, короғорзар! – тин, әсенеп нәфрәтләнде Шәүрә “– Вот, все к тебе привязываются, вредины! – змилась Шаура” (З.Биишева).

5. Утверждение. Например: Вәт, вәт, фәкәт интеллигент булайык, Фәйниар Фәйнуллович “Вот, вот, останемся интеллигентами, Гайниар Гайнуллович!” (Д.Буляков). Художник бабайымдың тыуған көнә! Вәт!.. “Сегодня день рождения бабушки-художника! Вот!..” (Д.Буляков). Үэт, әйттем бит, беззең кейәүзең күнеле таш түгел, тин, күрзегезме? “Вот, я же сказала, что сердце зятя не каменное, убедились?” (З.Биишева).

Маладис, молодец

Заимствовано из русского языка и выражает одобрение. Например: Молодец! Ышанысты акланың “Молодец! Оправдал надежды!” (Д.Буляков). Вәт маладис, мырзам! Фәзел егет икәнһең “Вот молодец, братишка! Справедливым парнем оказался!” (М.Карим).

Марш

Разг. Заимствование из французского через русский язык. Употребляется как приказ уйти, исчезнуть. Например: А ну марш мынан! “А ну марш отсюда!” (Т.Гарипова). Марш! Бөгөндән күземә күренимә! “Марш! С сегодняшнего дня мне в глаза не показывайся!” (Ф.Исянгулов). Марш бынан! Тағы өйөлөшкөндәр “Марш отсюда! Опять собрались” (Р.Камал).

Әйзә, әйзәгез, әйзүк

Заимствовано из русского языка, выражает приглашение, побуждение к действию. Например: – Әйзүк, әйзүк, улыш! – тин алсаж йылмайып, Камилды косажлап каршыланы Юламан карт “– Добро пожаловать, сынок!.. – бабушка Юламан радушно улыбаясь, обнял Камиля” (А.Хаким). – Әйзүк, кызыш!.. – Касимдың катыны Хәсниямал кулдарын балаға һуззы “– Добро пожаловать, дочка!.. – Жена Касима Хусниямал протянула руки к ребенку” (Т.Гарипова). Әйзә, Фәнил, тотайык та үзебәз берәй шаршаулык пьеса язып карайык “Давай, Фаниль, возьмем и сами напишем пьесу в одном действии” (Ф.Исянгулов). Әйзүк! һөйәнсөһөнә – бер самауыр сәй! “Добро пожаловать! Вознаграждение за радостную весть – самовар чая!” (Т.Гарипова). Әйзә! Ни эшләп үзең катып тораһың?

“Проходи! Чего застыл?” (Ф.Исянгулов). – Әйзәгез, әйзәгез, – тил башкалар за гелләште “– Проходите, проходите, – зашумели и остальные” (Д.Буляков). Әйзә, кустым. Килеп кайһылай яким иттең! “Идем, братишка. Хорошо, что пришел” (Т.Гарипова). Әйзә, кызыккай, унда беззе “социализм” көтә “Пошли, девочка, там нас ждет “социализм” (З.Биешева). Әйзәгез, тегендә киттек “Давайте, пошли туда” (З.Биешева). Әйзүк, Зәкиә бит әле. Түрзән уз “Добро пожаловать, ты же Закия. Проходи” (Ф.Исянгулов). Әйзү-үк, Фәлән Фәләнович! “Добро пожаловать, Фалян Фәлянович!” (Ф.Исянгулов). Кешеләр: – Әйзүк, – тил уға урын бирзеләр “Люди ему уступили место: “Добро пожаловать” (Ф.Исянгулов).

Әтеү, әтү

Заимствование из русского языка и выражает утверждение, согласие. Например: Әтеү! Ирзән күзе ут булһын, әйткән һүзе мут булһын! “Конечно! Мужчина должен быть мустрым, у него глаза блещет должны!” (М.Карим). Бар әтеү. Тик, кара уны, ағайыңдан айырылма! “Тогда иди. Но смотри, держись рядом с братом!” (Н.Мусин). Бар, язым, әтү үзем яззырам “Иди, запишись, иначе сама запишу” (Т.Гарипова).

Таким образом, междометия представляют собой обобществленный фонд языковых средств для экспрессивно-драматического выражения эмоций и волевых импульсов. Интонационные, фонетические особенности междометий, их аффективная окраска, их моторно-мимическое и жестовое сопровождение составляют чрезвычайно важную сторону их смыслового строя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Германович А.И. Междометия русского языка. Пособие для учителя. - Киев, 1966. – 172 с. Биешева З. Әсәрзәр: Биш томда. Өсөнсө том. – Өфө: Китап, 2003. – 496 бит.
2. Биешева З. Дуҫ калайык. – Өфө: Китап, 2008. – 340 бит.
3. Бүләков Д. Һайланима әсәрзәр. 2 том. – Өфө: Китап, 2004. – 560 бит.
4. Гарипова Т. Бөйрөкөй. Роман-эпопея. – Өфө, 2006. – 768 бит.
5. Исәнғолов Ф. Һалам эшләпә. – Өфө: Китап, 2008. – 416 бит.
6. Камал Р. Мөхәббәт дошмандары. – Өфө: Китап, 2001. – 352 бит.
7. Кәрим М. Әсәрзәр: 5 том. – Өфө: Китап, 1999. – 592 бит.
8. Кәрим М. Беззән өйзән йәме. – Өфө: Китап, 2003. – 240 бит.
9. Мусин М. Һайланима әсәрзәр: 1 том. – Өфө: Китап, 2003. – 560 бит.
10. Мусин Н. Һайланима әсәрзәр: 2 том. – Өфө: Китап, 2004. – 508 бит.
11. Мусин Н. Һайланима әсәрзәр: 3 том. – Өфө: Китап, 2005. – 480 бит.
12. Мусин Н. Һайланима әсәрзәр: 4 том. – Өфө: Китап, 2006. – 456 бит.
13. Хәким Ә. Өйөрмә. – Өфө: Башкортостан китап нәшириәте, 2002. – 336 бит.

ПОДЧИНЕНИЕ В МЕХАНИЗМЕ МЕЖТЕКСТОВОЙ ДЕРИВАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ РАССКАЗОВ-АНЕКДОТОВ)

Современная малая проза конца XX начала XXI вв. бытует под знаком внутрижанровых трансформаций. Наше обращение к рассказу-анекдоту как к гибридной жанровой форме неслучайно, поскольку сокращение современной формы рассказа и отдаление его от канонических жанровых форм наглядно просматривается именно на примере анекдота. «В современной малой прозе рассказ часто похож на анекдот: в центре – одно событие, набор деталей – предельно скупой, а минимализм выбора деталей обуславливает символическую нагрузку на них; героев – максимум двое <...>. Универсальная структура анекдота позволяет как разворачивать из него повествование крупной формы, так и “сворачивать” его еще далее, сокращая до уровня однострочной, однофразовой миниатюры афористического типа» [Тарасова 2003: 48]. «Раскачивание» канонической жанровой формы малой прозы обусловлено межтекстовым деривационным процессом, который предполагает «преобразование исходного (первичного) текста, сохраняющего свою мотивирующую роль в деривационной структуре производного (вторичного) текста» [Чувакин 2000: 6]. Производным текстом признается тот текст, который частично совпадает с первичным, является его развитием, а также оказывается сложнее в структурном, семантическом и (или) функциональном отношениях. Между первичным и вторичным текстами устанавливаются деривационные отношения, «при которых сохраняется общее структурное ядро текстов, а в качестве переменной выступают смыслы, возникшие на базе преобразования первичных признаков» [Кукуева 2008: 169]. Между текстами двух различных жанровых «этикеток» рассказа и анекдота рождаются отношения производности. Данные отношения, с одной стороны, базируются на генетическом сходстве жанровых форм, что проявляется в стремлении к лаконизму и динамичности повествования, прикрепленности к ситуации, в центре рассказа и анекдота находится событие, требующее наличие говорящего и слушающего. С другой стороны, отношения между первичным текстом анекдота и вторичным текстом (рассказом) представляют собой отношения неравноценных компонентов, организуемых подчинительной связью. Инкорпорирование одного компонента в другой предполагает установление подчиняющего и подчиненного, зависимость подчиненного компонента маркируется различными средствами. В рассказе-анекдоте подчинительная связь проявляется в двух вариантах: в первом случае анекдот включается в рассказ как самостоятельный текст, во втором – текст анекдота растворяется в структуре рассказа.

В данной статье будет рассмотрен второй вариант взаимодействия первичного и вторичного текстов. В создании производного текста принимают участие жанровые признаки обеих форм. В условиях подчинения формируется определенный набор признаков анекдота, выступающих средствами выражения этого жанра. Комплекс таких средств имеет полевою структуру (в работе мы опираемся на идеи жанрового поля М.Ю. Федосюка), при этом одни языковые средства относятся к центру поля и четко противопоставляют один жанр другому, другие – к полевой периферии, при использовании периферийных средств может происходить нейтрализация различий между текстами. основополагающим жанровым признаком рассказа-анекдота выступает ситуативность, понимаемая как: 1) ситуация рассказывания анекдота и 2) анекдотическая ситуация.

В случае растворения текста анекдота в структуре рассказа актуализируются отношения подчинения вторичного текста первичному, что указывает на взаимообусловленную природу данных текстов. Функцию средств деривации выполняют жанровые признаки анекдотического повествования, переносимые из устной сферы бытования в художественно-эстетическую сферу.

Формально-содержательная сторона рассказа-анекдота предопределяется активностью воспроизведения таких признаков анекдотического повествования, как

парадоксальность, лаконичность, театрализованность. Данные признаки проявляются в краткости зачина и смещении кульминации к финалу повествования. Парадоксальная ситуация, сжато представленная в экспозиции и подтверждаемая чередой алогичных поступков персонажа, составляет «сюжетное ядро» повествования. В процессе межтекстовой деривации принцип двучастности анекдота подчиняет себе структуру рассказа: формируется асимметричность частей – расширение интродуктивной части и сокращение концовки. Так например, рассказе А. Аршакиана «Ты сверлил. Козел» привычное течение жизни главного героя нарушает некое таинственное розовое свечение, перестраивающее сознание и тело Венедова. Описание этапов внутренней и внешней «перестройки» соответствует четкому композиционному членению текста: 1) привычная жизнь персонажа, 2) поэтапно описывается алогичная ситуация, вызвавшая изменение в физическом и душевном состоянии героя: *«На третьи сутки, подчиняясь воле Венедова, его тело стало перестраиваться»*; *«На пятые сутки глубокого сна Венедов почувствовал, что может подойти к девушке»*. Трагическая кульминационная часть сдвинута к финалу рассказа: *«Он вернулся к себе, сел на кухне. В памяти возникала девушка со скрипкой на берегу моря <...>. Наверху сверлили. В отчаянии Венедов принес с балкона бутылку с растворителем, взял нож и опять поднялся на верхний этаж. Перед закрытой дверью он разрезал себе руки, сделал надпись на стене, облился растворителем и чиркнул зажигалкой»*. Непредсказуемая финальная часть, присущая анекдоту как первичному тексту, проистекает из смыслового сдвига семантических полей текста, что проявляется в столкновении внутреннего гипнотического состояния героя с реальным положением дел, разрушающим иллюзию «чуда». Парадоксальная реакция Венедова на ситуацию изображается как театральное действие одного актера без зрителя. Актерская игра предполагает установку на смех в финале, однако отсутствие смеховости объясняет подмену комического эффекта трагической концовкой: *«вернувшись с работы, хозяйка квартиры на шестом этаже обнаружила обгоревший труп Венедова. На стене было написано кровью: «Ты сверлил. Козел». Из соседнего подъезда рабочие выносили старую деревянную дверь, они заменили ее на железную»*. Напряжение, создаваемое между компонентами (зачин/финал) структуры, формирует динамичность рассказа-анекдота как способность к быстрому реагированию на акт общения.

Заложенный в содержательной природе анекдота «эмоционально-эстетический резонанс» в производном тексте рождается не только за счет парадоксальности описываемой ситуации, но и благодаря скомпонованности элементов с высокой степенью имплицитности. Поэтому кажущаяся краткость содержания рассказа-анекдота (а иногда предельная краткость, например, произведения В. Нилина, Н. Викторовой, А. Кривошапкина и др.) свидетельствует о наличии «подводного айсберга», подтекста. Парадоксальная ситуация, лежащая в основе сюжета, предполагает развертывание имплицитных звеньев содержания в сознании слушателя (читателя). Работа закона конверсии приводит к уплотнению информационного потока за счет краткости и лаконичности его репрезентации, а также частичного перевода в подтекст. Увеличение объема подтекстовой информации в рассказе-анекдоте в первую очередь достигается посредством функциональной нагрузки ситуации. Данному процессу способствует и уровень языковых средств: троекратный повтор *«Рассердился президент и выключил свет в парламенте. А они из темноты: “Мы не брали, мы не брали”. Еще сильнее рассердился президент и выключил им воду. А они из безводной темноты опять свое: “Мы не брали, мы не брали”* (Н. Викторова Из цикла «Прежние времена»), обращения к читателю *«В растерянности она толкнула очередную дверь, оглушительно звякнувшую колокольчиком, и очутилась... Где бы вы думали? Ни за что не догадаетесь»* (Е. Даровских-Волкова «Сюрприз»).

Таким образом, подчинение как один из путей образования гибридной жанровой формы рассказа-анекдота свидетельствует о сложном характере межтекстовой деривации. Результатом данного процесса служат изменения в жанровом поле анекдота и в жанровой

структуре современного рассказа-анекдота. В центре жанрового поля закрепляются такие признаки анекдота, как ситуативность (доминирующий признак), парадоксальность, театрализованность, смеховость (сопровождающие признаки). Данные признаки особенно активны в ситуации растворения первичного текста в структуре вторичного, при этом нейтрализации подвергаются – устный характер повествования, наличие рассказчика и слушающего, так как созданная анекдотическая ситуация не предполагает рассказывания анекдота.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кукуева Г.В. Рассказы В.М. Шукшина: лингвотипологическое исследование: монография. – Барнаул: БГПУ, 2008. – 284 с.
2. Тарасова С.В. Новый взгляд на малую прозу // Вестник Самарского государственного университета. – 2003. – № 1. – С. 68–74 [Электронный ресурс]. – URL: <http://forum.lki.ru/index>.
3. Чувакин А.А., Бровкина Ю.Ю., Волкова Н.А., Никонова Т.Н. К проблематике деривационной текстологии // Человек – коммуникация – текст. Вып. 4 / Под ред. А.А. Чувакина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 5–29.

К УЧЕТУ СПЕЦИФИКИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Н.А. Мартынова

Орловский юридический институт МВД России

Трудно представить себе развитие какой-либо науки, если совокупность понятий, которые эта наука рассматривает и излагает, не имеет устоявшейся терминологии.

Практическая деятельность по созданию терминов происходит в процессе развития материальной и духовной культуры народов. «История терминологии какой-либо сферы науки, культуры, производственной деятельности — это вместе с тем повесть о закономерностях развития знаний о природе и обществе» [Виноградов 1961: 6]. Терминология является основой языка науки. Анализ закономерностей и особенностей развития терминологий является первоочередной задачей терминоведения как науки, поскольку «без этого современному терминоведению грозит опасность превратиться в чисто описательную науку, фиксирующую отдельные стороны пластов специальной лексики, без обобщения результатов отдельных исследований и попыток их интерпретации, и, следовательно, неспособную дать специалистам предметникам представление о сущности терминологических явлений» [Гринев 1993].

Термин оптимизирует процесс профессионально-научного общения и отражает результаты практической деятельности людей, что способствует развитию человеческого познания.

Основным способом образования терминов права явилось переосмысление слов общего употребления, причем, при преобразовании в термин, слово сохраняло оценочную коннотацию. Оценка является одним из ведущих компонентов значения юридического термина, который востребован аксиологическим характером права.

Оценочные понятия считаются объективно необходимыми в процессе правового регулирования, так как «они часто задают определенную степень стабильности регулятивной прочности: они обобщают в себе лишь типичные признаки правозначимых явлений, а правоприменитель детализирует их самостоятельно в рамках конкретного правоотношения. Таким образом, правовому регулированию придается гибкость и

эластичность» [Власенко 1995: 50-51]. Это дает основание утверждать, что оценка является технически необходимым элементом в семантической структуре терминов юридической терминологии.

Термины - это словесные обозначения понятий, используемых при изложении содержания закона (иного нормативного юридического акта).

В текстах законов используются три вида терминов:

а) общеупотребляемые, т.е. термины в общепринятом, в известном всем смысле; например, «строение», «здание», «документ»;

б) специально-технические, т.е. имеющие смысл, который принят в области специальных знаний - техники, медицины, экономики, биологии, например, «депозит», «промышленное предприятие»;

в) специально-юридические, т.е. имеющие особый юридический смысл, выражающий своеобразие того или иного правового понятия; например, «залог», «владение», «перевод долга».

Специально-юридическую терминологию нельзя ограничивать набором особо сложных юридических выражений и слов. В законах и иных нормативных документах выражения и слова, которые относятся к обычным, общеупотребительным, в действительности имеют свое специфическое правовое содержание, причем в ряде случаев отличающееся от общеупотребительного.

В сущности, в каждой формулировке закона кроется своеобразный юридический смысл, усвоение которого достигается при помощи основательных профессиональных юридических знаний.

Использование терминологии в законах (иных нормативных юридических актах) подчиняется ряду требований. Основные из них:

- единство терминологии: один и тот же термин (например, «должностное лицо», «несовершеннолетний») должен употребляться в данном законе (и во всех других нормативных актах) в одном и том же смысле;

- общепризнанность термина: слова не должны быть «изобретены», придуманы законодателем только для данного закона или применяться в нем в каком-то особом смысле теми или иными разработчиками законопроекта;

- стабильность терминов: они должны быть устойчивыми, их смысл не должен изменяться с каждым новым законом;

- доступность, при всей сложности юридической терминологии слова и выражения закона должны в целом давать правильное представление о содержании его норм.

Что касается английской терминологической лексики, то следует отметить, что юридическая терминология является уникальным объектом исследования, так как характеризуется большим разнообразием сфер применения по сравнению с другими терминосистемами. По сведениям Комиссии по жанрам юридических текстов (Великобритания), количество используемых в профессиональной сфере типов текстов насчитывает около семидесяти.

Проводить исследование систем юридических терминов и понятий в английском и русском языках довольно сложно, так как приходится иметь дело не столько с самими терминами, сколько с разными правовыми системами (как известно, существуют глубокие различия между российским кодифицированным и англо-американским прецедентным правом, которые проявляются, в том числе и на уровне терминологии). Словарное соответствие часто не дает правильного представления о лексической единице, так как за аналогичными терминами в двух языках стоят разные понятия или разный объем значения близких по смыслу понятий. Например, «prosecutor» означает «прокурор», однако функции этих фигур в системах американского и русского права не совпадают, и американец, услышав слово «prosecutor», представляют себе нечто иное по сравнению с тем, что вкладывает в слово «прокурор» русскоговорящий носитель языка.

Для более четкого описания юридических терминологических систем необходимо разработать классификацию терминов данной предметной области, в связи с чем, возникает необходимость выбора классификационных оснований. Одним из таких оснований может являться фактор принадлежности слова к подязыку определенной сферы деятельности.

Классификация, разработанная А.С. Пиголкиным, проводится по вертикальному и горизонтальному принципам. На вершине вертикальной классификации будет терминология, закрепленная в Основном законе и других законодательных актах, то есть общеправовая терминология, которая объединяет термины, используемые во всех отраслях права и обозначающая самые широкие понятия.

Горизонтальная терминология охватывает различные виды межотраслевых и отраслевых терминосистем. Межотраслевая терминология – это термины, используемые в нескольких отраслях права («материальная ответственность», «значительный ущерб», «проступок» и т.д.). Основной объем юридических терминов приходится на межотраслевую терминологию, в то время как количество отраслевых терминов сравнительно невелико. Отличительной чертой отраслевой терминологии является то, что она основывается на предметно-логических связях и отношениях соответствующих понятий, отражающих специфику конкретной сферы правовых отношений.

Несколько иную классификацию находим у Д.И. Милославской, которая выделяет следующие группы терминов:

- 1) общеупотребимые;
- 2) общеупотребимые, имеющие в нормативном акте более узкое, специальное значение;
- 3) сугубо юридические;
- 4) технические.

В юридической литературе также существует похожее деление, при котором выделяются три вида юридических терминов:

- 1) общеупотребительные термины, которые используются в обыденной речи и понятны всем;
- 2) специально-юридические термины, которые обладают особым правовым содержанием («аккредитив», «исковое заявление» и т.п.). Такие термины служат для обозначения юридических понятий, выражения юридических конструкций, отраслевой типизации и т.д.;
- 3) специально-технические юридические термины, которые отражают область специальных знаний, например, правила техники безопасности, техническое обслуживание оборудования, проведение экспертизы технических решений и т.п.

Исследование классификации юридической терминологии позволяет выбрать адекватный вариант именованя явления при переводе профессионально ориентированных текстов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградов, В.В. Проблема авторства и теория стилей. - М. : Гослитиздат, 1961. - 614 с.
2. Власенко С.В. Интерпретация социального контекста: гипотетическая референция как проблема перевода // Problems of Sociolinguistics. Language and Social Contacts. Proceedings of the Fifth International Sociolinguistic Conference, Sofia: INSOLICO, Bulgaria. 1995
3. Гринев СВ. Введение в терминоведение. - М.: Московский лицей, 1993. -309 с.
4. Милославская Д. И. Юридические термины и их интерпретация [Электронный ресурс] // Ростовская электронная газета. 1999. N 21. – URL: http://www.relga.rsu.ru/n27/rus27_1.htm

5. Теория государства и права: учебник / А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев; под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2011. — 743 с. — Серия : Основы наук. ISBN 978-5-9916-1158-9

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ-НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Е.Б. Новикова

Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет,
г. Харьков, Украина

Одним из важнейших процессов развития словарного состава языка является рост лексики за счет новых слов – неологизмов, появление и функционирование которых в языке вызвано непрерывным развитием общества, науки и техники, литературы и искусства. Инновационные процессы в лексико-семантическом составе украинского языка неоднократно были объектом анализа в отдельных временных срезах. Однако имена прилагательные в современном украинском языке не были предметом отдельного исследования, что обуславливает актуальность данной темы.

Целью данной статьи является выявление и описание словообразовательных особенностей прилагательных-неологизмов, зафиксированных нами в современном украинском языке, а также определение наиболее продуктивных словообразовательных средств.

Новую лексику украинского языка исследовали такие ученые, как К.Бритиков, Г.Виняр, Е.Карпиловская, Ж.Колоиз, С.Лукияненко, Д.Мазурик, А.Стышов, Л.Струганец, и др. Большинство лингвистов выявили, что большую часть новых слов составляют имена существительные, которые являются уже достаточно изученными. Имена прилагательные составляют менее значительную часть всех неологизмов. Количество словообразовательных типов среди прилагательных сравнительно меньше, чем в сфере имен существительных. Пополнение класса имен прилагательных происходит в основном благодаря образованию новых слов на базе имен существительных, имен прилагательных, глаголов при помощи суффиксации, префиксации и словосложения.

В сфере суффиксации выделяются следующие типы: с суффиксом **-н-** и его производными (*-ичн-/-ічн-*, *-альн-*, *-арн-/-ярн-*, *-ивн-*, *-альн-*, *-уальн-*, *іальн-*). В качестве производящей базы для прилагательных с морфем **-н-** выступают преимущественно основы существительных как абстрактных, так и конкретных, чему способствуют широкие морфологические условия его сочетаемости [Грищенко 1979:145]. Многочисленна группа иностранных существительных, которые являются производящей основой для образования новых прилагательных с суффиксом **-н-** (Напр.: *анімаційний* ← *анімація*, *геополітичний* ← *геополітика*, *дефляційний* ← *дефляція*, *дивідендний* ← *дивіденди*, *ексклюзивний* ← *ексклюзив*, *бартерний* ← *бартер*, *інноваційний* ← *інновація*, *менеджментний* ← *менеджмент*, *дискетний* ← *дискета*, *дисплейний* ← *дисплей*, *ваучерний* ← *ваучер*, *моніторний* ← *монітор*, *культурологічний* ← *культурологія*, *партократичний* ← *партократія*, *плюралістичний* ← *плюралізм*, *концептуальний* ← *концепт*).

Наряду с продуктивным суффиксом **-н-** и его производными активно используется и суффикс **-ов-(-ев-)**: *байтовий*, *бізнесовий*, *відеокліповий*, *демпінговий*, *іміджевий*, *інофірмовий*, *кітчевий*, *кліповий*, *лізинговий*, *маркетинговий*, *пейджинговий*, *попсовий*, *процесинговий*, *рейтинговий*, *трастовий*, *файловий*, *факсовий*. Следует уточнить, что

практически все неологизмы, созданные при помощи этого форманта, являются производными от иностранных слов.

Нельзя не упомянуть и суффикс **-ськ-**. С его помощью образуются новые прилагательные от имен собственных (*Ангельський* ← *Ангела* (Ангела Меркель), *верховнорадівський* ← *Верховна Рада*, *вітренківський* ← *Витренко*, *ківаловський* ← *Ківалов*); от названий профессий (*аудиторський* ← *аудитор*, *дистрибуторський* ← *дистрибутор*, *брокерський* ← *брокер*, *букмекерський* ← *букмекер*, *продюсерський* ← *продюсер*, *ріелтерський* ← *ріелтер*); от названий социальных и политических групп, партий (*Аупівський* ← *АУП* (Асоціація українських письменників), *лобістський* ← *лобіст*, *монетаристський* ← *монетарист*, *нудистський* ← *нудист*, *тінейджерський* ← *тінейджер*).

Прилагательные данной группы имеют двойную словообразовательную мотивацию, они одновременно мотивируются и существительными со значением лица и соотносительными существительными, называющими свойство, род деятельности, общественное и идеологическое течение. Прилагательные с таким суффиксом образуются как от украинских, так и от заимствованных основ.

Суффиксальный способ в сфере образования прилагательных в современном украинском языке обладает высокой степенью продуктивности. Наиболее плодотворным является взаимодействие суффикса с классом существительных. Суффиксальные прилагательные, образованные от других частей речи (глагол, числительное, прилагательное, наречие, предлог), вместе взятые составляют лишь малую часть в сфере прилагательных-неологизмов. Пополнение русской лексики новыми суффиксальными прилагательными происходит благодаря взаимодействию украинских суффиксов как с основами иноязычных существительных, так и с украинскими основами.

Префиксальный способ словообразования отмечается в небольшой группе прилагательных-неологизмов. Ввиду своего семантического своеобразия префиксы преимущественно сочетаются с глаголами, реже с прилагательными и существительными. В сфере префиксации выделили следующие типы: с иноязычными префиксами: **анти-** (*антиелітний*, *антиінтелектуальний*, *антиносталягійний*, *антиукраїнський*, *антимонополярний*, *антиконституційний*), **ультра-** (*ультраактуальний*, *ультрабезпечний*, *ультраінформаційний*, *ультра сяючий*), **супер-** (*супергероїчний*, *супервіковий*, *супервідповідальний*, *супермодний*, *суперсучасний*, *супербагатий*), **де-** (*депсихологізований*, *дерозумований*, *детабульований*, *деусуспільнений*), **квазі-** (*квазідокументальний*, *квазіінформаційний*, *квазілегітимний*, *квазінезалежний*, *квазіпатріотичний*, *квазірелігійний*), **пост-** (*постбійцівський*, *постбілоблакитний*, *поствиборчий*, *посткомуністичний*, *постнульовий*), **екс-** (*ексмайданівський*, *експомаранчевий*). При помощи собственно украинских суффиксов образовано относительно мало новых прилагательных: **без-** (*безмажорний*, *безмандатний*, *безментальний*, *безмерний*, *безнебій*, *безобличний*, *безталійний*), **не-** (*неавторитетний*, *небезполум'яний*), **під-** (*підешелонний*, *під'європеїзований*).

Префиксальный способ словообразования является, по выражению Е. Земской, самым простым и легким способом образования нового слова [Земская 1963]. Наиболее характерной особенностью префиксации является то, что производные слова относятся к той же части речи, что и производящие; они сохраняют также все другие морфологические признаки производящих слов. Семантика префиксальных новообразований характеризуется тем, что лексическое значение производящего слова в основном сохраняется в производном слове, префикс лишь уточняет лексическое значение производящего.

Префиксально-суффиксальное словообразование является более продуктивным способом по сравнению с предыдущим. Большинство прилагательных неологизмов было образовано от существительных с предлогами при помощи следующих конфиксов: **анти-...-н-**, (*антикорупційний*), **анти-...-ов-** (*антидемпінговий*), **анти-...-івськ-**

(антикультивський, антирухівський), **без-...-н-** (бездотаційний, безнуклідний), **між-...-н-** (міждержавний, міжконфесійний), **між-...-івськ-** (міжбанківський), **перед-...-н-** (перед гривневий), **під-... -н-** (підакцизний), **поза-...-н-(-ичн-)** (поза культурний, позаконституційний, позаісторичний), **поза-...-ов-** (позаблоковий), **пост-...-ськ-** (постчорнобильський), **пост-...-ов** (поствідлиговий).

Следует отметить, что все вышеперечисленные новые слова, образованные при помощи конфиксов, мотивируются существительными или прилагательными, практически нет образований, мотивированных глаголом или наречием.

Некоторыми исследователями [Беликова 1990; Котелова, 1982] уже было отмечено, что среди частей речи прилагательные занимают второе (после существительных) место по своему неологическому потенциалу.

Сложение – это не самый продуктивный способ образования прилагательных в украинском языке. Среди сложных прилагательных-неологизмов выделяются две группы образований: прилагательные, образованные способом чистого сложения и сложно-суффиксальным способом. Примерами неологизмов, образованных способом чистого сложения основ являются такие: *комерційно-активний, самостійно-державницький, табірно-репресивний*. Особенностью этих новых слов является сохранение суффиксов имен прилагательных в составе двух основ.

Производящей основой для образования новых прилагательных сложением сложно-суффиксальным способом в основном служит сочетание основ имени существительного и глагола (напр.: *миротворчий, сльозогінний, державорозбудовчий, державотворчий, добробажаний, теплозберігаючий, природозахисний, українотворчий*). Меньше фиксируем композитов с сочетанием основ имен прилагательных и имен существительных (*минулостолітній, дрібнодухий, високопосадовий, відповідноградусний, високопосаджений, новоімперський*). Немногочисленны группы новых сложных прилагательных, мотивирующей основой которых являются наречия и существительные (*багатооспіваний, багатоканальний, багатопартійний*). Зафиксировано также сочетание числительных и существительных как основ для образования новых адъективов (*п'ятизірковий, двозв'язний, чотирикрилий, одномандатний*).

При анализе смысловых отношений компонентов сложного прилагательного в пределах самого прилагательного отмечают только проявления лексического характера, обусловленные семантическими возможностями основы мотивирующего слова. Свойственная прилагательным определенная зависимость их значения от значения определяемого слова влияет на возникновение или отсутствие отношений между определяемым словом и его компонентами.

Итак, учитывая все сказанное выше, можем сделать вывод, что наиболее продуктивным способом образования прилагательных-неологизмов является суффиксация. Мотивирующей основой для такого словообразования чаще всего служат имена существительные. Префиксальный способ словообразования характерен для иноязычных прилагательных, причем в основном используются заимствованные префиксы. Не менее продуктивным для деривации новых прилагательных является и суффиксально-префиксальный способ. Немногочисленны случаи образования прилагательных-композитов путем сложения основ.

ЛИТЕРАТУРА:

1.Беликова С.Г. Новые прилагательные, образованные способом чистого сложения с сочинительным отношением мотивирующих слов (85-89 гг.): автореф. дис. канд. филол. наук / С.Г. Беликова. – Л., 1990. – 21 с.

2.Горпинич В.О. Морфологія української мови: Підручник / В.О. Горпинич. – К.: Академія, 2004. – 334с.

3. Грищенко А.П. Суфіксальний словотвір прикметників в українській мові // Словотвір сучасної української літературної мови / АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О.О.Потебні. – К.: Наук. думка, 1979. – С.119-170.

4. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование / Е.А. Земская. — М., 1973.

5. Котелова Н.З. Проект словаря новых слов русского языка / Н.З. Котелова. – Л.: Наука, 1982. – 86 с.

6. Мазурик Д.В. Інноваційні процеси в лексиці сучасної української літературної мови (90-і роки ХХ ст.): автореф. дис. канд. філол. наук: 10.02.01 / Д.В. Мазурик. – Л., 2002. – 21 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В.В. Преображенская, Ю.А. Зеремская

Томский государственный педагогический университет

Научно-технический прогресс в значительной мере зависит от распространения научно-технической информации. При этом важной ее составляющей являются научно-технические переводы, объем которых возрастает с каждым годом в связи с расширением потребностей научно-технического общения. [Глушакова 2012:21]

Характерными особенностями научно-технического стиля являются его информативность (содержательность), логичность (строгая последовательность, четкая связь между основной идеей и деталями), точность и объективность и вытекающие из этих особенностей ясность и понятность. Отдельные тексты, принадлежащие к данному стилю, могут обладать указанными чертами в большей или меньшей степени. Однако у всех таких текстов обнаруживается преимущественное использование языковых средств, которые способствуют удовлетворению потребностей данной сферы общения. [Комиссаров 1990:110; Ромашко 2012:34]

Авторы научных произведений избегают применения выразительных средств, чтобы не нарушить основного принципа научно-технического языка – точности и ясности изложения мысли. Это приводит к тому, что научно-технический текст кажется несколько суховатым, лишенным элементов эмоциональной окраски. [Клименко 2007:15]

С точки зрения словарного состава основная особенность текста заключается в предельной насыщенности специальной терминологией, характерной для данной отрасли знания. Термином – эмоционально-нейтральное слово (словосочетание), передающее название точно определенного понятия, относящегося к той или иной области науки или техники. [Клименко 2007: 15, Арнольд 2002:276]

Термин должен быть частью строгой логической системы. Значения терминов и их определения должны подчиняться правилам логической классификации, четко различая объекты и понятия, не допуская неясности или противоречивости. И, наконец, термин должен быть сугубо объективным наименованием, лишенным каких-либо побочных смыслов, отвлекающих внимание специалиста, привносящих элемент субъективности. В связи с этим термину «противопоказаны» эмоциональность, метафоричность, наличие каких-либо ассоциаций. [Комиссаров 1990:111]

В основе стиля современной английской научной и технической литературы лежат нормы английского письменного языка с определенными специфическими характеристиками, а именно:

1. Лексика научно-технических текстов содержит большое количество терминов, неологизмов, заимствований, аббревиатур. Употребляется большое количество

специальных терминов и слов не англосаксонского происхождения. Терминологическая лексика дает возможность наиболее точно, четко и экономно излагать содержание данного предмета и обеспечивает правильное понимание существа трактуемого вопроса. В специальной литературе термины несут основную семантическую нагрузку, занимая главное место среди прочих общелитературных и служебных слов. Нередко случается, что словарь не дает прямого соответствия английскому термину. В этом случае переводчик должен прибегнуть к описательному переводу, точно передающему смысл иноязычного слова в данном контексте (например, wall beam «балка, уложенная вдоль поперечной стены»).

Еще одна немаловажная проблема – это наличие в текстах аббревиатур или сокращений (например, e.m.f. – electromotive force «электродвижущая сила»), которые не всегда понятны даже техническим специалистам. Сокращению может подвергнуться часть словосочетания, например D.C. amplifier – direct current amplifier «усилитель постоянного тока». В некоторых отраслях существуют международные сокращения, понятные во всем мире, которые не требуют перевода, но так как часто необходимо приводить их расшифровку, нужно хорошо разобраться в предполагаемом назначении изделия и в принципе его работы.

Большой удельный вес имеют служебные (функциональные) слова (предлоги и союзы), особенно двойных (that, and that, then, if, as, not merely ... but also, whether ... or, both ... and, as ... as) и слова, обеспечивающие логические связи между отдельными элементами высказываний (наречия);

2. В научно-технических текстах используются только твердо установившиеся в письменной речи грамматические нормы. Широко распространены пассивные, безличные и неопределенно-личные конструкции (вместо *я предпринял попытку показать...* – *была предпринята попытка показать...*; вместо *в своей работе я затрагиваю ряд важных вопросов* – *в настоящей работе затрагивается ряд важных вопросов*; вместо *мы приходим к следующему выводу* – *можно сделать следующий вывод*). Большой частью употребляются сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, в которых преобладают существительные, прилагательные и неличные формы глагола. Логическое выделение часто достигается путем отступления от твердого порядка слов (инверсии);

3. Основная задача научной и технической литературы – предельно ясно и точно довести определенную информацию до читателей. Это достигается логически обоснованным изложением фактического материала, без применения эмоционально окрашенных слов, выражений и грамматических конструкций. Такой способ изложения можно назвать формально-логическим. [Пумпянский 1965:10-11]

Пре переводе английского текста переводчик должен полно и точно передать мысль автора, облекая ее в форму, характерную русскому научно-техническому стилю, и отнюдь не перенося в русский текст специфических черт английского подлинника. [Клименко 2007:21]

Для иллюстрации остановимся на некоторых стилистико-грамматических особенностях английского текста, чуждых стилю русской научно-технической литературы:

а) в английском тексте преобладают личные формы глагола, тогда как русскому научному стилю более свойственны безличные или неопределенно-личные обороты. Например, *You might ask why engineers have generally chosen to supply us with a.c. rather than d.c. for our household needs* «Можно спросить, почему для домашних надобностей обычно используется переменный, а не постоянный ток»;

б) в английских текстах описательного характера нередко употребляется будущее время для выражения обычного действия. Например, *Fig. 10 gives a drawing of a valve; the filament will be seen in the centre* «На рис. 10 приводится чертеж электрической лампы; нить накала видна в центре»;

в) в английских научно-технических текстах особенно часто встречаются пассивные обороты, тогда как в русском языке страдательный залог употребляется значительно реже. Например, This question was discussed at the conference «Этот вопрос обсуждали на конференции»;

г) авторы английской научно-технической литературы широко используют различные сокращения, которые совершенно неупотребительны в русском языке. Например,

d.c. (direct current) – постоянный ток

a.c. (alternating current) – переменный ток

д) некоторые слова или выражения в английском тексте содержат чуждый нашему языку образ. При переводе они должны заменяться аналогами, т.е. выражениями, соответствующими по смыслу, но более обычными для русского текста. Например, We have learned to manufacture **dozens** of construction materials to substitute iron «Мы научились производить **десятки** строительных материалов, заменяющих железо». [Клименко 2007:21-22]

При переводе научных текстов очень важен этап подготовительной (к собственно переводу) работы. Во время подготовки к переводу научной статьи или брошюры, книги или другого вида научного текста переводчик должен вникнуть в тему, проблематику и способы выражения этой темы (термины, характерные обороты). Иначе он рискует просто не понять, о чем идет речь, а если понять, то не сумеет выразить это средствами ПЯ. Кроме того, он должен узнать как можно больше об авторе текста, историческом периоде, в который он жил (если это не ныне живущий ученый), статусе данного труда среди других его работ и работ его коллег, эволюции употребления тех или иных ключевых терминов, сути научных дискуссий по данной проблематике [Литвинов 2012:17].

Перевод научно-технического текста должен верно передавать смысл оригинала в форме, по возможности близкой к форме оригинала. Отступления должны быть оправданы особенностями русского языка, требованиями стиля. Перевод в целом не должен быть ни буквальным, ни вольным пересказом оригинала, хотя элементы того и другого обязательно присутствуют. Важно не допускать потери существенной информации оригинала.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арнольд И. В. Стилистика: Современный английский язык. / И.В. Арнольд – М : Флинта, 2002. - 384с.
2. Глушакова С. Б. Автоматизация процесса перевода технических текстов. // Иностранные языки и межкультурная коммуникация в развивающемся образовательном пространстве: теоретические и прикладные аспекты. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию юбилею факультета иностранных языков ТГПУ, (28 октября 2011г.). – Томск: ТГПУ, 2012. – 92с.
3. Клименко А.В. «Ремесло перевода. Практический курс» / А.В. Клименко – М. : Восток-Запад, 2007. – 640с.
4. Комиссаров В.Н. «Теория перевода (лингвистические аспекты)» / В.Н. Комиссаров – М.:Высш. шк., 1990. – 253с.
5. Литвинов М.Н. Практикум по переводу (английский язык)/ М.Н. Литвинов – Пермь: ПГНИУ, 2012. – 74с.
6. Пумпянский А. Л. «Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык» / А.Л. Пумпянский – М.: Наука, 1965. – 304с.

ВЗГЛЯД НА НАСТОЯЩЕЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВЕЧНОГО В ПОВЕСТИ С. ЧУРАЕВОЙ «ПОСЛЕДНИЙ АПОСТОЛ (ПОВЕСТЬ О НЕОБЫЧАЙНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ СВЯТОГО ПАВЛА)»

И.О. Прокофьева
БГПУ им. М. Акмуллы
г. Уфа

Обращает на себя внимание подзаголовок к произведению «Повести о необычайных приключениях святого Павла», которое, на наш взгляд, не даёт читателю воспринимать текст С. Чураевой как переложение уже знакомого Жития святого Апостола. А если это так, то у нас есть возможность говорить о тексте писателя как о притче, адресованной современному читателю, темой которой является поиск человеком жизненной опоры, поиск истины, поиск Бога.

«Последний Апостол» состоит из вступления и одной повести, распадающейся по замыслу автора на шесть глав. Писатель сразу вводит в текст целый ряд мотивов, которые получают своё развитие в произведении: мотивы любви и ненависти, рождения и смерти, злобы и зависти, чуда и веры.

Начинается текст с эпизода рождения младенца. Доминирующим цветом в этом эпизоде является золотой: «золотые волосы», «глаза <...> с матовыми золотыми крапинками», «тонкие золотистые ресницы», «тонкие золотистые брови», «в золотистом пуху», «бело-золотые пятки», «бело-золотые ногти», «золотистое козье вымя». Золотой – это даже не цвет, а свет, который излучает душа человека, с избытком одаренная с выше добром и любовью. Всё проникнуто любованием и любовью матери новорождённым сыном. «Ничего в ней нет, кроме любви. Слишком много любви. Любовь переполняет её. Светится сквозь кожу, стекает по волосам, по веснушчатой спине, веснушчатой груди. Дрожит на губах, на ресницах» [1, с. 4]. Что может быть более величественного и прекрасного, чем образ матери, впервые прижавшей к своей груди только что родившегося ребёнка?

И только человек, чьё сердце слепо, а душа пуста, не видит этого. Для Иосифа его жена – «бесстыжая тварь» и «дура». А для Иакова его сводный брат – тот, из-за кого его душа почернела от зависти. Он убеждён, что «и в смерти ему повезло, как незаслуженно везло всю жизнь. Имя его передаётся из уст в уста, и люди почитают его мессией» [1, с. 5]. Вечны и неистребимы в сердце человека злоба, зависть и ненависть. Даже видя чудеса, подтверждающие избранность Сына Божьего, не прозревает Иаков, скрывая мысли свои и сомнения под личиной доброго самаритянина, мучимый гордыней и недовольный, что он так и проживёт всю свою жизнь, оставаясь только братом Его. «Его, Иакова, мать ещё в чреве своём посвятила Богу. Он всегда жил праведно, а Иисус грешил против закона. Зато теперь он, Иаков, до самой смерти лишь «брат Господень», не иначе! «А, – говорят про него люди, – это который брат Его?». Как глупо и несправедливо! Ведь не может какая-то любовь стоять выше закона и преданности» [1, с. 5].

Ещё два персонажа появляются во вступлении к основному рассказу: Савл (из города Тарсы) и Стефан. Прочь от места казни Стефана спешит Иаков, ничто не должно нарушить размеренность его жизни, даже любимое развлечение толпы – убийство «разбойника», возмутителя покоя. А Савл руководит казнью. Ведь он тот, кто вершит закон и справедливость.

Вершить закон и справедливость он будет и ночью, громя дома христиан-эллинистов в Иерусалиме. За это «нелепый низкорослый юнец, кривоножка», будет отмечен синедрином и отправлен в Дамаск расправиться с «назорейской пакостью». Собственно, с этого и начинается история преобразования человека – история Павла. А пока трусость, алчность, слепота, жестокость, безверие управляют палачами синедриона и «азартными добровольцами».

На своём пути в Дамаск Савл и его попутчики встречают странную компанию. «<...> громный человек с львиной головой <...>. Тут подошли ещё люди, странные чужеземцы, явно варвары по обличию. Один с косматой бородой, с пышным завязанным хвостом волос на макушке, свирепый краснолицый, бритый, но с полоской воинственно торчащих волос на голове, с иссечённой шрамами рожей, одетый в лёгкие доспехи, грубый плащ в руке – обоюдоострый топор. За ними ещё – дикие, страшные заполнили поляну, явно не стесняясь прибывших ранее» [1, с. 9].

Но среди этой «дикой ватаги» особое внимание Савла привлекают два человека: у одного одежда была порвана, глаз выбит, тело в ссадинах, крови, и очень похож он на убитого Стефана, а у другого «по лицу и по одежде видно, что местный, иудей, только ноги босы». Последний и будет разговаривать с Савлом в пещере, когда тот очнётся после падения. И в этом иудее, говорящем с галилейским акцентом, узнает Савл Иисуса. И Сын Божий назовёт его Павлом, его вторым тайным греческим именем, которым называла его «тщеславная мать».

А пока Савл не знает, кто перед ним, подталкиваемый любопытством, затевает разговор с иудеем, желая узнать о роде занятий «странных чужеземцев». Варвары оказываются кладоискателями.

Диалог Савла с «гробокопателями» имеет глубокий подтекст. Он состоит из нескольких важных микротем: клад как поиск материальных и духовных сокровищ; слепота и прозрение, умение видеть незримое, духовное прозрение; богоизбранность, ответственность за богоизбранность; чаша жизненных испытаний, которую должен испытать человек на пути к духовным сокровищам. «Что есть богоизбранность? – отхлебнув из бутылки, изрёк галилеянин. – Бог избирает и даёт многие дары. Ты, одарённый вдесятеро, лучше ли прочих? Нет, ты в вдесятеро отвечаешь перед Господом своим. Пастуху, пасущему десять овец, больше хлопот и меньше праздности, чем пасущему одну овцу. Ему вдесятеро отвечать перед господином. Тебе, богоизбранному, предстоит много трудов. Выпей с нами. <...> – Пить познание горько, – подтвердил проводник, но от него становится легко и приятно телу. <...>» [1, с. 10].

Очнувшись после падения, Савл видит в пещере принесённые в жертву трупы младенцев, встречает кладоискателей, говорит с Иисусом. Как человек приходит к вере? Как становится зрячей его душа? Как зарождается в его сердце свет истины? Ответ на все эти вопросы прост: только узнав, чего больше боится человек, и избавившись от этого, обретает он веру. Именно это путь к Богу. Автор повести неслучайно рисует читателю внешне непривлекательного молодого человека. Боится Савл насмешки, она наполняет сердце героя злобой, она толкает его на жестокую расправу с христианами-эллинистами. Став, как кажется Савлу, «холодным клинком справедливости», он может возвыситься над другими и перестать быть нелепым низкорослым юнцом и кривоножкой.

Но не внешний облик героя будет важен в последующих главах повести С. Чураевой, а духовное преображение Павла, этапы развития и становления его души. Ведь прозрение, обретение веры – это процесс длительный и мучительный, полный ошибок и испытаний.

«– Как победить страх, Господи!

– Если зол, остановись, оглянись, найди свой страх и посмотри ему в лицо. Посмотри: ты испугался костей, но ведь они не могут причинить тебе вреда. Ты испугался меня и гонишь, но посмотри – я ведь люблю тебя, Павел! Страх на поверку слишком мал или побеждаем любовью, которая сильнее страха и сильнее злобы.

– Я не знаю, что такое любовь.

– Возлюби ближнего, как самого себя.

– Я не люблю себя. Я не знаю, что такое любовь» [1, с.14].

Герой ослеп после падения, но прозревает его душа. Впервые счастлив был Павел, впервые он поверил в любовь Сына Божьего, впервые он вышел на волю, вырвался из

мрака злобы и ненависти и увидел то, что было сокрыто от его глаз: Вселенную, Создателя, Слово.

В Дамаске в доме Иуды к Павлу благодаря Ананию вновь возвращается зрение. Тарсянин идёт в синагогу, чтобы поделиться с иудеями знанием, которое переполняет его. Но там не слышат Павла, над ним смеются, там нет истинной веры. Это первая неудача героя на его тернистом пути к вере и свету.

Встреча с Варнавой, который ведёт героя на трапезу к братьям, показывает, что душа Павла ещё не вырвалась из мрака заблуждений, ему ещё не ведомы настоящая любовь к человеку, умение принять и понять его. Недоверие вызывают у него слова Варнавы, в его сердце всё ещё живет гордыня. На простой вопрос, кого он любит, Павел не знает ответа.

Привлекает особое внимание тема язычества в диалоге Варнавы и героя.

«– Языческие боги, – подхватил Варнава, – обожествлённые предки. Кого ни спроси, тот ведёт свой род или от Геракла, или от Аполлона, или от самого Зевса. Многие мёртвые стали богами так давно, что весь народ у него в потомках. Народ чтит бога, как отца, а тот – прошедший рубеж смерти, рубеж более высокого, чем земное, знания, – хранит своих детей. Прибавь сюда древнюю способность договариваться с духами растений, животных, скал и прочее – вот тебе языческие верования. <...> Язычникам нравится лепить, резать из камня, рисовать тех, кого они любят. Они любят богов, красивых женщин, мальчиков, героев – они их и лепят, богов, женщин, героев. Всё божественно в мире, они радуются всему и стремятся запечатлеть свою радость – разве это плохо?» [1, с.19].

Слова Варнавы для Павла – слова провокатора и предателя. Для героя он «путаник, трепло, опасный мечтатель, порченный еврей, доносчик, патриот, чудак». Опасный безумец утверждает, что Бог должен быть един, император один, язык у народов один и дело останется только за единой верой. Тогда «не будет войн, будет время и силы на созидание и радость». Варнава убеждён, что «вера создаёт для человека мир» [1, с. 19]. Аргументы в пользу этой мысли получает белозубый красавец в беседе с мальчиком, которого случайно встречают путники. Варнава спрашивает его, кто гасит звёзды. Мальчик уверен, что звёзды – души цветов и птицы своим пением утром призывают души вернуться на землю. Поэтому и гаснут звёзды. И никто не сможет доказать ребёнку, что это не так. Эти знания он получил от своих предков и считает их незыблемыми.

Разговор Варнавы и Павла занимает важное место в тексте. Он позволяет читателю понять, что душа героя находится ещё только на пути к вере и Богу. Заповедь Божья о любви к ближнему остаётся закрытой для Павла. Ещё нет в его сердце места терпимости и настоящей любви к человеку. Эпизоды в синагоге и встреча с симпатичным улыбчивым красавцем Варнавой контрастны. Пламенная речь Павла, обращённая к иудеям, слишком правильная, в ней всё изобилует готовыми книжными истинами. А размышления Варнавы полны убедительных примеров и доказательств, основанных на жизненном опыте и наблюдениях. Для Павла Варнава – опасный болтун, которого надо убить. Павлу неведомы терпимость и смирение.

Ещё одно испытание ждёт Павла. Пока мало что изменилось в душе молодого человека, он всё ещё продолжает быть «клинком справедливости», но теперь, как ему кажется, в руках Господних. Павел сталкивается на узких улицах Дамаска с царём Аретом и его спутником. Жизни тарсянина будет угрожать смерть, а виной тому злоба и гордыня, которая не покидает его сердце. Бессмысленно спорить с тем, у кого есть власть и деньги, кто жесток и абсолютно уверен, что он может карать и миловать.

Речь Павла дерзкая и, может показаться, отчаянно смелая. Но это не отвага, а страх показаться слабым и смешным. Его истинное состояние передано писателем точными ремарками: «крикнул злобно», «неестественно взвизгнул», «Павел хихикнул», «Павел промолчал», «крикнул Павел». Все эти примеры передают волнение, страх и неуверенность героя. Но «упасть в пыль и расплакаться» герой не может. «Господи,

Иисусе! – взмолился нечастный Павел. – Господи, спаси и помоги. Не оставь меня в беде, Иисус, галилеянин! Не для того же ты заговорил со мной, чтобы позволить смерти забрать меня сейчас. Сейчас, когда я ничего не успел сделать<...>» [1, с. 22].

Арет не убил Павла и не выколол ему глаза, как хотел, он приказал отвести его во дворец, чтобы в назидание другим, тем, кто кричит о равенстве, наказать «наглого оборвыша». Разве можно добиться в этом мире социального равенства или отстоять принципы естественного природного равенства? Разве изменилось отношение толпы к власти? Во все времена неизменно оно: одни восторженно ликуют, что видели «небожителей», другие, злобно шипя, перебивают им косточки. И «чем популярней особа, тем приятней обдать её презрением» [1, с. 23]. Неизменна человеческая натура, неизменны законы, по которым сам человек обустроил этот мир.

Павлу удаётся сбежать, но, ища спасения в доме Иуды, куда он возвращается, его предают. Наивно звучат слова Павла, его мольба о помощи, обращённые к Иуде: «– Нет чужой беды! Мы – одно тело. Ударить одного, больно всему миру. Спрячь меня, брат Иуда!» [1, с. 24]. Помощь Павел получает от чужака, негра из «дикой ватаги», сопровождавшей Иисуса. «Негр вёл Павла по уже знакомым тому местам. «Здесь, в Дамаске, мы не живём с евреями», – сказал когда-то приятный с виду человек по имени Варнава. Тогда Павел так и не дошёл до назорейской общины. Как хорошо, что она так далеко от еврейского квартала. Павел невольно всхлипнул. Надо скорее убираться из Дамаска: евреи, раз уж решили, обязательно выдадут его власти» [1, с. 24]. Трусость и алчность неистребимы в человеке.

Символически в повести образ чаши. Она достаётся Павлу от негра, её он должен сохранить, свою чашу испытаний и страданий он должен испытать. Чаша – символ стойкости и истинной веры в повести. Её толкает Павел по пустыне, когда был брошен умирать там людьми из племени Бани Адам. Она ведёт и спасает его, потому что она дарована ему Иисусом.

Вновь и вновь видит Павел сон-воспоминание, скребя верблюжьей шкурой в плену у дикарей-язычников. Он беседует с римским легатом, «они оба обучены разговору, потому через равные промежутки времени просто давали друг другу высказать умную мысль» [1, с. 27]. Изнывая от зноя, они говорят о комфорте и о будущем империи – о вещах, таких бесполезных и таких далёких от простой и суровой жизни «кочевников-верблюжатников». Слаб и изнежен человек. И обида на Бога гложет душу Павла, умирающего в пустыне, а вера в него спасает его. Павел окончательно прозревает, испытав жалость к мучителю своему кочевнику Лукхаду, и обида на Бога уходит из сердца его. «Когда Павел увидел чашу, покой оставил его. Он вспомнил Лукхада и свою жалость к нему. Добрый Лукхад: он не боится ни голода, ни боли. Но тот, кто суров к себе, не знает жалости к другим. В нём нет страха, но любви в нём нет тоже, потому что он справедлив. Справедливость не терпит милосердия и любви, а без любви нет Бога. <...> Жалость нестерпимо жгла Павла, лишив его покоя и счастья. Он понял, что не может больше лежать тут, что он должен найти кочевников и помочь им» [1, с. 29]. Впервые Павел боролся за жизнь не ради себя самого, а ради других пусть непонятных ему и далёких от него людей. Бредя по пустыне, Павел начинает понимать «языки всех предметов и тварей вокруг себя, отчего пустыня для него сразу наполнилась жизнью» [1, с. 30]. А ведь ещё так недавно он гордился, тем, что понимает языки человеческие и ангельские, не имея в сердце своём любви к человеку. Три года прожил Павел в племени, а вернувшись был потрясен красотой мира Божьего. Чудом кажется Павлу всё сотворённое Создателем «силой творящего слова» на земле. Но единственная тварь ничтожна на ней – человек, потому что неистребимы в нём страх и ненависть к себе подобным. «Где ты, Господи? Как без твоей любви пережить мне это отвращение к подобию Твоему, обгаженному веками? Видно, вправду близок конец времён – ливень, смывающий неудачу Творца. Огонь, что испепелит уродливые тела, не сохранившие искру божью. <...> Кал пёсий. Пёсий кал у дороги – вот что я. Иудейский бог, Великий Господь отвернулся от меня, нерадивого, запоганенного в пустыне» [1, с.

31]. Как легко посеять сомнение в душе человека, ничего не меняется в природе его. Мы встречаем в повести С. Чураевой устойчивую антитезу: мир цивилизации – естественно-природный мир. Человек цивилизации и культуры, так много создавший для комфортной и сытой жизни, проигрывает в противостоянии дикому, пусть даже жестокому, но первозданному в своей простоте и естественности миру.

Павел возвращается в Иерусалим, где пробыл всего пятнадцать дней. Его просят уехать в Тарсы, чтобы избежать беспорядков и новых казней. И вновь в сердце Павла просыпается страх, от которого он так и не может избавиться. Легче умереть, чем быть осмеянным в родном городишке. Страх перед насмешкой так и не оставляет его. Слаб, слаб человек. Но Павел нашёл в себе силы вернуться домой.

Пожалуй, самой горькой по своей эмоциональной тональности является последняя сцена в тексте повести. В родном городе приходит к герою сапожник Картафил, чьё сердце тоскует с тех пор, как оттолкнул он Иисуса, шедшего на казнь. Павел крестил его, но не избавил от тоски, измучившей Иакова (это имя получи Картафил после святого таинства). Эта сцена вновь возвращает нас к началу произведения. «Люди не хотят слышать о Боге. Они любят говорить о Боге, но никто не хочет слушать о нём. Ведь тогда придётся прислушаться к себе. И услышать, что вся жизнь твоя – пустой звон. Суета и мерзость» [1, с. 32]. Иаков тоскует, сознавая собственную ничтожность, искренне не понимая, почему «бандит, смертник», «с виду обычный человек», идущий на казнь, лучше его, хорошего мастера и сильного, красивого мужчины. Он видел Иисуса и оттолкнул его, и теперь на всю оставшуюся жизнь останется Бутадеусом – ударившим Бога.

Так заканчивается история о Павле, а точнее, история о человеке, чья душа тоскует, обуреваемая вечным сомнением, страхом и тщеславием.

Повесть «Последний Апостол» была напечатана в журнале «Октябрь» (№ 6, 2003), публикацию предварял небольшой отзыв В. Маканина о тексте С. Чураевой. «Евангельская тематика плодотворна, если писатель талантлив. Леонид Андреев... Бунин... Булгаков... И это лишь сразу вспоминающиеся русские авторы. А сколько ещё иноязычных! Апостол Павел – одна из сложнейших фигур Нового Завета. Чаще всего он представляется крепким мужчиной, который ещё вчера был Савлом – свирепым гонителем христиан. Чураева даёт совсем другой образ: её Павел – это зажавший себя в кулак, колеблющийся и глубоко тоскующий человек. Да, он обратился. Да, он верует. Но как же он боится самого себя! Но как же ещё много, бесконечно много трудиться этому испуганному сердцу!.. <...> Проза Светланы Чураевой – внешне лёгкая, но одновременно тонкая, выверенная в каждом слове – оптимальная для читателя наших дней» [1, с. 3]. Трудно не согласиться с этим отзывом. Павел – это образ, который аккумулирует в себе черты не новозаветного героя, а современного человека, чей мир лишён гармонии, чья душа, как язвами, изъедена сомнением, заражена безверием и лишена твёрдости в поиске истины.

К такому же выводу приходит Е. Ермолин: «Сегодня не нужен евангельский ликбез; великому Павлу не убудет от того, каким его изобразила Чураева – свободно, не канонично. Но проблема в том, что вечность оказывается слишком близкой. <...> Текст становится только поводом для обновления в душе архитипического евангельского смысла. И мы начинаем думать не о характеристической рельефности, с какой преподнесён нам непривычный Савл-Павел, не о живописных перипетиях его жизненного пути, домысленного автором» [2]. Безусловно, «вечность оказывается слишком близкой», если не сказать больше, что в тексте современность предстаёт в «оболочке» евангельского сюжета.

Повесть С. Чураевой «Последний Апостол» оправдывает своё название только с позиции обращения автора к знакомому новозаветному сюжету. Но образ, созданный писателем, – наше больное, исковерканное настоящее. Возможно, именно такой приём – взгляд на настоящее через призму вечного – даёт возможность писателю обнажить человеческую суть, раскрыть причины её распада.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Чураева С. Последний Апостол (Повести о необычайных приключениях святого Павла) \ \ Октябрь. – 2003. № 6.
2. Ермолин Е. Новая Литература на рубеже веков \ \ В кн.: Новые писатели на рубеже веков. Форум молодых писателей России. – М.: Изд. «Книжный сад», 2003.– С. 11.

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕННОМ ЗНАЧЕНИИ ДЕЕПРИЧАСТИЙ

Н.А. Сафронова

Владимирский государственный университет

Среди лингвистов нет единого мнения по поводу грамматического статуса деепричастия в связи с тем, что оно сочетает в себе признаки глагола (в русском языке к таким признакам следует отнести вид, залог, а также систему глагольного управления, которая распространяется и на формы деепричастия) и наречия (для русского языка – отсутствие форм словоизменения, способность выступать в функции примыкающего члена предложения, чаще всего обстоятельства). Нет единства и по вопросу о категории времени у деепричастий. Некоторые ученые считают, что у деепричастий представлена категория времени (Н.И. Греч, А.М. Пешковский, С.И. Соболевский, А.А. Зализняк и др.]. Однако большинство современных исследователей полагают, что деепричастие не обладает категорией времени, а способность обнаруживать в предложении относительное временное значение связывают с видом. Вместе с тем, независимо от того, какой точки зрения по вопросу о наличии / отсутствии категории времени в деепричастиях придерживаются лингвисты, они единодушны в том, что деепричастия обладают относительным временным значением: «Деепричастное действие всегда соотносительно со сказуемым, поэтому относительное временное значение является для деепричастия основным» [Камынина 1999: 181]. Деепричастия обычно «обозначают отношение ко времени основного действия, то есть выражают относительное время» [Бондарко, Буланин 1967: 80].

Выражению относительного времени деепричастиями уделялось и уделяется много внимания. Именно деепричастные конструкции с этой точки зрения могут считаться наиболее изученными, однако вопрос об относительном временном значении названных конструкций нельзя считать полностью решенным. Проявление относительного времени в деепричастных оборотах связывают прежде всего с видовыми модификациями деепричастий.

В «Русской грамматике» (1980) отмечается, что деепричастия несовершенного вида (НСВ) обычно передают одновременность с глагольным действием, а деепричастия совершенного вида (СВ) могут передавать разные временные отношения: 1) предшествование (*остановившись, сказал*), 2) одновременность состояния как результат предшествующего действия (*сидит, нахмурившись*), 3) следование (*растегнул сюртук, открыл рубашку навыпуск*) [РГ 1980: 672].

Однако указанные временные значения не исчерпывают всего многообразия выражаемых деепричастиями отношений. Так, деепричастия НСВ далеко не всегда обозначают действия, одновременные с глагольным действием. В связи с этим нередко вместо термина «одновременность» применяется более широкий термин *соположенность* [КРГ 1989: 308].

Соположенность предполагает как полное совпадение во времени деепричастного и глагольного действий: *А дождь, падая, шумел так холодно, монотонно (М. Горький)*, так и частичную одновременность, когда глагольное и деепричастное действия совпадают по времени своего проявления лишь частично, т.к. одно из них занимает больший промежуток времени, либо одно из действий сопровождает другое, проявляясь периодически: *Он шел без хлыста, изредка оборачиваясь назад, собираясь перевести лошадь на кентер (А. Куприн)*.

В.В. Виноградов отмечал, что в том случае, если в предложении «подчеркивается видовое значение повторяемости, кратности, обычности», деепричастие НСВ может обозначать действие, сопутствующее основному, «хотя бы в порядке предшествования» [Виноградов 1972: 320]: *Вставая утром, он не находил на обычном месте своего платья и должен был вести продолжительные переговоры, чтобы получить чистое бельё... (М. Салтыков-Щедрин)*. Значение предшествования формируется и рядом других факторов, в том числе использованием в составе обособленных деепричастных оборотов наречий и предложно-падежных сочетаний со значением предшествования: – *По мере того как я читал, вы улыбались, но я до половины не дошел, как вы остановили меня, позвонили и вошедшему слуге приказали попросить Татьяну Павловну, которая немедленно прибежала с таким веселым видом, что я, видя ее накануне, почти теперь не узнал (Ф. Достоевский)*.

Значение следования не характерно для конструкций с деепричастиями НСВ, однако в ряде случаев действие, выраженное деепричастием НСВ, может следовать за действием, выраженным сказуемым: *В мае я переселился, по её желанию, в старинную подмосковную усадьбу, где были настроены и сдавались небольшие дачи, и она стала ездить ко мне, возвращаясь в Москву в час ночи (И. Бунин)*. Это значение может подчеркиваться при помощи специализированных лексических экспликаторов (наречий времени, предложно-падежных сочетаний), без которых между деепричастием НСВ и глаголом-сказуемым сложилось бы иное временное соотношение, в частности значение одновременности, наиболее обычное для обособленных конструкций подобного типа: *И он, и она прислушивались к этим звукам, уловляли их и спешили выпевать, что каждый слышит, друг перед другом, не подозревая, что завтра зазвучат другие звуки, явятся иные лучи, забывая на другой день, что вчера было пение другое (И. Гончаров)*. Ср.: *И он, и она прислушивались к этим звукам, уловляли их и спешили выпевать, забывая, что вчера было пение другое*.

Глагольное и деепричастное действия могут мыслиться как сопутствующие друг другу на протяжении достаточно длительного периода времени. В этом случае возможно возникновение недифференцированных временных отношений между действиями, когда в пределах целостного периода времени действия не упорядочены относительно друг друга: *Обычай этот хоть и сохранился теперь, но в нём как-то не стало прежнего смысла, потому что и реки теперь вскрываются как попало, и коров выгоняют не по Егорью, а по погоде, справляя Егорья больше уже по привычке да понаслышке от стариков (С. Клычков)*.

Кроме названных случаев соположенности действий можно выделить и примеры, в которых действия только представляются одновременными, не являясь таковыми. Для обозначения временного соотношения таких действий предлагается термин «псевдоодновременность» [ТФГ 1987: 250]. Наиболее типичные случаи проявления псевдоодновременности связаны с тем, что деепричастия могут иметь интерпретативно-оценочный характер, т.е. характеризовать глагольное действие с другой стороны, отражая точку зрения отправителя речи. В этом случае представлено не два различных действия, а одно действие, сопровождающееся его оценкой или интерпретацией: *Ситуация сложилась невероятная: наглый обольститель в глаза отрекался от предмета страсти, ставя тем самым этот несчастный предмет в положение двусмысленное и оскорбительное (Б. Васильев)*.

Препятствуют возникновению отношений одновременности деепричастия НСВ и глагола и субъективно-модальные значения неуверенности, предположительности, которые могут возникать в предложении при наличии специализированных модально-вводных слов (*видимо, видно, должно быть, кажется, наверно, очевидно* и т.д.): *Он спохватился и покраснел, видимо стыдясь собственной разговорчивости* (В. Белов); сравнительных союзов и частиц (*словно, будто, точно, как будто, как, якобы*), сочетаний *будто бы, словно бы* и др., служащих для ввода деепричастной конструкции в состав предложения: *Они исчезли покорно, без борьбы, словно зная о справедливости: всему свой черед и свое место* (В. Белов); *Выдержала паузу: посмотрела сквозь вино на свет, повернула голову, как бы желая увидеть далёкое, за горизонт заглянуть, вернулась к присутствующим, оглядела их по очереди, слабо улыбнулась, подарив им одобрение...* (Н. Нестерова). В указанных конструкциях между деепричастиями НСВ и глаголом также формируются отношения псевдоодновременности.

Названные ранее относительные временные значения деепричастий СВ (предшествование, одновременность и следование) также нуждаются в некоторых комментариях. Прежде всего следует отметить, что для конструкций с деепричастиями СВ основным темпоральным значением следует признать значение разновременности деепричастного и глагольного действий. Разновременность чаще всего реализуется в предложении как значение предшествования деепричастия. Препозицию можно считать сильной позицией для выражения значения предшествования деепричастием СВ, так как именно эта позиция способствует возникновению указанного темпорального значения: *Подержав некоторое время Аннушку без воздуха, беспиджачный иностранец снял пальцы с её шеи* (М. Булгаков).

В постпозиции могут проявляться отношения и предшествования, и следования, и одновременности деепричастного и глагольного действий: *Первое, что он увидел, проснувшись поздно утром, был сидевший против него на диване с газетой в руке Мефодий Исаевич Тоффель* (А. Куприн) – значение предшествования; *И все ушли в деревню, рассказав старикам, что там лежит нездешний, ничего не бает* (И. Гончаров) – значение следования; *Пантелей и Вася сидели на крутом берегу, свесив вниз ноги, и глядели на купающихся* (А. Чехов) – значение одновременности. При этом одновременность чаще всего связывается с некоторым ослаблением самостоятельности действия, выраженного деепричастием СВ, и наблюдается в случаях, когда деепричастие обозначает действие-состояние, возникающее как непосредственный результат, следствие глагольного действия, представляющего собой качественную характеристику этого действия: *Один только Соломон как ни в чем не бывало стоял в углу, скрестив руки, и по-прежнему презрительно улыбался* (А. Чехов), либо в том случае, когда деепричастное и глагольное действия представляют собой один сложный акт или деепричастное действие является составной частью действия, выраженного глаголом: *Пообедали вместе по очереди, порядочно выпив водки и катехинского, разговаривая о недавно созванной Государственной думе, спросили кофе* (И. Бунин).

Употребляясь в составе «многоплановой темпоральной ситуации» [ТФГ 1987: 238], то есть ситуации, не объединенной целостным периодом времени, деепричастие может обнаруживать связь с моментом речи говорящего, то есть абсолютную временную ориентацию. Это значение может наблюдаться при соотнесении деепричастного действия с глаголом в форме будущего времени или в сослагательного наклонения: – *Эдаким манером, два дня не евши, мы с голоду помрём...* (Б. Пастернак); *Наше дворянство и теперь, потеряв права, могло бы оставаться высшим сословием, в виде хранителя чести, света, науки и высшей идеи...* (Ф. Достоевский). Как отмечает А.А. Камынина, при отнесении деепричастия СВ к глаголу в форме будущего времени деепричастие «называет по отношению к моменту речи действие реальнопрошедшее, тогда как финитная форма относит действие к плану реального будущего» [Камынина 1980: 302]. Вместе с тем нередко в указанных типах конструкций деепричастие обозначает действие, которое

реально не осуществилось, но воспринимается как предшествующее действию, названному глаголом в форме будущего времени или ирреального наклонения, являясь одновременно условием или причиной его существования. Это придает деепричастию значение ирреальной модальности, что предполагает значение временной неопределённости, которая может быть конкретизирована как значение неопределённого предшествования деепричастной конструкции сказуемому: *Когда Гордон проезжал околицей, издававшей запах аптекарской ромашки и йодоформа, он думал, что не будет заночёвывать у Живаго, а, проведя день в его обществе, вечером выведет назад на железнодорожную станцию к оставшимся товарищам (Б. Пастернак); Рудин, умный, пронизательный Рудин, не в состоянии был сказать наверно, любит ли он Наталью, страдает ли, будет ли страдать, расставшись с нею (И. Тургенев); Закрыв глаза, смело отдайтесь воле стихии (Н. Нестерова).*

В постпозиции деепричастия СВ к глаголу могут возникать и недифференцированные временные отношения: – *Прощай, старая Обломовка! – сказал он, оглянувшись в последний раз на окна маленького домика (И. Гончаров); Команда отступила, выставив вперёд бледного и взволнованного Василия Степановича (М. Булгаков).* Действия, названные деепричастиями, могут как предшествовать глагольным, следовать за ними, так и совпадать по времени.

Субъективно-модальные значения предположительности, неуверенности и т.п., а также интерпретативно-оценочный характер деепричастия способствуют возникновению в деепричастной конструкции значения, которое, на наш взгляд, может быть определено как «псевдодовременность» (по аналогии с термином «псевдоодновременность»), так как временного соотношения между деепричастием и глаголом в данном случае не возникает: *Дашка, словно почуяв дедковы рассуждения, остановилась (В. Белов); Расчищаются дали, как бы открывши вид через всю жизнь на много лет вперёд (Б. Пастернак); Поднявшись с камня, он швырнул на землю бесполезно, как он теперь думал, украденный нож, раздавил флагу ногою, лишив себя воды, сбросил с головы кефи, вцепился в свои жидкие волосы и стал проклинать себя (М. Булгаков).*

Таким образом, относительное временное значение деепричастий далеко не всегда может быть охарактеризовано как одновременность / предшествование / следование по отношению к глаголу-сказуемому. Кроме значений одновременности / разновременности деепричастного и глагольного действий могут возникать и временные отношения недифференцированного типа, псевдодовременности, а также временной неопределённости. Возникновению данных значений способствуют некоторые субъективно-модальные значения (предположительности, неуверенности), сочетание деепричастия СВ с глаголом в форме будущего времени или в форме ирреальных наклонений или интерпретативно-оценочный характер деепричастия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. – Л.: Просвещение, 1967. – 192 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Издание 2-е. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
3. Камынина А.А. О синтаксической связи деепричастий в современном русском языке // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. – М., 1980. – С. 226-305.
4. Камынина А.А. Современный русский язык. Морфология: Учебное пособие для студентов филологических университетов государственных университетов. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 240 с.
5. Краткая русская грамматика. – М.: Русский язык, 1989. – 640 с.
6. Русская грамматика. В 2 тт. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 748 с.

7. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.

ОБУЧЕНИЕ ЯЗЫКУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СФЕРЕ МЕДИЦИНЫ

Т.Г. Стул
ТГУ им. Державина
г. Тамбов

Одной из целей обучения иностранному языку в неязыковом вузе является обучение устной речи по специальности. В процессе коммуникации научное монологическое высказывание переходит в диалог, если включить в него стимулирующий элемент, способный вызвать речевую реакцию собеседника.

Как известно, устная речь отличается от письменной относительно простым синтаксисом, наличием разговорных клише и т.д. Исходя из этих особенностей, следует подбирать учебный языковой материал. Отобранный материал располагается по тематическому принципу и с учетом нарастания трудностей. Форма диалога должна быть максимально приближена к реальным условиям общения.

В современном мире иностранные языки привлекают интерес не столько как самостоятельное лингвистическое явление, сколько как средство овладения другими специальностями. И медицина в данном смысле не является исключением. Наибольшее внимание всегда уделялось английскому языку научно-технической литературы, позднее предметом изучения стал Business English - язык делового общения в производственной, банковской и экономической сферах. В последнее время также встречается термин English for Medicine - язык профессиональной коммуникации в сфере медицины.

Преподавание английского языка учащимся неязыковых специальностей обладает своей спецификой. Достаточно обратиться к текстам по этой специальности даже на русском языке, чтобы убедиться в существовании особого научного медицинского языка со своей лексической системой, терминологическим аппаратом, нормами стилистического изложения и построения текстов. Общение на профессиональную тему всегда подразумевает наличие «языка в языке» как открытой системы, но со своими законами пользования, незнание которых ведет к коммуникативным неудачам.

Профессиональный перевод как дисциплина имеет двойственный предмет:

1. язык профессионального общения (LSP);
2. специфика перевода текстов устной и письменной репрезентации по данной специальности.

Преподавание English for Medicine основывается на преподавании общеупотребительного английского языка, а именно – его лексико-семантической и грамматической систем. Профессиональный дискурс формируется по своим законам синтаксического построения и лексической сочетаемости, отличается своей тематической семантикой и фразеологией, сленгом, клише и т.д.

Методика обучения LSP может быть частично заимствована из общей методики обучения иностранному языку, например, в плане усвоения лексики и закрепления грамматических конструкций на новом лексическом материале. Однако в центре внимания должны быть именно те языковые единицы и грамматические конструкции, которые закреплены в конкретной профессиональной сфере коммуникации. Удовлетворить данным критериям подбора языкового материала помогают интернет-ресурсы, которые содержат аутентичные тексты.

В рамках данного учебного курса Интернет-ресурсы используются как источник: 1) современной актуальной проблематики по специальности; 2) профессиональной лексики и терминологии в естественном контексте и готовых речевых конструкциях; 3) готовых языковых материалов (текстов), в тех видах и формах, в которых они используются в языковой среде (статьи, медицинские заключения). Так осуществляется связь новых знаний студента с уже имеющимися у них знаниями по их специальности. Таким образом, предметом изучения становится English for Medicine, как особый язык профессионального общения.

Чтение, перевод и обсуждение профессионально-ориентированных текстов превращает их в информационную основу познавательной учебной деятельности студентов. Формирование профессиональной направленности в обучении реализуется через организацию всего учебного процесса, содержание учебного материала. Поэтому важное значение придаётся выбору материала для перевода и выполнения заданий по выработке навыков иноязычной речевой деятельности. Особую роль играет содержательная сторона материала, отобранного для учебной деятельности студентов. Языковой материал организуется тематически.

Для выполнения задач формирования профессиональной направленности в обучении студентов специальности «Лечебное дело» нами был отобран англоязычный аутентичный материал. Базой каждой темы является текст или тексты для чтения, учитывающие профессиональную ориентацию и интересы студентов. Проблемность текстов имеет существенное значение. Тексты для изучающего чтения побуждают к дискуссии. Отбор языкового и речевого материала, ориентированного на специальность студентов, способствует повышению их интереса, как к иностранному языку, так и к специальности.

К языковым средствам, которые решающим образом отличают подязык специальности, относятся термины, терминологический словарь, формируемый студентами и извлекаемый из изучаемых текстов. Речевым материалом служат эти же тексты, тематика которых, проблемы, затрагиваемые в них, побуждают студентов к высказыванию и обсуждению по теме на основе полученной информации в сравнении с уже изученным материалом или неожиданным впечатлением, полученным в результате знакомства с аутентичным текстом.

Подбор учебных текстов для перевода, организованная работа с языковыми средствами, являются важной предпосылкой успешности работы студентов со специальной литературой для изучения иноязычной профессиональной культуры самостоятельно в будущем.

Процесс обучения профессиональному иностранному языку представляет собой огромную сложность как для изучающего язык, так и для обучающего. Это во многом связано с тем, что, приобретая знания в частности, в деятельности (медицина), человек сталкивается с огромным количеством терминов, однако эти термины не воспринимаются им в большинстве случаев, как понятия или как "нечто осознанное".

Кроме того, преподаватель, обучающий иностранному языку специальности, сталкивается с проблемой, когда студент не применяет при переводе на родной язык иностранного профессионального текста знания, полученные им в ходе занятий по профилю или, исходя из жизненного опыта и общего кругозора, результатом чего, как правило, становится полное или частичное искажение истинного смысла текста.

Каждый из нас знает, что в связи со своей спецификой термины призваны отражать в картине мира очень конкретные, четкие понятия.

При переводе терминологических текстов мы также часто встречаемся с проблемой, связанной с так называемыми «ложными друзьями переводчика» или «псевдоинтернациональными» словами.

Поскольку данная проблема оказывается исключительно важной при обучении иностранному языку на неязыковых факультетах, первостепенное значение имеет

исследование особенностей формирования у студентов специальных (профессиональных) понятий, с одной стороны, и специфики «выстраивания» значения иноязычных терминов, с другой.

Эффективность учебных занятий связана с отбором учебного материала при составлении учебных пособий. Правильный выбор текстов дает не только интересный фактический материал, но ещё решить различные задачи овладения языком – развитие навыков чтения, овладение профессионально-ориентированной лексикой, её использование в коммуникативных целях; выработка навыков письменной речи (аннотация, резюме); овладение техникой перевода.

Не менее актуальной представляется задача разработки серии упражнений к каждому базовому тексту. Они развивают следующие навыки владения иностранным языком:

1. понимание основной идеи текста;
2. выделение основных фактов, отражающих логику развития информации;
3. понимание деталей информации;
4. установление причинно-следственных связей сообщаемого;
5. понимание точки зрения автора;
6. анализ информации и установление её достоверности;
7. определение собственной позиции и оценка сообщаемой информации;
8. оценка поставленной проблемы и предложение способов её решения;
9. умение вести дискуссию по предложенной проблеме.

Упражнения к базовому тексту делятся на дотекстовые и послетекстовые.

Дотекстовые упражнения имеют целью введение в проблему, проверку фоновых знаний по данной проблеме, актуализацию личного опыта по прогнозированию содержания текста, стимулирование интереса к решению проблемы.

Послетекстовые упражнения основываются на информации, полученной от чтения. Они либо непосредственно связаны с содержанием, либо эта связь опосредована, давая обучаемому возможность развивать проблему. Эти упражнения вырабатывают умения рецептивного, репродуктивного и продуктивного плана. Цель послетекстовых упражнений: обучение различным видам чтения, работа над лексикой в её контекстуальном значении; развитие навыков анализа прочитанного; закрепление знания грамматических структур текста для понимания и перевода; владение лексико-грамматическими моделями, позволяющими вести дискуссию по проблеме; умение аргументировать свою точку зрения на основе изученных структур языка; развитие навыка письменно изложить свою точку зрения.

ОТ КОСНОСТИ «ПРАВИЛЬНОГО» МИРОВОЗЗРЕНИЯ К РЕФЛЕКСИРУЮЩЕМУ СОЗНАНИЮ (ПО РОМАНУ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»)

Н.Н. Ступницкая

Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет
г. Харьков

В романе А.И. Солженицына «В круге первом» описывается довольно драматичная эпоха в развитии нашего государства, действуют реальные исторические лица, но, тем не менее, это произведение не столько историческое, сколько

психологическое. Исторические факты, жизненные реалии того времени являются своеобразной канвой для выявления внутреннего мира персонажей и разрушения мифа о монолитности советского общества. Л. Лосев, А. Немзер, А. Урманов, М. Шнеерсон в своих исследованиях отмечали эту особенность романа и акцентировали внимание на нравственных исканиях солженицынских персонажей. С нашей точки зрения, наиболее показательной в этом отношении является судьба Иннокентия Володина.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать изменения в мировосприятии персонажа и выявить события, обусловившие «прозрение» героя. Долгое время Володин жил по принципу: «от желания до исполнения не должно быть запретов, преград» [Солженицын 1990:448], поскольку «нам жизнь дается только раз» [Солженицын 1990:448]. Потребительское отношение к жизни он принимал за естественное проявление человеческой природы и мало задумывался над смыслом своего существования. Перелом в мировосприятии героя произошел внезапно. Володин сам не может объяснить, что с ним произошло. «...Иннокентий над всеми материальными плодами земли, которые можно обонять, осязать, пить, есть и мять – ощутил безвкусное отвратное пресыщение» [Солженицын 1990:449].

Только в середине романа автор описывает события, обусловившие кардинальное изменение мировосприятия героя, что способствует созданию напряженности и романной интриги. Мотивация внутренних перемен, превративших вполне благонадежного советского чиновника во врага сталинского режима, носит, по преимуществу, рационалистический характер. Солженицын объясняет выбор Иннокентия эволюцией, которую тот претерпел под влиянием ряда факторов. Во-первых, Иннокентий начинает разбирать материнский архив и знакомиться с жизнью последнего предреволюционного десятилетия России. Из писем и дневников матери Володин совершенно по-другому увидел прошлое России. Это время его приучили считать «позорным» и «бездарным». «Да оно и было слишком говорливо, это десятилетие, отчасти слишком самоуверенно, отчасти слишком немощно. Но какое разбрасывание стеблей! но какое расколосье мыслей!

Иннокентий понял, что был обокраден до сих пор» [Солженицын 1990:453].

Солженицын пересматривает установившуюся в советское время версию российской истории, согласно которой Россия была деспотией, тюрьмой народов и единственным выходом была революция и свержение монархии. Володин понял, что большевики скрывали истинное положение вещей и не говорили правду о жизни в России до революции.

Разочарование в прежних идеалах, неудовлетворенность собой заставляют героя отказаться от устоявшихся стереотипов мышления и искать новые ответы на многие вопросы. Иннокентий начинает анализировать происходящие события и понимает, что во всех сферах советского общества существует недосказанность и полуправда. Истина «нам жизнь дается только раз!» [Солженицын 1990:448] наполнилась для него новым смыслом. Иннокентий осознал, «что и совесть тоже дается нам один только раз. И как жизни отданной не вернуть, так и испорченной совести» [Солженицын 1990:455]. Подобное мировосприятие кардинально отличалось от мировоззрения, формируемого коммунистическими идеологами.

Прежний круг общения, в том числе и полностью разделявшая мещанские интересы Макарыгиных жена Дотнара, стал чужд ему. Но желание Иннокентия жить по новым нравственным нормам оказалось очень трудно осуществить. Слова Володина, произнесенные под впечатлением виденного: «Жизнь – распалась» [Солженицын 1990:326], кажутся итогом не только пути, но и обретают всеобъемлющий трагический смысл, напоминая гамлетовские: «Порвалась дней связующая нить» [Шекспир 1951:190]. Эта фраза свидетельствует о дуализме персонажа. Он вынужден был вести прежнюю жизнь, приспособившись к внешним условиям, которые стали идти в разрез с его внутренним мировосприятием. Такая двойственность не могла длиться

бесконечно, он не может оставаться равнодушным к происходящим событиям и слепо выполнять инструкции и пытается вырваться из тесной внешней оболочки.

Анализируя психику человека, К.Г. Юнг обосновал понятие архетипа. Архетип – это находящиеся априори в основе индивидуальной психики инстинктивные формы. Он выделил несколько архетипов, наиболее известными из которых являются: анима (прообраз женского начала в мужской психике), анимус (след мужчины в женской психике), тень (бессознательная часть личности). Архетип тень символизирует темную сторону личности и персонифицирует все то, что человек отказывается принимать в самом себе и что он прямо или косвенно подавляет. Сознание Володина находилось под влиянием коммунистической идеологии, тем не менее, бессознательное наличие женского начала (анима) отражалось на внешности героя. «Клара всматривалась и обнаружила такую особенность его лица: отдельно верх его лица выглядел довольно жестко, отдельно низ – мягко. От лба, свободно развернутого от уха к уху, лицо косыми линиями сужалось и смягчалось к небольшому нежному рту. Около рта было много мягкости, даже беспомощности» [Солженицын 1990:313]. Внешность отражает двойственность героя.

Архетип тень оказывается источником двойничества. В этом архетипе с наибольшей отчетливостью проявляется наличие противоположностей и противоречий. Володин совмещает в себе черты революционера отца и интеллигентки матери. Солженицын подчеркивает, что эти черты несовместимы, они не могут мирно сосуществовать. Живущий в унылой бедности дядя Авенир доказывает Иннокентию возможность и необходимость жить «по совести» [Солженицын 1990:461]. Читая в его доме навешенные как будто от солнца газеты, Иннокентий воочию убеждается в цинизме большевистских властей, с легкостью менявших свои позиции.

Не только те, кто недоверчиво относился ко всякой политике, полагая, что никакие социальные перевороты не в состоянии исцелить общество, что важнее – духовное возрождение человека, но и те, кто политически активно противостоял царскому режиму, оказались в оппозиции к октябрьскому перевороту, который они осмыслили как антидемократический и антинародный. Обещан «мир народам» – «а через год уже «Губдезертир» ловил мужичков по лесам да расстреливал напоказ» [Солженицын 1990:464], обещана земля крестьянам – введено крепостное право; обещан рабочий контроль над производством – все находится в государственном подчинении; обещан конец тайной дипломатии – введена невиданная система секретности; обещана свобода – построен ГУЛАГ, – просвещал дядя племянника. Воспоминания дяди, очевидца революционных событий, чтение газет того времени окончательно убедили Володина в антинародности большевистского режима, изменили его отношение к отцу, герою гражданской войны и стали вторым важным открытием, приведшим его к звонку в американское посольство.

Особенно трагически звучит рассказ дядюшки о разгоне Учредительного собрания – одной из самых роковых страниц истории XX века. На Иннокентия этот рассказ производит потрясающее впечатление еще и потому, что среди громил был его отец. Возможно, не последнюю роль в решении Володина сыграл вопрос дядюшки: «...грехи родителей падают на детей?.. И от них надо отмываться?» [Солженицын 1990:469]. Из бесед с дядей Авениром Иннокентий усвоил главное: «Почему любовь к родине надо распространять и на всякое ее правительство? Пособлять ему и дальше губить народ?» [Солженицын 1990:462]. Впоследствии эта мысль наполнит его уверенностью в правильности своего решения, станет своеобразной точкой опоры. Озаренный богатством культуры предреволюционной России, удрученный убогим видом советской деревни, Иннокентий отказывается от благ, данных ему сталинским режимом, и искупает грех своего отца.

Блестящий дипломат совершает загородную поездку и узнает неизвестную ему Россию. Выйдя на полустанке, герои попадают в поле. Перед ними открывается необъятный простор. «Так это – Россия? Вот это и есть Россия? – счастливо спрашивал

Иннокентий и жмурился, разглядывая простор, останавливался, смотрел на Клару» [Солженицын 1990:314]. Автор описывает красоту русской природы, необъятные просторы родины и искалеченную, жалкую деревню.

Простор персонифицирован, ощутив его, Иннокентий объясняет Кларе, что каждый человек живет в малом круге (дом, семья), вписанном в большой (родина), который, в свою очередь вписан в глобальный (человечество). Ни один из этих кругов не должен исключать все остальные, а тот, что доступен зрению, – это и есть наш личный горизонт. Символично, в данном случае, использование Солженицыным слова «окоем» [Солженицын 1990:315]. «Окоем – пространство, которое можно окинуть взглядом, горизонт» [Макаров 1989:196]. И в этом пространстве герой видит «покосившиеся хилые двери, как в курятниках, а не домах» [Солженицын 1990:319], «убогие тряпки» [Солженицын 1990:319], старуху с мертвым цыпленком в руке. Создается впечатление, что деревня вымерла. «Не было жизни ни на улице, ни во дворах» [Солженицын 1990:319]. Именно познание этого мира и обусловило поступок Иннокентия.

На фоне картин разоренной деревни стремление Сталина получить атомную бомбу приобретает особое сатирическое звучание. Иннокентий понимает, что это смертоносное оружие нужно только Сталину, но не России. Простым людям нужны хорошие условия жизни, а не страшное оружие. «Им нужны дороги, ткани, доски, стекла, им верните молоко, хлеб, еще, может быть, колокольный звон – но зачем им атомная бомба?» [Солженицын 1990:640]. Он понимает, что люди хотят жить, а атомная бомба несет смерть. Подобный конфликт интересов отделяет власть от народа и вскрывает антинародность и лицемерие власти.

Солженицын не только стремится сказать правду о той или иной стороне советской жизни, но и научить людей читать «не по лжи». Наглядным примером тому является эпизод с чтением советских газет. Володин отмечает, что явной лжи в газетах нет, но присутствует недосказанность. По мнению Иннокентия, «все это – свобода от информации» [Солженицын 1990:312]. Подобное умозаключение является свидетельством произошедших перемен, стремления героя сквозь наносную мишуру пропаганды увидеть реальную жизнь страны, которую он представлял на международной арене в качестве дипломата. «Слушай, я ведь *представляю* Россию, но я ведь ее не-представ-ляю!» [Солженицын 1990:314] Слово «представлять» в словаре В.И. Даля имеет, наряду с прочими, и такие значения: «донести; доложить, обращая внимание на дело и на потребности, прося распоряжений, разрешения; изобразить, изъяснить словами, описанием» [Даль 1955:389]. Подобная экспликация не только разъясняет скрытое значение слова, но и способствует более глубокому осмыслению романа.

В сущности, эти три эпизода (чтение дневников и писем матери, загородная поездка, разговор с Авениром) стали для него своеобразными ступенями открытия подлинной истории своей страны и постигшей ее трагической судьбы.

Собранный в этой статье материал, несмотря на вынужденную неполноту, позволяет сделать вывод, что исторические реалии эпохи, Солженицын пропускает сквозь призму эмоционально-нравственного восприятия персонажей. Писатель полагает, что, вбирая в себя ту или иную систему ценностей, личность все более точно определяет собственную ценностную ориентацию в действительности, в зависимости от выработанных обществом нравственных представлений. Способность индивида в значительной мере самостоятельно регулировать свое поведение и судить о моральном значении всего происходящего вокруг него является психологическим ядром не только современного человека, но и указывает приоритетный путь развития общества. Мы полагаем, что дальнейшее исследование персонажа в намеченном нами русле является перспективным и представляет несомненный научный интерес дополнительное рассмотрение характера персонажа под несколько иным ракурсом будет способствовать не только более полной характеристике героя, но и осознанию специфики описываемых

автором событий. Подобная склонность к рефлексии должна стать неотъемлемой частью жизнедеятельности людей в условиях современного научно-технического прогресса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – Т. 3. – 1955. – 556 с.
2. Лосев Л. Поэзия и правда у Солженицына / Л. Лосев // Литературное обозрение. – 1999. – №1. – С. 30–38.
3. Макаров В. И. Словарь лексических трудностей художественной литературы / В. И. Макаров, Н. П. Матвеева – К. : Рад. шк., 1989. – 367 с.
4. Немзер А. С. Рождество и Воскресение. О романе Александра Солженицына «В круге первом» / А. С. Немзер // Литературное обозрение. – 1990. – № 6. – С. 31–37.
5. Солженицын А. И. В круге первом : [роман] / А. И. Солженицын. – М. : Художественная литература, 1990. – 765, [1] с. – (Текст).
6. Шекспир В. Трагедии / В. Шекспир. – М.–Л. : Государственное издательство Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР, 1951. – 720 с.
7. Шнеерсон М. «Правило последних вершков» (О романе А. Солженицына «В круге первом») / М. Шнеерсон // Грани. – 1983. – № 129. – С. 18–49.
8. Юнг К. Г. Душа и миф : шесть архетипов / К. Г. Юнг ; [пер. с англ.]. – К. : Гос. Библиотека Украины для юношества, 1996. – 383 с.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВКЛЮЧАЮЩИЕ В СВОЙ СОСТАВ АНТРОПОНИМЫ – ИМЕНА, КОТОРЫЕ ОЗНАЧАЮТ АБСТРАКТНЫЕ НЕОДУШЕВЛЕННЫЕ ПОНЯТИЯ

С.С. Тайдонова

Томский государственный педагогический университет

Фразеологизм или фразеологическая единица – устойчивое по составу и структуре, целостное по значению словосочетание или предложение, выполняющее функцию отдельной фразеологической единицы.

Фразеологизм не подлежит дальнейшему разложению и обычно не допускают внутри себя перестановки своих частей. Семантическая слитность фразеологизмов может варьироваться: от невыводимости значения фразеологизма из составляющих его слов во фразеологических сращениях (идиомах) до фразеологических сочетаний со смыслом, вытекающим из значений составляющих сочетания [Ефанова 2008:56].

Во фразеологическом единстве поглощается и теряется индивидуальный смысл слов – компонентов. Они образуют неразложимое семантически целое.

Фразеологизмы двойственны по своей природе, с одной стороны, возникая из сочетания слов, они образуют устойчивое своеобразное сочетание, а с другой стороны, они обладают единым значением, функционируя, как и обычные номинативные единицы – лексемы.

Единичное имя собственное или совокупность имён собственных, идентифицирующих человека называется антропоним. Антропонимы входят в раздел языкознания, изучающий собственные имена людей. В более широком смысле это имя

любой персоны: вымышленной или реальной. По исконному значению и происхождению антропонимы в массе своей представляют из себя обиходные слова [Ермолович 2001:111].

У имен собственных на первый план выступает функция номинативная – называть, чтобы отличать однотипные объекты друг от друга, в противоположность именам нарицательным, основная функция которых – называть, чтобы сообщать значение, коннотировать.

Антропоним называет, но не приписывает никаких свойств и не сообщает никакой информации.

Антропонимы обладают понятийным значением, в основе которого лежит представление о категории, классе объектов.

Все многообразие имен собственных подвергается классификации. В современной ономастике оптимальное структурирование ономастического пространства предложено А.В. Суперанской.

Принимая во внимание лингвистические и экстралингвистические характеристики имен собственных, А.В. Суперанская выделяет четыре классификации. Нас интересует первый тип, который подразделяется на:

а) имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые:

- антропонимы – личное имя человека;
- зоонимы – кличка животных;
- мифонимы – имя любой сферы ономастического пространства в мифах, эпосах, сказках, былинах.

б) наименования неодушевленных предметов:

- топонимы – наименования населенных пунктов;
- космонимы и астронимы – наименования космических объектов;
- фитонимы – наименования растений;
- названия средств передвижения;
- сортовые и фирменные названия.

в) имена собственные комплексных объектов:

- названия предприятий, учреждений;
- хрононимы – имя исторически значимого отрезка времени;
- названия праздников, юбилеев, торжеств; названия мероприятий, войн;
- названия произведений литературы;
- документонимы;
- названия стихийных бедствий;
- фалеронимы – имена собственные любого ордена, медали. [Суперанская, 1978, с. 123].

Имена собственные в составе фразеологизмов и фразеологических синонимов могут использоваться для характеристики личностных качеств человека (по внешнему или внутреннему сходству), различных ситуаций, оценки того или иного события, а также для обозначения неодушевленных предметов.

Данная группа фразеологизмов с антропонимическим компонентом представляет неодушевленные предметы, обозначающие бытовые приборы и преимущественно принадлежащие к солдатскому жаргону шутивное именование военных орудий.

В домашнем хозяйстве название некоторых кухонных приборов в разговорном немецком языке имеют основой апеллатив, имя собственное.

Основой метафорического значения данных фразеологизмов является эпитет и атрибут, но догадаться о значении фразеологизма по составным компонентам невозможно. Фразеологизм, *die Flotte Lotte* – мясорубка, соковыжималка, используется в разговорной речи. Прилагательное «flott» – быстрый, указывает на качество бытового прибора, а именно, на то, что с помощью этого прибора можно быстро приготовить фарш или сок.

Фразеологизм, *eine große Pauline* – большой кофейник, также означает бытовой прибор. Прилагательное «groß» указывает лишь на размер прибора и не дает никаких представлений о предмете. В разговорной речи немецкого языка можно встретить фразеологизм с компонентом антропонимом *dicke Marie*, что означает, большая сумма денег, крупные денежные купюры. Прилагательное в данном случае указывает как на количество, так и на материальную ценность купюр.

Наименование военных орудий представляют следующие фразеологизмы: *faule Grete* – пушка, *die dicke Berta* – 42-сантиметровое орудие. Орудие с коротким и толстым стволом, необычно большого калибра, которое выпускалось на заводах Круппа. По свидетельству немецких лингвистов, орудие названо так по имени жены Круппа – Берты Крупп. Прилагательное «*dicke*» указывает на массивный вид данного рудия. Прилагательное «*lang*» в фразеологизме *lange Berta* говорит не о длине ствола, а о том, что это сверхдальнобойное немецкое орудие крупного калибра, которое в 1914г. обстреливало Париж.

Фразеологизм, *wilde Marie*, означает тяжелое орудие большого калибра. Образная основа складывается из семантики прилагательного «*wild*». Значение фразеологизма *Marie auf Socken* – бесшумный снаряд, возникло на основе образного сравнения с бесшумной походкой человека босиком в носках.

Данная группа представлена одноструктурными фразеологизмами с одинаковым значением, где переменным компонентом является имя собственное.

Имя – это один из продуктов человеческой культуры. Оно возникает в коллективе, из потребностей коллектива и отражает черты, значимые для коллектива. Эпоха и уровень знания человечества накладывает свой отпечаток на имя.

Во фразеологическом фонде любого языка имеется определенное количество фразеологических единиц с компонентом-именем собственным.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ермолович, Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М. : Валент, 2001. – 200 с.
2. Ефанова, Л. Г. Русская фразеология / Л. Г. Ефанова. – Томск : Издательство ТГПУ, 2008. – 104 с.
3. Жапова, Д. Н. Антропонимы как этноисторическое явление. Бытие и язык / Д. Н. Жапова. – Новосибирск, 2004. – 219 с.
4. Комарова, Р. А. Немецкая антропонимика: учебное пособие по спец. курсу для студентов филологического факультета: Часть 1 / Р. А. Комарова. – Саратов : Саратовский университет, 1979. – 36 с.
5. Суперанская, А. В. Имя нарицательное и собственное / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1978. – 314 с.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ КУРСОВ КАК ФОРМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ

С. В. Терентьева
СПбГУ, СПб
г. Санкт-Петербург

В современных условиях дополнительное образование стало играть в жизни отдельного человека и общества в целом принципиально более значимую роль, чем это имело место ранее. Во-первых, отношение между основным и дополнительным образованием существенно изменилось: дополнительное образование теперь не столько

дополняет основное, сколько опирается на него как на необходимое условие. Во-вторых, важной тенденцией развития дополнительного образования взрослых является его «разворот» к конкретному человеку, к удовлетворению актуализированных им образовательных потребностей. В-третьих, отмечается изменение характера дополнительного образования. Оно стало больше комплементарным, т.е. восполняющим недостающие знания человека, которые необходимы ему в современном социуме для полноценной самореализации [Митина 2005: 57-59].

Одной из востребованных программ дополнительного образования среди взрослых является иностранный язык, а наиболее популярной формой обучения – языковые курсы.

Языковые курсы представляют собой форму дополнительного обучения иностранным языкам, имеющую следующие характеристики: формальный статус, место и время проведения, методическое, кадровое и материальное обеспечение, отличающуюся интенсифицированностью и практической направленностью обучения, учитывающую психологические, социальные и возрастные особенности слушателей и их уровень владения языком. По окончании языковых курсов выдается свидетельство или сертификат.

Изучение научно-исследовательской литературы, а также практический опыт позволяют сделать вывод, что языковые курсы обладают следующими особенностями: 1) дополнительность; 2) открытость; 3) отсутствие предварительных условий и требований для начала обучения; 4) вариативность; 5) практическая направленность обучения; 6) интенсификация обучения; 7) групповой характер обучения; 8) учет психологических, социальных и возрастных характеристик слушателей; 9) учет исходного уровня владения языком [О. П. Рассудова, Н.А. Метс, П.Г. Чеботарев, А.Н. Щукин, Ю.А. Комарова, Е.М. Степанова].

Языковые курсы носят *дополнительный* характер. С одной стороны, курсы не являются обязательной формой обучения, поэтому слушатель чувствует себя более свободно [Практическая методика обучения русскому языку как иностранному 2003: 210]. С другой стороны, «это создает определенные трудности: слушатели приходят на курсы после работы. Им нелегко сразу переключиться на новую деятельность, быть активными, сохранять внимание. Преподаватель в этих условиях должен владеть активизирующей и релаксирующей техникой обучения, уметь стимулировать и поддерживать разные формы активности учащихся» [Китайгородская 1986: 13].

Такая особенность языковых курсов как открытость является очень привлекательной для слушателей. «Неуспех на курсах не переживается так остро, как он переживается в формальном обучении. Всегда остается открытая возможность попробовать себя на других курсах» [Практическая методика обучения русскому языку как иностранному 2003: 210].

В рамках языковых курсов, как правило, *не требуются предварительные условия для начала обучения*: уровень предшествующей языковой подготовки, возрастные границы, социальный статус и т.д. Подобная особенность позволяет включаться в процесс обучения большому количеству людей с любым начальным уровнем, в любом возрасте и с любой профессией.

Вариативность языковых курсов проявляется в их разнообразии по целям, содержанию, срокам, месту, времени проведения и другим характеристикам в зависимости от запросов и потребностей слушателей. «Вариативность системы языковых курсов в определенной степени компенсирует недостатки и закоснелость системы формального образования» [Тырхеева 2005: 22].

Другая важная особенность языковых курсов – *практическая направленность занятий*, которая, «проявляется в том, что при наличии трех задач обучения: знакомство с системой языка, формирования речевых навыков, развития речевых умений – предпочтение отдается речевым умениям; преобладает устная коммуникация» [Практическая методика обучения русскому языку как иностранному 2003: 76].

«Практическая направленность заключается в том, что ставятся задачи обучения не языку вообще, а, как правило, речевой деятельности» [Рассудова 1977: 41].

Следующей особенностью языковых курсов является *интенсифицированный характер обучения*. Под “интенсификацией” понимается особым образом организованный учебный процесс, «при котором происходит усвоение максимального количества учебной информации на максимально качественном уровне при наименьших затратах энергии со стороны обучающихся и в минимально короткие сроки» [Гегечкори 1975: 23]. Интенсификация обучения заключается в рациональном и сбалансированном чередовании активных интенсивных методов с традиционными, а также сочетание элементов различных методик, что в своей совокупности призвано в кратчайшие сроки реализовать цели и задачи языковых курсов для конкретной группы слушателей и с учетом конкретных условий» [Тырхеева 2005: 29]. «Интенсифицированный характер курсового обучения выражается в насыщенности занятий видами и формами работы, требующими постоянной активности, возрастающей в результате использования разнообразных аудиовизуальных средств, ролевых игр и упражнений типа этюдов» [Практическая методика обучения русскому языку как иностранному 2003: 91].

Еще одной особенностью языковых курсов является *групповой характер занятий*. В курсовом обучении учащиеся формируются в группы от 4 до 16 человек. Активное общение преподавателя с обучающимися и обучающимися между собой является социально-психологическим фактором успешности процесса обучения, одновременно обеспечивая эффективность формирования познавательных действий и приемов общения на изучаемом языке. Совместные действия и межличностные отношения в системе учитель-ученик, ученик-ученик и т.д. являются также средством повышения продуктивности индивидуальной деятельности. Правильно организованные и управляемые преподавателем групповые действия способствуют внутренней мобилизации возможностей личности обучаемого [Образовательные стандарты в курсовом обучении иностранному языку 1999: 37].

Языковые курсы предлагают свои услуги различным в социальном и возрастном планах слоям населения. При разработке циклов обучения необходимо *учитывать психологические и социально-возрастные особенности* каждой возрастной группы. Эти особенности должны быть приняты при отборе и организации учебного материала, его содержания, при выборе типов и способов взаимодействия преподавателя и учащихся, при определении технологии работы [Образовательные стандарты курсового обучения иностранным языкам 1999: 38].

Названный образовательный контекст является важным системообразующим компонентом структуры краткосрочного обучения и регламентирует деятельность по реализации задач обучения путём выстраивания процесса овладения иностранным языком согласно ряду принципов. К данным принципам можно отнести следующие:

- 1) гуманистичности и демократизма – свободы выбора слушателем содержания, форм, времени и т.д. обучения;
- 2) непрерывности – взаимосвязи организованных образовательных мероприятий и саморазвития слушателя курсов;
- 3) опережающего характера содержания обучения – ориентации не только на актуальные, но и на прогнозируемые потребности слушателей курсов;
- 4) стимулирования субъектности – формирование способности обучаемого к саморазвитию и самоорганизации;
- 5) вариативности – гибкости и разнообразия содержания, методов и форм образования;
- 6) связи содержания обучения с практической деятельностью слушателей курсов – определения содержания обучения в зависимости от коммуникативных потребностей;
- 7) преемственности содержания обучения – последовательности и логичности подачи содержания обучения на различных уровнях обучения иностранным языкам;

8) интеграции обучения – использования системной совокупности факторов психологического, лингвистического и собственно методического характера;

9) дифференциации обучения – учёта реального уровня иноязычной подготовки слушателей и личностного развития обучаемого [Комарова 2010: 36].

Реализация представленных принципов способствует совершенствованию учебного процесса, обеспечению его системности и практической направленности, что, в свою очередь, предполагает рациональное распределение учебного материала и его организацию в рамках отдельных модулей, тематических блоков и отдельных занятий.

Таким образом, процесс обучения иностранному языку в рамках курсовой подготовки должно сопровождаться соответствующим дидактическим обеспечением и позволяет на каждом отдельном этапе решать конкретные практико-ориентированные задачи.

В завершение отметим, что на сегодняшний день языковые курсы считаются одной из наиболее эффективных и результативных организационных форм обучения иностранному языку взрослых. Данная форма наиболее адекватно отвечает запросам и потребностям взрослой аудитории и предоставляет большие возможности преподавателю действовать разнообразно, самостоятельно и творчески для достижения поставленной цели.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гегечкори Л.Ш. Основы методики интенсивного обучения взрослых устной речи на иностранном языке: автореф. на соиск. учен. степени д-ра наук: Москва, 1975. 41 с.
2. Змеев С.И. Андрагогика: теоретические основы обучения взрослых. М.: Б.и., 2000. 215 с.
3. Китайгородская Г.А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам, М.: Высш. школа, 1986. 101 с.
4. Комарова Ю.А. Дифференцированный подход к процессу обучения взрослых слушателей иностранному языку // Вестник педагогических инноваций, 2010, №4, 33-48.
5. Митина А.М. Становление и развитие дополнительного образования взрослых за рубежом: автореф. на соиск. учен. степени д-ра наук. Волгоград, 2005. 417 с.
6. Проблемы краткосрочного обучения русскому языку иностранцев / под ред. О.П. Рассудовой М.: Рус. яз, 1977. 176 с.
7. Образовательные стандарты курсового обучения иностранным языкам / Мос. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, М.: Шк. Китайгородской, 1999. 120 с.
8. Тыхеева Н.С. Формирование межкультурной компетенции при обучении иностранному языку на языковых курсах: дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. С.-Петербур. гос. ун т. СПб., 2005. 181 с.
9. Щукин А.Н. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. М.: Рус. яз., 2003. 301 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ

Л.Д. Червякова

Предлагаемый материал – часть учебного пособия, которое не является альтернативой учебнику для получения фундаментальных знаний для студентов романо-германской филологии в рамках курса «Лингвистический анализ текста». Целью предлагаемого пособия является систематизировать и конкретизировать знания, сосредоточить внимание на основных понятиях теории лингвистического текста, их признаках и особенностях; расширить и углубить теоретическую информацию об основных понятиях и терминах дисциплины: категориях анализируемого текста, его текстообразующих связях, коммуникативной организации текста, видах членения текста, развить навык выполнения лингвистического анализа текста.

Принцип построения пособия – инкорпорирование – позволяет обучать лингвистическому анализу текста с учетом пройденного теоретического и практического материала. Конечная задача данного пособия – проконтролировать знания в этой области, с этой целью в нем даны контрольные задания по использованию основ теории перевода, теоретической грамматики и грамматической стилистики (с ключами), поэтому такой анализ, хотя он и лингвистический, существенно отличается от классического лингвистического анализа текста и не претендует на сравнительное описание с учетом всех характерных особенностей лингвистического анализа художественных текстов.

В лингвистическом смысле любое высказывание является текстом в виде последовательности графических или звуковых языковых знаков, объединенных единым смыслом. Это – словесное речевое произведение, в котором присутствуют все языковые единицы: фонема, слово, словосочетание, простое и сложное предложение.

В культурологическом плане текст имеет внеситуативную особенность, то есть сохраняет свое значение на протяжении длительного времени, а не на исключительно данном отрезке времени.

Ему присущи свои *виды* (основной и побочный тексты), *свойства* (отличается от речевой деятельности, имеет четко выраженное начало и конец изложения, состоит из группы предложений как минимальной коммуникативной единицы); *структура* текста и *средства* связи между словами и предложениями, которые служат одной цели – достичь наибольший художественный эффект и максимально выразить замысел автора. Известно, что изучением текстов (рукописных, печатных, художественных, литературно-критических, литературоведческих, публицистических) занимается наука о текстах, филологическая дисциплина – текстология. Это – междисциплинарная дисциплина и развивается вместе с историей и теорией литературы, литературной критикой и методологией литературоведения.

Лингвистика – наука сравнительного изучения языков, а лингвистика текста – это целостный филологический анализ литературных произведений, который в XX веке оформился как наука. Филологический анализ текста глубоко и подробно был описан в исчерпывающих работах М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, В.М. Жирмунского, Л.В. Щербы, Б.М. Эйхенбаума и др. Прикладная дисциплина – теория языка художественной литературы разработана В.В. Виноградовым; разработка теории актуальности членения текста с учетом особенностей лексики, грамматики и самого текста принадлежит зарубежным лингвистам (О. Лешка) и ряду российских исследователей (К.А.Золотовой, З.Я. Тураевой и др.); семантический синтаксис (Н.Д.Арутюнова, В.Г.Гас, Т.А. Ван Дейк, А.В.Новиков и др.) и функциональная стилистика (М.Н. Кожина, В.В. Одинцов, Э.Г. Ризель, Д.Н. Шмелев) позволили описать семантическую составляющую текста, функционально-стилистические параметры текста, типологию текстов, их функциональное значение и способствовали более глубокому пониманию традиционных стилистических средств.

Без изучения связи лингвистики текста с риторикой, поэтикой, герменевтикой, семиотикой, психолингвистикой, стилистикой и теорией искусственного интеллекта невозможно рассматривать анализируемые произведения как объект научного познания, определить в нем логические категории, термины, понятия, определить моменты познания художественного образа, выделить и зафиксировать главное, существенное и закономерное в нем, чтобы обогатить представление о произведении [Бушмин 1980:333].

Методология изучения текста предполагает его *научное описание*, (раскрытие таких факторов как: речевые единицы, обозначенные предметы и действия, композиционные сцепления); *научный анализ* (проверка объективными методами субъективного впечатления); *интерпретацию*; *внутритекстовое и контекстуальное описание* (в статье не рассматривается). Из этого следует, что анализ текста – научный метод расчленения сложноорганизованного целого на части и выявление в нем: - элементов связи между его компонентами; - конечной цели (описание свойств и особенностей, присущих отдельным элементам и частям произведения), а также - установление объективного состава и структуры целого текста.

Основная задача лингвистического анализа – выявление общей художественной идеи текста, то есть обобщающего эмоционального смысла, который лежит в основе произведения, и доминантой которого неизменно является точка зрения автора, высказанная им по отношению к описываемой действительности. В процессе анализа рассматриваются разные уровни текста: лексический, синтаксический, композиционно-синтаксический, имплицитный, интерпретация, задача которой – максимально извлечь мысли и чувства автора. Текст характеризует речевую деятельность и соотносится со стилем, причем стиль – свойство этой деятельности, а текст – результат этой деятельности в виде коммуникативной единицы письменного типа речи.

Лингвистический анализ, как правило, проводится на фонологическом, морфологическом и синтаксическом уровнях исходя из разных уровней текста. Морфологический анализ направлен на различение значимых единиц языка с помощью фонем, основной единицы фонологического уровня. Фонема – односторонний знак, то есть имеет только *план выражения*, поэтому все фонемы выполняют одинаковую функцию и роль в звуковом построении высказывания, а значит, на этом уровне стилистические выразительные средства отсутствуют. Но в некоторых языках, в том числе и в английском языке, можно встретить определение модели звуковой организации высказывания, которые создают определенные акустические эффекты: сочетание, чередование, синтаксическая последовательность, аллитерация, ассонанс, звукоподражание, эвфония.

На морфологическом уровне в основе анализа лежит морфема – наименьшая значимая единица языка: *корневая* и *аффиксальная* (слово- и формообразующая); при этом формообразующие морфемы типологизируются на *синтетические* (с одним компонентом, выражающим грамматическое и лексическое значения – *texts, holds, quicker, hers*), *аналитические* (с двумя, тремя и более компонентами, первый из которых выражает грамматическое значение, а последующие компоненты и лексическое, и грамматическое значения – *of the table, was held, more interesting, of hers*), *чередующие корневую гласную* (*goose-geese, fall-fell, write-wrote*) и, наконец, *супплетивные* формы, полностью преобразующие свою форму лица, числа и времени (*man-men, to be-am, are, is, was, were, good-better, bad-worse*).

Формообразующие морфемы могут функционировать только в составе слова, образуя словоформы, которые выражают разнообразные значения грамматических категорий: числа, падежа, определенности и неопределенности у существительных и семь категорий у английских глаголов: лица, числа, времени, залога, аспекта, наклонения, порядка (согласования времен).

Слово – элемент языка – сложный информативный комплекс и обладает денотативным, предметно-логическим и коннотативным значением. Благодаря наличию

денотативного и коннотативного значений у элемента языка (слова) появляются выразительные средства в синонимической парадигме. У слова коннотативное значение может быть и вне контекста (husband – spouse; муж – супруг), а у грамматической формы вне контекста может быть только денотативное значение, вне контекста она не может быть стилистически, эмоционально или экспрессивно маркированной. [Паршин, 1974:58]

Языковые (или парадигматические) синонимы на морфологическом уровне в английском языке малочисленны, и очень немногие из них образуют стилистически маркированные и немаркированные оппозиции, а именно: формы настоящего и прошедшего времени общего вида (немаркированные) и маркированные по значению интенсивности аналитические формы этих категорий с эмфатическим глаголом “do” (he wrote – he did write), а также синонимический параллелизм обычных форм императива (don't go there) и стилистически маркированного коррелята (don't you go there). Это свидетельствует о бедности системы на морфологическом уровне, которую можно компенсировать стилистическими приемами: нарушения порядка слов, нарушения норм сочетаемости морфем в составе слова, транспозиции грамматических форм частей речи.

Речевая экспрессия возможна и благодаря той или иной степени изменения синтаксической организации текста, основной единицей которой является модель предложения, то есть предикативная цепочка словоформ: подлежащее, сказуемое, приглагольные члены. Основой для появления оппозиции (маркированности) между различными моделями предложения служит наличие общего инвариантного значения предикации, а также общего синтаксического (предложение повествовательное, вопросительное или отрицательное). Трансформация исходной модели в модели вопросительных или отрицательных предложений превращает их в стилистически маркированные.

Наряду с вышеперечисленными аспектами речи анализ текста предполагает и анализ построения содержания текста: художественное время, художественное пространство, связь содержания времени и пространства, поскольку в пространстве невозможно не затрагивать течение времени, а смена временного аспекта, как правило, сопровождается изменениями пространственного ориентира.

Предлагаемые ниже задания даются для закрепления и контроля полученных знаний по теории перевода, теоретической грамматике и грамматической стилистике для получения эквивалентного перевода. Процесс анализа предлагаемых предложений и абзацев различных текстов и его результаты можно проверить по прилагаемым к заданиям ключам. Практический материал для анализа собран из различных источников по теории и практики перевода, грамматической стилистике, лингвистике текста, проработанных на лекционных и семинарских занятиях по перечисленным курсам, и автор данной работы не претендует на их авторство.

Теория перевода

I Лексические трансформации в переводе

Задание 1

Сравните переводы предложений и определите приемы и правила лексических трансформаций.

1. Superpower – сверхдержава

Mass culture – массовая культура

Green revolution – зеленая революция

Skyscraper – небоскреб

2. Land-based missile – ракета наземного базирования

Rapid deployment force – силы быстрого развертывания

Marketing management – управление маркетингом

Personnel manager – начальник отдела кадров

3. Transnational – транснациональный

Petrodollar – нефтедоллар
Miniskirt – мини-юбка
Subculture – субкультура
[Казакова, 2001:6]

Лексические трансформации в переводе (ключи)

1. Калькирование - перевод лексической единицы английского языка путем замены ее составных частей – морфем или слов – их лексическими соответствиями в русском языке.
2. Калькирование с изменением порядка следования калькируемых элементов.
3. Комбинированные трансформации - транскрипция и калькирование используются одновременно.

Лексико-семантические модификации

Задание 2

Переведите следующие предложения, определите приемы (с указанием правила), используемые для достижения данного способа преобразования.

1. a) Denny waited in a corridor which smelled of disinfectant.
He was at the ceremony.
He had a cup of coffee.
He had a bad night.
b) thing
item
article
piece
c) At seven o'clock an excellent meal was served in the dining-room.
The drinks in the bar were great.
The people stood up and began to pray.
The boy opened the door and took the man's stick.
d) She left her chair in agitation.
I was to lie a long way off.
He told me I should always obey me father.
2. He visits me practically every weekend.
Jane used to drive to market with her mother in their La Sane convertible.
He showed us his beat-up Navaho blanket.
A young man of 6 feet 2 inches.
3. I don't blame them.
He's dead now.
He always made you say everything twice.
Before his eyes were dry.

[Казакова, 2001:103]

Лексико-семантические модификации (ключи)

- 1.а) Динни ждал в коридоре, пропахшем карболкой.
Он присутствовал на церемонии.
Он выпил чашку кофе.
Он плохо спал ночью.

Конкретизация - замена слова или словосочетания в английском языке с более широким предметно-логическим значением на слово или словосочетание с более узким значением в русском языке.

- b) thing – вещь, предмет, дело, факт, случай
item – предмет, пункт, параграф, статья
article – статья, пункт, изделие, вещь, деталь

piесе – кусок, часть, штука, предмет, картина

Конкретизация из-за отсутствия в русском языке слова со столь широким значением.

с) В 7 часов был подан отличный ужин.

Алкогольные напитки в баре были потрясающими.

Прихожане встали и начали молиться.

Слуга открыл дверь и взял трость у мужчины.

Конкретизация - в данном случае родовое понятие в русском языке не может быть использовано из-за расхождения коннотативных компонентов значения.

d) Она вскочила со стула.

Я должен был спать в другом конце дома.

Он посоветовал мне всегда слушать отца.

Конкретизация в русском языке глаголов с общим значением в английском языке.

2. Он ездит ко мне почти каждую неделю.

Джейн ездила со своей матерью на рынок в их машине.

Он нам показал свое потрепанное индейское одеяло.

Молодой человек высокого роста.

Генерализация (преобразование, обратное конкретизации) – замена единицы в английском языке, имеющей более узкое значение, единицей в русском языке с более широким значением.

3. Я их понимаю.

Он умер.

Он всегда переспрашивал.

Хотя глаза его были полны слез.

Модуляция (смысловое развитие) – замена слова или словосочетания в английском языке единицей в русском языке, значение которой логически выводится из значения исходной единицы.

II Грамматические трансформации в переводе

Задание 3

Переведите и объясните, какие способы и приемы перевода использованы в данных примерах.

1. a) They say

You see

Say it

b) He couldn't break himself out of his habit of flushing.

c) She will stay at a hotel/She will be staying at a hotel.

d) He glanced up just to see a stranger on the neighboring roof.

e) I will take care for her as long as I live.

f) He didn't have much time at his disposal.

2. a) The boys talked him away and he forgot about his fears for a while.

b) The tired speaker was silent.

c) He gave his watch to his mother.

d) He almost believed that he had been living on two pounds a week for years.

3.a) The Brothers Karamazov

The language of the simple people

b) Her archeologist husband

Creative activity

Insane

Out-of-town visitors

4. a) The door will not open.

b) Here is an apple.

- c) Hunting and fishing provided the chief occupation and food supply of the Northwest Indians of America.
- d) Such was Tolstoy's fame that Yasnaya Polyana became a place of pilgrimage.
- e) They had no money but they had their wits.
- f) "No kidding, I am sorry", I kept telling her.
- g) The environmental movement is more than just "big-mouthing".
- h) Reassembly of means to reinforce a monument is used as extremity.

[Казакова, 2001:153]

Грамматические трансформации в переводе (ключи)

1. Морфологические преобразования в условиях сходства форм.

а) Нулевой перевод.

Говорят
Понимаешь
Скажи

Нулевой перевод используется при не совпадении функций различных видов местоимений.

б) Частичный перевод.

Он никак не мог избавиться от привычки краснеть.

Частичный перевод - использование не полной формы, а только частично совпадающей по функции.

с) Функциональная замена.

Она остановится в гостинице.

Функциональная замена используется при переводе временных форм глагола, которые имеют прямое соответствие в обоих языках, но сами формы могут употребляться в различных функциях.

д) Уподобление.

Он взглянул вверх и в этот момент увидел на крыше соседнего дома незнакомца.

Уподобление - придание общих грамматических свойств разным грамматическим формам.

е) Переводческая конверсия.

Я буду заботиться о ней, пока я жив.

Переводческая конверсия применяется в тех случаях, когда имеет место традиционное несовпадение степени эксплицитности элементов сообщения или стилистическая неуместность эксплицитности.

ф) Антонимический перевод.

У него оставалось мало времени.

Антонимический перевод позволяет переводчику создать более естественную структуру на переводящем языке в тех случаях, когда грамматическая форма приводит в противоречие с правилами лексической сочетаемости и лишает переводной текст выразительности, утяжеляя его.

2. Морфологические преобразования в условиях различия форм.

а) Нулевой перевод.

Своими рассказами мальчики отвлекли его, и он забыл о своих страхах на какое-то время.

Нулевой перевод - пропуск той или иной безэквивалентной формы при построении переводного текста.

б) Конверсия.

Оратор устало замолчал.

Конверсия – это преобразование именной формы и ее изменение своих грамматических функций при сохранении при этом смысловых функций.

с) Развертывание исходной формы.

Он подарил эти часы матери.

Развертывание исходной формы – это преобразование синтетической формы в аналитическую с оформлением нескольких разных грамматических значений отдельными грамматическими элементами.

д) Стяжение.

Он едва сам не поверил в то, что годами жил на два фунта в неделю. *Стяжение, или компрессия – это прием противоположный развертыванию исходной формы; стяжение грамматической формы - преобразование аналитической формы в синтетическую форму.*

3. Синтаксические преобразования на уровне словосочетаний.

а) Полный перевод.

Братья Карамазовы

Язык простого народа/простонародный язык

Полный перевод применяется в тех случаях, когда оба фактора правил сочетаемости полностью совпадают в исходном и переводящем языках, что требует подробной передачи особенностей исходного текста.

б) Частичный перевод

Ее муж археолог/ее муж археолог, по профессии

Творческая деятельность/творчество

Не в своем уме

Приезжие посетители

При частичном переводе используются такие приемы, как сокращение, расширение, функциональная замена и перестановка.

4. Синтаксические преобразования на уровне предложений

а) Невозможно открыть дверь.

При переводе формальное и значимое подлежащее могут исчезать.

б) Вот яблоко.

Нулевой перевод для сказуемого.

с) Охота и рыболовство были основными занятием и источником пищи

для индейцев северо-запада Америки.

Функциональная замена - замена глагольного сказуемого именным или наоборот.

д) Слава Толстого была настолько велика, что Ясная Поляна

превратилась в место паломничества.

Распространение — это превращение единичного члена предложения в группу или в целое придаточное предложение.

е) У них не было денег, зато была голова на плечах.

Перестановка компонентов предложения; последовательность элементов при общности значения определяется разными речевыми традициями и условиями.

ф) «Серьезно, я действительно сожалею об этом», - твердил я ей.

Антонимический перевод, то есть замена отрицательной или вопросительной формы предложения на утвердительную или наоборот.

г) Движение в защиту окружающей среды включает гораздо более

сложные действия, чем громкие протесты и заявления.

Перевод этого предложения требует добавлений как в силу лексико-семантических, так и грамматических факторов.

h) В исключительных, экстремальных случаях для укрепления

памятника требуется его полная перестройка.

Опущение - наличие избыточных компонентов в исходном тексте с точки зрения переводящего языка

III Синтаксические преобразования

Перевод высказываний с обратным порядком слов

Задание 4

Определите тип преобразования, тип варьирования (семантическое или синтаксическое), тип эквивалентности перевода.

1. Visitors are requested to leave their coats in the cloak room.
Посетители просят ставить верхнюю одежду в гардеробе.
 2. The last week saw an intensification of diplomatic activity.
На прошлой неделе наблюдалась активизация дипломатической деятельности.
 3. The little town of Clay Cross today witnessed a massive demonstration.
Сегодня в небольшом городке Клэй Кросс состоялась массовая демонстрация.
 4. The crash killed 20 people.
В результате катастрофы погибло 20 человек.
 5. A deathly silence descended upon the room.
В комнате воцарилась мертвая тишина.
 6. The advantages of the European market should be recalled.
Следует напомнить о преимуществах европейского рынка.
 7. The company uses 50% of its profit.
Используется только 50% прибыли компании.
 8. The ultimate goal of these efforts is a general and complete disarmament under strict international control.
Конечной целью этих усилий должно стать всеобщее и полное разоружение под строгим международным контролем.
 9. An old man came into the room.
В комнату вошел пожилой человек.
 10. A different stand was taken by France and Germany.
Иную позицию заняли Франция и Германия.
- [Breus, 2000:21]

Перевод высказываний с обратным порядком слов (ключи)

1. Синтаксическое варьирование: используются аналогичные структуры, которые связаны отношениями прямой и обратной трансформации (актив и пассив); при переводе высказываний с *темой - прямым дополнением* изменение направления действия часто сопровождается заменой активного залога на пассивный залог; 4 тип эквивалентности.
2. Синтаксическое варьирование: используются аналогичные структуры с изменением типа связи между ними; при переводе высказываний с *темой-обстоятельством* последнее становится при переводе подлежащим, если семантика позволяет ему исполнить роль формального деятеля; 4 тип эквивалентности.
3. Синтаксическое варьирование: используются аналогичные структуры с изменением порядка слов; при переводе высказываний с *темой-обстоятельством* последнее становится при переводе подлежащим, если семантика позволяет ему исполнить роль формального деятеля; 4 тип эквивалентности.
4. Семантическое варьирование: используется прямое указание на разное число деталей, характерных для данной ситуации, в результате чего синонимичные переводы отличаются по степени эксплицитности; *тема - косвенное дополнение* требует высказывании использования активного залога в английском языке; 3 тип эквивалентности.
5. Синтаксическое варьирование: используются аналогичные структуры с изменением порядка слов: начальную позицию занимает тема, а конечную – рема; 4 тип эквивалентности.

6. Синтаксическое варьирование: используются аналогичные структуры, которые связаны отношениями прямой и обратной трансформации (актив и пассив); рема из конечной позиции перемещается в начало английской фразы; 4 тип эквивалентности.
7. Синтаксическое варьирование: используются аналогичные структуры, связанные отношениями прямой и обратной трансформации (актив и пассив); при переводе высказываний с *темой - прямым дополнением* изменение направления действия часто сопровождается заменой активного залога на пассивный залог; 4 тип эквивалентности.
8. Синтаксическое варьирование: используются аналогичные структуры с изменением типа трансформации между ними; высказывания (диремы) с *темой - именным сказуемым* преобразуют русское именованное сказуемое в английское подлежащее; 4 тип эквивалентности.
9. Синтаксическое варьирование: используются аналогичные структуры с изменением порядка слов; рема из конечной позиции перемещается в начало английской фразы; 4 тип эквивалентности.
10. Синтаксическое варьирование: используются аналогичные структуры, которые связаны отношениями прямой и обратной трансформации (актив и пассив); при переводе высказываний с *темой - прямым дополнением* изменение направления действия сопровождается заменой активного залога на пассивный залог; 4 тип эквивалентности.

Грамматическая стилистика

I Стилистические функции местоименных форм

Задание 5

Определите функцию местоименных форм, переведите на русский язык.

1. I'm ancient, but I don't feel it. That's one thing about painting, *it keeps you young*.
There's no real need to bring Christ in something remote; *You could approach* it (something) from any angle.
Поговорки: You can't eat your cake and have it.
You cannot judge a tree by its bark.
 2. Because he is a Forsyte; *we never part with things* you know, unless *we want something in their place*;
 3. The more *one* speaks the truth, the less one expects to be believed.
 4. *They had got it under, kennelled it all up, labelled it, and stowed it in lawyers offices*.
 5. There is nothing to be done. *People* will talk – there is no preventing it.
- [Раевская, 1973:56]

Стилистические функции местоименных форм (ключи)

1. Обобщенное употребление местоимений второго лица придает живость и выразительность в общих высказываниях, изречениях и поговорках.
Обобщенное употребление местоимения второго лица живо и выразительно в общих предложениях, изречениях и поговорках.
2. В непрямом, переносном значении в обобщенных высказываниях «неопределенное» первое лицо множественного числа означает неопределенную группу лиц, с которой говорящий объединяет себя в силу общности характера или привычек.
3. В натянуто-принужденном стиле речи неопределенно-личное *one* может непосредственно относиться к говорящему и в таком случае коррелируется с первым лицом единственного или множественного числа.
4. Местоимение *they* в неопределенно-личном значении исключает, как известно, говорящего и слушающего, нередко с экспрессивно-эмоциональным оттенком высказывания.
5. Неопределенно-личное *they* синонимически коррелируется с существительным *people*.

II *Стилистические функции категории числа*

Задание 6

Определите функцию категории числа, переведите на русский язык. 1. «Truth broader than truths»;

There are a number of pronounced successes to his credit, but he has not as yet attained full success;

She possessed certain perfectly definite beauties, like her hair.

2. He had nerve but no nerves;

Wilfrid has emotions, hates, pities, wants;

The peculiar look came into Bossiney's face which marked all his enthusiasms;

3. A glare brighter than a dozen suns dazzled their eyes, terrible heat seared their skins and the crashing beat crushed their ears in painful waves.

4. She heard the hall clocks chime of twelve, and time and again she heard the sounds which none can put a name to in the darkness; At this point soft obscure expressions of uncatalogued emotions perhaps from departed Forsytes, Darties, and Cardigans wrapped her all over.

[Раевская, 1973:29]

Стилистические функции категории числа (ключи)

1. Индивидуализация отвлеченных понятий, нередко связанная с явлениями метонимии, сопровождается возникновением в соответствующих словах новых значений и оттенков.
2. Абстрактное существование, принимая форму множественного числа в его разделительном значении, превращается в исчисляемое имя и тем самым как бы опредмечивается, конкретизируется. В ряде случаев формы единственного и множественного числа абстрактных существительных имеют различные оттенки данного абстрактного значения, что создает возможность употребления этих форм в целях эмпазы.
3. Метафорическое употребление форм множественного числа существительных, обозначающих единственные в своем роде предметы. Повествование принимает здесь характер особо наглядной художественной изобразительности.
4. Смысловой сдвиг в сторону нарицательности, процесс символизации значений собственных имен становится источником возникновения экспрессивной коннотации при употреблении этих существительных во множественном числе.

III *Стилистические и стилевые варианты значения артикля*

Задание 7

Определите функцию артикля.

1. The dusk seemed to spread and fly into a sky. Dusk softened the trees, the sky, the river.

2. A definite solution of England's troubles towards – an England safe in the air, and free from unemployment. It had been the old England here – the England of very little smoke, wood fires, and wives who never left you.

3. The church at the gates, the road, the tranquil hills all reposing in the autumn day's sun. In the early afternoon when he reached Edinburgh a low sun broke through.

4. If Liz was my girlfriend and I was sneak out to a dance coupled up with an Annie, I'd want a suit of chain armour on under my gladsome rags.

5. The waiting, the hope, the disappointment, the failure of his hopes, and end to his career, then the suicide perhaps, of the shabby, slip-shod drunkard.

6. Mr. Gills pushed the bottle towards him. He took the bottle up, and having surveyed and smelt it, said with extraordinary expression: «The?». Upon that he whistled as he filled his glass, and seemed to think they were making holiday indeed.

[Раевская, 1973 :29]

Стилистические и стилевые варианты значения артикля (ключи)

1. Сдвиги в значениях абстрактности и конкретности, нарицательности и собственности связаны со стилистической направленностью высказывания, обогащают стилистические возможности художественно-изобразительной речи. Контрастное употребление артикля обладает наибольшей экспрессивностью. Семантика определения при существительном зависит от контекста; такой прием усиливает эмфатическое выделение образа, придает высказыванию наглядность.
2. Стилистический выбор определенного артикля диктуется особыми ассоциативными связями значения существительного с данным контекстом.
3. Употребление существительных с определенным артиклем в силу свойственной ему одноплановости и статичности приобретает стилистическую тональность, объединяя предметы в единую художественную смысловую линию. Объединенные таким образом существительные, несмотря на всю разнородность их семантики, превращаются в одну цельно представленную картину.
4. Стилистические функции артикля весьма ощутимы при местоименном употреблении с абстрактными существительными и собственными именами. Различные оттенки субъективной экспрессии обуславливаются здесь индикаторами лингвистического и ситуативного контекстов.
5. Серийное употребление определенного артикля используется как стилистический прием интенсификации экспрессивной окраски существительных.
6. Основная содержательная функция артикля – актуализация нарицательных имен, в основе которой лежат внешние для предмета субъективные моменты, связанные с ситуацией в речи; служит средством экспрессивной коннотации в стилистических целях.

Речевые действия переводчика заключаются в объяснении переводческих проблем. Задача предлагаемого пособия научить студентов воспринимать текст в виде целого комплекса последовательных взаимосвязанных переводческих трудностей. Без выработки такого навыка становление профессиональной компетенции переводчика невозможно, поэтому основная часть курса включает типовые методы перевода и комплекс упражнений, направленных на определение переводческих проблем, их анализа, корректировку предлагаемых вариантов перевода и, наконец, на создание собственного варианта перевода.

На более сложном этапе переводческого процесса пособие предлагает целые небольшие связные тексты для анализа и пошаговые действия для их осуществления.

Шаг 1. Определить отрезок текста, в рамках которого осуществляется переводческое действие (абзац, сверхфразовое единство, одно высказывание, отдельный компонент высказывания);

Шаг 2. Анализ проблем текста в целом: определение темы (основной мысли), ремы (информационной вершины), отношений между темой и ремой, диремы и моноремы (чем является переводимое высказывание);

Шаг 3. Создание основной структуры эквивалентного русского высказывания: формулирование темо-ремной структуры (монорема требует смены прямого порядка слов на обратный; дирема требует размещения всех слов, относящихся к теме, так, чтобы тема оказалась в конце русского высказывания);

Шаг 4. Текстологические преобразования: членение объединение высказываний, учет коррелятивных цепочек (cohesion и collocation), местоименных соответствий с существительными (антипаций); изменение временного и логического порядка следования высказываний; внесение в русские высказывания дополнений для пояснения логических и временных отношений;

Шаг 5. Формирование предикативного ядра (подлежащего и сказуемого, определение наличия необходимости или отсутствия такой необходимости смены подлежащего и связанных с этим преобразований дирем).
[Бреус, 2000:119]; [Левицкая, 1963:27]

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум/ Л.Г.Бабенко, Ю.В.Казарин. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 496с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М., 1975.
3. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. – М.:УРАО, 2000. – 207с.
4. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. – М., 2000.
5. Бреус Е.В. Курс перевода с английского языка на русский. – М., первое изд. – 2007, второе изд. исправленное и дополненное, с грифом УМО в области лингвистики Минобрнауки. – М., 2010.
6. Бушмин А.С. Наука о литературе. – М.: Современник, 1980. – 333с.
7. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М., 2007.
8. Куканова В.В. Лингвистический анализ репродуцированных текстов: на материале звукового корпуса русской речи юристов. – Санкт-Петербург, 2009. – 224с.
9. Казакова Т.А. Практические основы перевода. – Санкт-Петербург.: изд.Союз, 2001. – 317с.
10. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М., 2001.
11. Левицкая Т.П., Фитерман А.М. Теория и практика перевода с английского языка на русский. – М., 1963 – 125с
12. Мирошниченко И.В. Лингвистический анализ текста конспект лекций. – М.: А-приор, 2009
13. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. – М., 1996.
14. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория перевода с древнейших времён до наших дней). – М., 2006.
15. Нефедова О.Д. «Лингвистический анализ текстов американской сказки» под рук. Шевцова К.А. – Харьков.: ХНУ, 2002.
16. Дж. Л. Остин. Слово как действие // сборник новое в зарубежной лингвистике: вып.17. – М., 1986.
17. Паршин Г.М. Теория и практика перевода. – М.: Русский язык, 2000. – 161 с.
18. Раевская Н.Н. Очерки по стилистической грамматике современного англ.языка. – Киев: Высшая школа, 1973.
19. Рецкер Я.И.. Теория перевода и переводческая практика. – М., 2006.
20. Робинсон Дуглас. Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода. – М., 2005.
21. Фердинанд де Соссюр. Заметки по общей лингвистике. – М., 1990.
22. Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика)/ З.Я.Тураева. – М.: Просвещение, 1976. – 127с.
23. Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура. – М., 1976.
24. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. – М., 1973.
25. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М., 1988.